

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ
БУРЯТИЯ

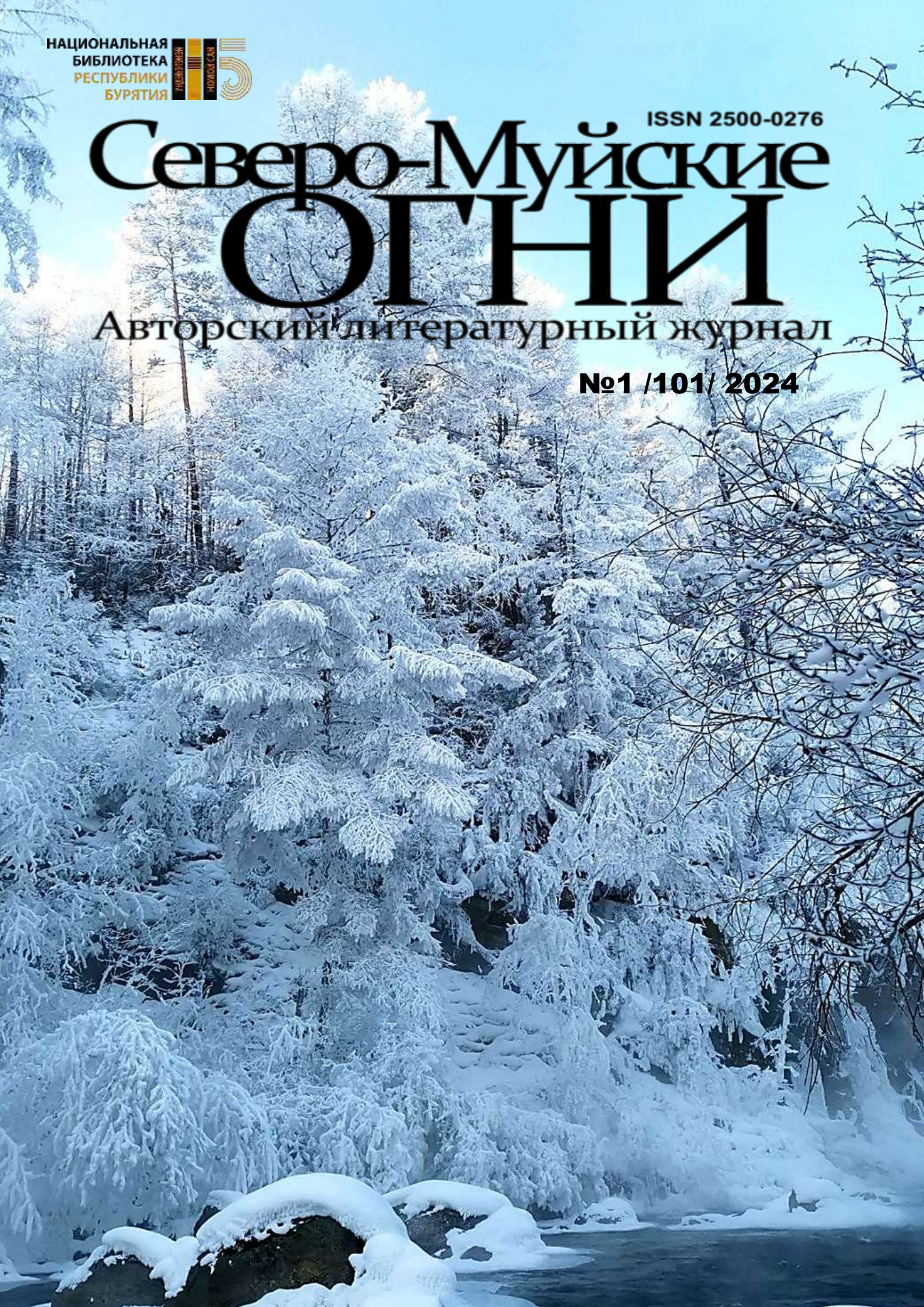

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№1 /101/ 2024

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /В. Кузнецов/

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№1/101/ январь-февраль 2024

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов (Северомуйск, Бурятия)
Секретарь-референт: Елена Зяблова (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)
Зам. гл. редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова (Северомуйск, Бурятия)
Зам. гл. редактора по литературной критике: Александр Шерстюк (Москва)
Зав. отделом прозы: Анжелла Седых (Киренск, Иркутская обл.)
Редактор отдела прозы: Дарья Фомина (Балашиха, Московская обл.)
Редактор отдела публицистики: Ирина Резник (Омск)
Редактор отдела поэзии: Александр Балтин (Москва)
Редактор литературного отдела «Рыбохотобзор»: Сергей Малашко (Магадан)
Редактор отдела культуры: Татьяна Лапахтина (Таксимо, Бурятия)

Литературный экспертный совет

Байбородин Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России /Иркутск/.
Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России /Улан-Удэ/.
Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук /Москва/.
Ерёмин Николай Николаевич, поэт, член Союза российских писателей (член Союза писателей СССР – с 1981 г.), Русского ПЕН-центра всемирной ассоциации «Международный ПЕН-клуб» /Красноярск/.
Нечипорук Иван Иванович, поэт, член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, действительный член Славянской литературно-художественной академии (Болгария) /Горловка, ДНР/.
Новиков Андрей Вячеславович, поэт, прозаик, публицист, секретарь Правления Союза писателей России /Липецк/.
Орлов Максим Томасович, поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России /Братск, Иркутская обл./.
Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств /Москва/.
Рябчиков Лев Анатольевич, поэт, прозаик, публицист, председатель Правления Крымского РО ЛСПР, президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева /Симферополь, Крым/.
Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь Правления Союза писателей России /Иркутск/.
Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России /Темрюк, Краснодарский край/.
Ячеистова Наталия Изяславовна, поэт, прозаик, член Союза писателей России /Москва/.

Информационные партнёры:

- Литературный журнал «Приокские зори» /г. Тула/.
- Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «Иртышъ-Омь» /г. Омск/.
- Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели» /г. Самара/.
- Литературный журнал «Аргмак. Татарстан» /г. Набережные Челны/.
- Издательство «Союз писателей» /г. Новокузнецк/.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Фото на страницах обложки: из архива редакции.

Подписано в печать 29.02.2024.
Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2024

Адрес редакции и издателя:
671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.
Тел.: 8 (902) 458-28-89; 8 (908) 595-72-30

Сайт: <https://smogni.ru/>
E-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru
Связь с главным редактором: vitalicatalog3@yandex.ru

Содержание**Критика**

Нина Ищенко. Кого убивает Пушкин в романе Павича?.....	3
Владимир Спектор. Были и легенды таинственного мира шаманов.....	4

Публицистика

Татьяна Михайлова. Два деда, внук и внучка.....	7
Дмитрий Дарин. Три России.....	9
Ирина Борщевская. Атланты восточных просторов России.....	12

Поэты конца советской эпохи

Блаженный и прекрасный мир Евгения Блажеевского.....	16
--	----

Привал на поэтической тропе

Александр Балтин. Мера «Межсезонья» Сергея Миронова.....	18
Алексей Зименков. «Ламцадрица-ца», или Верный рыцарь рифмы.....	20
Татьяна Бирюкова. «Стихами были или прозой поэтом прожитые дни...».....	24
Евгений Zubov. Стихи.....	26

Проза

Анжелла Седых. Холстинки из цикла «Лето Господне».....	27
Наталья Ячеистова. Цифра vs Слово. Рассказ.....	28
Дмитрий Воронин. Контрабанда. Рассказ.....	31
Юрий Егоров. Странные люди. Рассказ.....	32
Александр Балтин. Валлас и Грипет. Рассказ.....	34
Дарья Фомина. Акула. Рассказ.....	37
Олег Роменко. Рождественская история. (сказка для взрослых).....	38
Сергей Кириллов. Снег да снег кругом... Отрывок из повествования «Уйдома».....	39
Сергей Малашко. «Век живи – век учись». Рассказ.....	41
Евгений Асташкин. Мы и Рыжий. Рассказ.....	42
Олег Булычев. Людоед Федя. Рассказ.....	43
Эдуард Янков. Собачья упряжка. Рассказ.....	47

Поэзия

Николай Ерёмин. Мои бессрочные часы.....	52
Игорь Елисеев. «Пусть всё забудется, я буду...».....	53
Ефим Гаммер. Времена года.....	54
Сергей Кривонос. «Где твои, что под цвет ежевики, глаза...».....	56
Александр Кобелев. «Под лоскутным тёплым одеялом...».....	57
Иван Нечипорук. «Нарушая промысел поста...».....	58
Ирина Артамонова. «Не грусти, я приду...».....	59
Яков Шафран. Из новых стихов.....	60
Александр Гахов. «Не живут без корней».....	61
Александр Соколовский. «Раскрыты окна всем ветрам...».....	62
Лидия Пашенко. «Где заждались трамвайные пути...».....	63
Валерий Мазманян. «И в снах остаются не зимы, а вёсны...».....	64
Наталья Окенциц. «Простой сценарий».....	65
Александр Сырченко. «Просветлённый».....	66
Иван Трофимов-Ковшов. «С тёплым чувством сострадания...».....	67
Александр Шерстюк. «шерстюку александру александровичу...».....	68

Сатира и юмор

Валерий Румянцев. Двое из племени поэтов (глава из сатирической повести «Литературный экспресс»).....	70
Илья Криштул. Будем праздновать? Будем!.....	75
Александр Тухтаров. Афанасий.....	77

Рыбохотобзор

Юрий Жекотов. Оляпкино пёрышко (из цикла «Рассказы дальневосточного охотника»).....	79
Сергей Малашко. Оленинка из чайника (из цикла «Удачные рыбалки»).....	81
Алексей Пранов. Шатун. Рассказ.....	82

Обратная связь

Алёна Иванова. Маленькое чудо.....	86
------------------------------------	----

Творческий совет журнала.....	88
-------------------------------	----

КРИТИКА

...всякий читатель – критик, и всякий критик – читатель.
поэт Саша Чёрный (1880–1932)

Нина ИЩЕНКО

г. Луганск, ЛНР – Россия

Ищенко Нина Сергеевна (р. 1978) – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик.

Редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Член Философского монтеневского общества Луганска, доцент кафедры философии ЛГАУ имени К. Е. Ворошилова. Редактор-составитель семи сборников Философского монтеневского общества Луганска. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск – 2014» (2020), «Борьба цивилизаций в "Отблесках Этерны"» (2021), «Южный фронт: Россия – Украина – Донбасс» (2021), «Псевдоморфозы сакральности в знаковых пространствах современности» (2023).

Кого убивает Пушкин в романе Павича?

Культура постмодерна, в которой существуют сейчас и книги, и читатели, дала новые способы чтения. В XX веке поменялось соотношение в герменевтическом треугольнике «автор – персонаж – читатель». В литературе модерна автор пишет историю, читатель её читает, с персонажем происходят приключения. В литературе постмодерна, благодаря работам Барта, Борхеса, Кортасара, Набокова и других философов и писателей, ломаются границы текста: читатель становится автором, автор – персонажем, персонаж – читателем, все возможные варианты реализуются в разных произведениях. Взаимоотношения в герменевтическом треугольнике – центральная тема выдающегося сербского писателя Милорада Павича. В его романе «Пейзаж, нарисованный чаем» Александр Пушкин, который привычно воспринимается как автор, превращается в активно действующего персонажа, но персонажа – читателя самого романа! Рассмотрим, как это происходит, для чего проанализируем, какую роль играют книги и сам процесс чтения в «Пейзаже, нарисованном чаем».

В постмодернистском романе Милорада Павича книги постоянно присутствуют в сюжете как артефакты, чтение книг обсуждается разными персонажами, а сам автор даёт в романе несколько способов прочтения его книги: по горизонтали и по вертикали.

Главный герой Атанас Свилар составляет книги о чае, куда вклеивает вырезки и цитаты разных писателей, посвящённые чаю и чаепитию, а также рисует чаем пейзажи поместий Иосипа Броза Тито. На сторону отцов, выигравших Вторую Мировую войну, хочет встать Свилар, сменив имя на Разин и купив не рождённых детей у сестёр Цецилии, Ольги и Азры, что отсылает читателя к сюжету поэмы Гоголя «Мёртвые души». Это основная тема романа, отражённая в названии.

Важное место занимает в романе Писание. В Библию отец Тарквиний кладёт список имён детей, купленных Свиларом/Разиным. Две книги, Ветхий и Новый Завет, упоминаются в мистерии, где растения и животные мечтают о новом завете с Богом, в который они хотят вступить, помимо человека, чьи преступления безграничны.

Интересно, что другие книги, присутствующие в сюжете, также не являются художественными.

В книгу записывают крещёных детей. Витача верит только поминальным книгам. Афанасий Разин для работы химика «раздобыл «Физику» Афанасия Стойковича в трёх книгах издания тысяча восемьсот первого года». Любовник Азры, мусульманин, даёт ей религиозные книги. Книгу стихов-заклинаний читает Цецилия в момент заключения сделки по покупке нерождённых детей.

Книгу «Лексикон улыбок» дарит Амалии Ризнич её будущий муж инженер Пфистер, граф Цеппелин. После смерти их сына Амалия собирает библиотеку кулинарных книг. Книги монастырской библиотеки вообще не читаются: отец Свилара, Коста Свилар, травник, выскивает между страницами старых книг вложенные туда как закладки травы или цветы из семнадцатого и восемнадцатого веков.

Некоторые книги, возможно, являются художественными, но автор прямо не сообщает об этом читателю. Такие книги падают с полок дома, разрушенного во время бомбёжки Белграда союзниками в 1944 году. Какую-то книгу читает некрасивая десятилетняя девочка на спектакле в Белграде. Книги продаются в книжном магазине «то ли на парижском бульваре Сен-Жермен, то ли где-то в Цюрихе», где Разин покупает себе право сидеть на стуле. Какие-то очень интересные книги белградского писателя (возможно, самого Павича) читает Вида Милут – переводчица на немецкий.

Сама книга Павича, роман «Пейзаж, нарисованный чаем», активно обсуждается в тексте: для неё собирают материал, её пишут и одновременно читают разными способами. В романе эксплицитно обсуждается проблема чтения. Книга Павича заявлена как роман-кроссворд, и поэтому её читают по горизонтали и по вертикали. Читая эпизоды в свободном порядке, читатель составляет разные истории, тем самым включаясь в сюжет и меняя судьбы персонажей. Один из героев романа отец Лука делает важное замечание о способе чтения книг: «Книгу, если от неё ждёшь чуда, следует читать дважды. Один раз следует прочитать в молодости, пока вы моложе героя, второй раз – когда вошли в возраст и герои книги стали моложе вас. Тогда вы увидите их с обеих сторон, да и они смогут учинить вам экзамен с той стороны времени, где оно стоит». Таким образом, главный герой Атанас Свилар читает книгу Гоголя «Мёртвые души», после чего круто меняет свою жизнь.

Ещё два способа чтения книг озвучивает главный герой Свилар/Разин. Он заявляет, что из любой книги постоянно исчезают тексты и появляются в них новые. Это значит, что если внимание

читателя отвлечено, его волнует другая проблематика, он не интересуется изложенным, то какая-то часть книги остаётся не прочитанной, она исчезает из книги, меняя смысл уцелевшего текста. В то же время из приведённых в книге слов, мотивов, образов любой читатель может составить свою историю и читать то, что ему нужно, а не написанное автором.

Основная интрига романа на событийном уровне заключается в том, что главная героиня книги Витача Милут влюбилась в читателя этой книги. Жизнь и смерть героини зависят от того, мужское или женское лицо она увидит во время гадания, и на последней странице оказывается, что Витача видит лицо читателя. Таким образом, читатель активно вовлекается в текст романа. Автор выполняет свою задачу – включить читателя в книгу, сделать его героем, перевести через границу книжной страницы. В этой части романа упоминаются не книги, а авторы и персонажи художественных произведений – Гомер, Боккаччо, Абельяр, Татьяна Ларина, Ифигения, Дездемона и другие.

Одним из персонажей романа, тем читателем, в которого влюбляется Витача, является Александр Пушкин. Именно он должен исполнить приговор в финале. Кроме того, среди предков Витачи находится Амалия Ризнич, возлюбленная Пушкина, чья история в романе Павича излагается по запискам Пушкина и дополняется сербским писателем. Так Пушкин выступает в книге как читатель, персонаж и автор одновременно, совмещая в себе все три вершины герменевтического треугольника.

Хотя на уровне артефактов роман заполнен книгами, и многие персонажи в разные моменты жизни читают книги, художественной является только одна из них – «Мёртвые души», чем подчёркивается значимость гоголевского текста в сюжете. Особое место занимает Библия, играющая важную роль в сакральном плане романа. Напротив, художественные произведения активно упоминаются в части романа, посвящённой разным способам чтения книг, включению читателя в текст, превращению автора в персонажа и другим трансформациям в герменевтическом треугольнике. Рассмотренные трансформации воплощены в образе Александра Пушкина, одного из авторов романа, который является персонажем истории, играя в ней роль читателя, убивающего главную героиню Витачу Милут. Так Милорад Павич создаёт книгу, в которой разные стратегии чтения не только описаны, но и фактически воплощены.

Владимир СПЕКТОР

г. Луганск, ЛНР – Россия

Автор более 20 книг стихов и прозы. Лауреат ряда международных литературных премий.

Редактор литературного альманаха «Свой вариант».

Были и легенды таинственного мира шаманов

О книге Владимира Фёдорова «Служители трёх миров» (Москва: Эксмо, 2023. 336 с.)

Почему молодой талантливый артист меняет свою достаточно звучную фамилию на псевдоним Шаман? Наверное, потому, что слово это в представлении большинства людей ассоциируется с неведомыми силами, с мощной энергетикой и способностями творить чудеса. Что же, артиста можно понять. Овеянная легендами, многовековая история шаманов, этих удивительных личностей, наделённых сверхчеловеческими способностями, подтверждает их невероятные возможности. Следует признать, что в этом конкретном случае надежда на чудо, синонимом которого можно назвать успех, вполне оправдалась.

Но кто же они на самом деле, шаманы, которых разные народы (не только северные) в своих сказаниях наделяют свойствами, пусть не Богов, но близких к ним по своему могуществу существ? Отныне у любознательных читателей появилась возможность узнать о шаманах, если не всё, то почти всё, достоверно и с практически научной точностью и обстоятельностью. Известный писатель, путешественник, краевед Владимир Фёдоров издал книгу «Служители трёх миров», в которой подробно и тщательно рассказал об истории шаманов как носителей древнего языческого культа. Автор знаком с этой темой не понаслышке, он родом из Якутии, где имел возможность не только наблюдать камлания шаманов, но и общаться с некоторыми из них, изучать историю шаманизма и по научным источникам, и по непосредственным впечатлениям, а также по былям и легендам, которые смог записать в многочисленных экспедициях. Можно абсолютно точно утверждать, что такой энциклопедической по своему содержанию книги ещё не было. Это первый в истории научно-популярный труд, в котором жизнь шаманов, процесс возникновения у них уникальных способностей, их быт и возможности изложены с максимальной объективностью, уважением и желанием понять природу этого явления.

«...Слово шаман имеет исконное тунгуско-маньчжурское происхождение, дословно – «знающий». Шаманом назывался человек, являвшийся посредником и избранником духов, обладавший способностью видеть иную, особую реальность и путешествовать в ней. Только они могут совершать астральные путешествия во всех трёх существующих мирах нашей Вселенной – Среднем, Верхнем и Нижнем, – быть посланниками и связными между ними, нести миссии добра и зла, созидания и разрушения, целительства и проклятия. Подобные качества ставят шаманов в оккультном ряду значительно выше обычных колдунов, магов и чародеев. Тем интереснее это и для писателя, и для читателей».

Как у них всё это получается? Откуда берутся силы и умения? Не шарлатанство ли это? А может, это признаки душевных болезней? Или владение мощными гипнотическими способностями? Возможно ли летать, словно птица, посещая нижние и верхние небеса, творя чудеса, избавляя от бед и недугов? Эти и многие другие вопросы постоянно возникают при знакомстве с историей шаманов и их воистину волшебными качествами. Когда и при каких условиях возникли и стали проявляться их чудесные способности? Как они объяснимы? Неужели только вера в чудо помогают им демонстрировать такие поразительные результаты? Одно дело, если это только внушение или самовнушение. Но результаты деятельности шаманов очевидны, они зачастую потрясающи и, на первый взгляд, не поддаются объяснению. Что за этим стоит – фантастические силы или каждодневный многолетний упорный труд, учёба, самосовершенствование, овладение знаниями и опытом многих поколений целителей, знахарей, мудрецов... И, конечно, выдающиеся личные способности – особая память, сообразительность, наблюдательность, проницательность, обладание мощной биоэнергетикой, физическое совершенство, выносливость. И ещё вера в высшее божество и в себя, познание добра и зла, справедливости и подлости, добродетели и порока... Обо всём этом ведёт рассказ Владимир Фёдоров, и читатель вместе с ним погружается в многовековую, полную тайн и мистики историю и повседневность шаманов, при этом множество подлинных рассказов, а также мифов и легенд излагаются на страницах книги, чтение которой – совсем не простой, но интересный и познавательный процесс.

«...Сегодня более-менее точно, с указанием хотя бы конкретного тысячелетия, ответить на вопрос «Когда появились шаманы?» невозможно. Если встать на позиции христианских богословов, то шаманизм можно считать неким результатом известной метафизической катастрофы, в итоге которой прачеловек был отторгнут Богом и изгнан из рая.

Интуитивно он пытался вернуть утерянное. Поначалу спонтанное, а затем осознанное вхождение в транс с помощью массовых танцев, боя барабанов и опьяняющих растений позволяло душе на какой-то момент воспарять к утраченным небесам. Как утверждал Александр Мень, по существу это была попытка достижения духовной свободы механическим путём. «Но в этой попытке – при всей её надрывности – трогательна сила жажды высшего, которая не давала человеку погрязнуть в беспросветном, полуживотном состоянии».

Попытки понять, осознать, постичь тайны шаманизма предпринимались цивилизованным миром с незапамятных времён. В этих действиях зачастую преобладала высокомерно-пренебрежительная предвзятость, неверие в особые способности шаманов, желание принизить, высмеять, представить их больными, психически ненормальными, не от мира сего людьми. В принципе, такое отношение свойственно для условного Запада и по сей день, и не только к шаманам, но и к их землякам в широком смысле, и на севере, и на юге, и в центре громадной страны.

«Некоторые западные исследователи считают, что шаманы каменной эры «обладали не секретной доктриной, а лишь любознательностью к природе и контактировали с человеческими подсознательными силами». Думается, они недооценивают их тайные знания. Ведь уже из каменного века идёт видение шамана как существа смешанной природы – наполовину человека, наполовину птицы или зверя... При посвящении шаманы давали клятву, в которой были слова: «Если позовут тебя вместе богатый и бедный, то иди сперва к бедному и не требуй много за труды». Хорошо, если бы таким правилом руководствовались все современные медики... «Белые шаманы» благословляли празднества и общественные акции, и спрашивали для своего рода и народа благодать высших богов и природных стихий. Разве подобное под силу ненормальным? ...Хороший шаман не кичлив, не жаден, не требователен; у него не заметно ни высокомерия, ни гордости, а, скорее, проглядывает чувство внутренней силы, перед которой невольно преклоняются окружающие и которая рождает к нему доверие и повиновение. Им верили, их уважали и боялись – и при жизни, и после смерти. Всякий настоящий шаман, по крайней мере, сибирский, переживает в отрочестве или юности психологический кризис, который длится несколько лет. Затем однажды наступает и кризис физический, условная «смерть» от трёх дней до недели, а иногда и более, представляющая собой обязательную форму посвящения. Только преодолевший её становится обладателем шаманского дара и тайных знаний...».

Книга Владимира Фёдорова наполнена легендами и рассказами о реальных историях, когда обращение к шаманам помогало людям преодолеть бедствия и невзгоды, излечить тяжелобольных, заглянуть туда, куда взгляду простых смертных проникнуть не дано. Не буду утверждать, что книга читается, как легкий роман. Это сложное повествование, плотно насыщенное фактами, мифами, рассуждениями о реальности и потусторонних мирах. Но именно эта плотность изложения привлекает пытливого читателя, выделяет книгу, подчеркивая уникальность собранного материала. Интересно, что к помощи шаманов прибегали не только соседи и земляки, но и вельможные, коронованные особы. Зафиксирован случай обращения к шаманкам царя Ивана Грозного. Ждал помощи от шаманов накануне кончины и император Пётр Первый. Но избранники духов не были вовремя доставлены во дворец. Можно сказать, что помощь опоздала. Судя по всему, вельможи опасались царского гнева, если шаманы не сумеют помочь. Возможно, опасались напрасно. А Ивану Грозному ведуньи точно указали срок ухода в мир иной.

«Неизвестно, с помощью каких действий, но абсолютно единодушно лопарские ведуньи пришли к заключению, что государь очень скоро покинет сей мир и случится это 18 марта, что и было передано царю боярином Бельским. Иван Грозный, не поверив, что жить ему осталось так мало, пришёл в ярость и повелел за столь наглое враньё именно 18 марта разом и сжечь всех колдуний. Утром указанного числа Бельский, повидавшись с царём, пришёл в острог, где содержались под

стражей лапландки, и сказал, чтобы они готовились к казни. Но шаманки философски ответили ему, что «ещё не вечер». И оказались правы: сев играть в шахматы, Иван Грозный внезапно упал в обморок и к ночи скончался. Лапландок отпустили по домам...».

Посредники между мирами, как называют шаманов, во все времена славились не только способностями исцелять, помогать, решать вопросы, но и заглядывать в день грядущий, давать прогнозы, которые в большинстве своём сбывались. Об этом тоже пишет Владимир Фёдоров.

«Шаманы были для своих соплеменников и провидцами, указующими путь истинный. Старейший шаманолог Иван Манжигеев записал в середине XIX века пророчество великого шамана Гурсэба, в котором он предсказал появление «змеевидного транспорта» – поезда, а также электричества, автомобилей. И ещё то, что «цари будут свергнуты, богачи превратятся в батраков, а каторжане станут начальниками. И когда выпадет последний волосок из чёрного кончика заячьего уха, наступит всемирный потоп...» Нам остаётся лишь пожелать, чтобы финал предсказания сбылся ещё очень нескоро...».

И всё же главное, чем славились шаманы во все времена, – это их способность исцелять от болезней и даже в некоторых случаях оживлять (зафиксированы несколько случаев возвращения к жизни после смерти от обморожения). Как им это удавалось? В чём источник их таинственных сил? Вопрос сложный, ответы неоднозначные. Но, без сомнения, в основе позитивных результатов, кроме всего прочего, целый комплекс знаний и умений, основанных на мощной биоэнергетике, детальном изучении народной медицины и многое другое, о чём тоже подробно сказано в книге.

«Исследователь Пётр Ильяхов насчитал девять основных методов лечения, применяемых шаманами. Прежде всего, шаманы в совершенстве владели средствами, накопленными за века народной медициной. Они очень хорошо разбирались в лекарственных травах, знали, где и когда их собирать, в каких случаях и каких дозах применять. Использовали внутренние органы животных, мази животного и минерального происхождения. Вправляли кости и с помощью шин их сращивали, делали сложные хирургические операции – от удаления аппендикса до кесарева сечения. Применяли кровопускание, массаж, иглоукалывание, прогревание и прижигание нервно-болевых центров с помощью специальных «мушек»... Они владели технологиями бескровных операций. Подобно знаменитым филиппинским хилерам, могли без всяких разрезов и хирургических инструментов извлекать из тела человека пули, наконечники стрел, другие инородные предметы. Как правило, в результате ритуала эти предметы сами «выскакивали» из тела в бубен или на ладонь шамана. Следующий метод назывался «выдуванием» и служил для расширения и укрепления сосудов головного мозга... «Выметание» болезни, сопряжённое с особым ритуальным камланием, представляло собой специальный длительный массаж, сочетавшийся с заговорами и «помощью» духов... Памятуя о народной мудрости – «слово лечит, слово калечит, слово убивает, острое слово сильней стрелы», – шаманы иногда исцеляли только словом и заговорами...».

Здоровье, судьба, одоление невзгод – чаще всего об этом шла речь в просьбах, обращённым к шаманам. Эти темы вечные. И сегодня у них (шаманов), немногих из оставшихся, спрашивают совет. От них ждут помощи, уповая на чудо. Происходит ли оно? Каждый случай уникальный, и каждый раз чудо может произойти. А может, и нет. Но раз есть обращения (причём от самых разных людей, не только от родственников и соседей), значит, жива вера в выдающиеся способности проводников, посредников между мирами, между прошлым и будущим. Шаманов... Книга Владимира Фёдорова это подтверждает.

Был слышан о таинствах, обычаях и обрядах народов Севера и великий Александр Пушкин. Ему поведал о них его лицейский друг, моряк и путешественник Фёдор Матюшкин. Возможно, его рассказы легли в основу одного из известнейших стихотворений поэта.

«...В одной из экспедиций Матюшкин, увидев зимней ночью огонёк в глухой тайге, повернул к нему, несмотря на резкий протест проводника, и попал в гости к шаману. Вернувшись в Петербург и увидевшись с поэтом, он рассказал ему об этой встрече... Вероятно, она отразилась в строках знаменитого стихотворения «Пророк». По мнению пушкинистов, создавая его, поэт оттолкнулся от шестой главы библейской книги пророка Исайи, но потом «ушёл в сторону», и, по сути, в нём было описано действие, очень похожее на обращение неопита в шаманы. ...Может, толчком послужил не только библейский, но и языческий пророк, так эмоционально и живописно обрисованный поэту приехавшим из Якутии Матюшкиным».

...И он мне грудь рассёк мечом, и сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнём, во грудь отверстую воздвигнул.
Как труп в пустыне я лежал, и Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли, исполнишь волею моею,
И, обходя моря и земли, Глаголом жги сердца людей».

Пророки, целители, проводники и таинственные вершители воли небес... Шаманы, чьи традиции, знания, загадочные обряды, известные с древнейших времён, по сей день живут среди нас. Они трепетно берегут свои тайны, помогая людям, оставаясь близкими и далёкими. Благодаря книге Владимира Фёдорова, чуть приоткрылась их история, мистическая и манящая, пока до конца ещё не изученная.

Публицистика

Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории.
Николай Александрович Бердяев (1874–1948)

Татьяна МИХАЙЛОВА

г. Тверь

Филолог, автор 10 книг. Дипломант литературных конкурсов в России и за рубежом, обладатель серебряной медали международного конкурса «Русский стиль 2009» (Германия) в номинации «Публицистика», член жюри международного поэтического конкурса «Согласование времён» (Германия, 2012 г.). Победитель литературного конкурса им. Юрия Бондарева «Горячий снег» в номинации «Публицистика» (Крым, 2023). Редактор отдела публицистики «Северо-Муйских огней» (2010 – 2012 гг.). 2024 год для автора – юбилейный, и творческий коллектив журнала приносит Татьяне свои искренние поздравления.

Два деда, внук и внучка

После сооружения подо Ржевом огромного современного мемориала вырос интерес и тверских жителей, и иногородних к истории Ржевской битвы. На открытии мемориала президент страны озвучил цифру наших потерь – около полутора миллионов. Это больше, чем в битве под Сталинградом.

Каких-то двадцать лет назад за такую вот арифметику не гладили по голове даже продвинутых ржевских исследователей. Об уверенности более ранних советских историков («бои местного значения с общими потерями с нашей стороны 70 тысяч») теперь благополучно забыли. Но в главном военном музее «1418 шагов» столичного парка «Патриот» введённый в научный оборот (с подачи почётного жителя Ржевского района, ветерана войны Петра Михина) термин «Ржевская битва» (ожесточённые почти полуторалетние бои, протяжённость линии фронта в несколько сотен километров, несколько крупных наступательных операций с каждой стороны, не говоря уже об оборонительных, огромные материальные и людские потери) тоже обойдён молчанием. Есть только зал, посвящённый второй Ржевско-Сычёвской наступательной операции РККА ноября–декабря 1942 года. Феномен упорного, долго тянувшегося молчания об общеизвестном у каждого вызывал вопросы о его причинах.

Почётный работник госбезопасности Павел Судоплатов во время Великой Отечественной войны отвечал за разведку, диверсии и террор за пределами собственной страны (пример – организация убийства Троцкого). В качестве ближайшего помощника Берии после расстрела шефа пострадал (15 лет отсидел в лагере), но был реабилитирован и написал мемуары, которые читают даже не специалисты по истории войны.

Немало интересного находим мы в этих мемуарах. В частности, операцию «Монастырь». Советский офицер Александр Демьянов (он же «Макс») отправлен нашей разведкой за линию фронта, прошёл обучение в школе абвера, был принят противником за своего и... в начале ноября тяжелейшего для советской стороны 1942 года выдал немцам план подготовленной на конец месяца Второй Ржевско-Сычёвской наступательной операции («Марс»)! Жуков, как пишет Судоплатов, не знал об этих играх с противником до самой своей смерти. На бывших болотах этих самых кровопролитных и неудачных за всю историю Ржевской битвы боёв и смотрит на нас теперь с 10-метрового насыпного холма бронзовый седоволосый солдат с признаками тлена на гимнастёрке, уносимый журавлями в страну мёртвых.

Не все историки считают мемуары Судоплатова достоверными – стало быть, подождём комментариев и уточнений профессионалов. Но то, что любимыми силами наша армия пыталась не пустить немецкие полчища под Москву (это всего лишь 150 км от Ржева, а в декабре 1941 г. остановили немцев всего лишь в 23 км от столицы) и под Сталинград, – правда, известная теперь каждому школьнику. Любой ценой. В том числе вызывая огонь на себя?

Везде, где фашистские оккупанты надолго окапывались в городе, они устраивали транзитные лагеря для советских военнопленных. Был такой и во Ржеве. Пусть и с опозданием в несколько десятилетий, но о Ржевском ДуЛаге-240 мы узнали из документальной повести «Это мы, Господи!» бывшего узника этого лагеря, писателя Константина Воробьёва. Об условиях содержания пленных немало говорит такой факт: в 1990-е годы общественность Германии пыталась протолкнуть через Бундестаг законопроект, по которому военнопленных таких вот лагерей должны были приравнять к узникам концлагерей! Инициатива была перебита активистами Холокоста, но маршал Г. Жуков ещё

задолго до этого настаивал на награждении (вместо наказания) военнопленных, бежавших из таких лагерей.

Нам известно немного имён бежавших. Не все они остались живы, не все обладали литературным талантом об этом написать. Юрий Качанов из райцентра Кувшиново тогда ещё Калининской, а ныне Тверской области – один из этих немногих. Не только несколько раз (как и Константин Воробьёв) бежал, но и в начале нашего уже века опубликовал страницы своей военной автобиографии – повесть «Непокорённые». Вместе с ним создавали эту публикацию главный ржевский краевед, руководитель Ржевского книжного клуба журналист Олег Кондратьев, тверской прозаик, редактор редкого по красоте журнала (оформлял выпуски молодой тверской художник Игорь Гусев) «Русская провинция» Михаил Петров, известный столичный писатель, один из первых авторов художественной прозы о «ржевской мясорубке» Вячеслав Кондратьев, чьи письма Юрию Качанову тоже вошли в книгу.

Троих из них уже нет в живых. Что ж, тем ценнее возникшее в 2023 году желание кувшиновских и тверских краеведов установить в Кувшинове памятную доску своему замечательному земляку. Не успевший стать из-за начала войны морским офицером, Юрий Качанов после побега из лагеря стал фронтовым разведчиком. Дошёл до Кёнигсберга, где вместе со своим военным начальством принимал капитуляцию противника, вернулся в Кувшиново с несколькими боевыми орденами, преподавал в школе, работал егерем. Внук, обошедший своего деда-богатыря в килограммах и сантиметрах, мастер спорта по боксу и (естественно!) тоже Юрий, бережно хранит и письма деда Вячеславу Кондратьеву.

В июне мемориальная доска уже нашла своё место. Полгода после этого общественность невеликого Кувшинова (семья, сотрудники библиотеки, ветераны, сверхмалый коллектив современной «районки», местный поэт Владимир Андреев, в полном составе молодые руководители администрации, к сожалению, не имеющие возможности из-за дотационного бюджета выделить собственные средства...) пыталась организовать переиздание книги Юрия Качанова. Целых полгода депутаты областного центра не могли помочь с поиском небольшой в сущности для Твери суммы – от 90 до 140 тысяч рублей, в зависимости от тиража. Дело доходило до смешного. Один из депутатов не самой многочисленной и, возможно, поэтому суперосторожной партии не отказал, но долго колебался: деньги-то есть, но надо же обеспечить экспертизу текста!?

Журнала «Русская провинция» давно уже не существует. Следы краеведческого детища Олега Кондратьева (я о книжном клубе) тоже разыскать не удалось. Старицкая типография, выпустившая книгу Юрия Качанова в 2005 году, архивов не сохранила. Не сохранились, стало быть, и издательские файлы с вёрсткой книги. Но внучка Михаила Петрова, к.ф.н. Евгения Дивакова, защитившая диссертацию по произведениям деда, смогла разыскать в семейном архиве необходимые файлы 20-летней давности, что, естественно, должно сократить работу над переизданием.

А теперь, пожалуйста, фанфары! Член Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре, сенатор от Тверской области Людмила Скаковская во внешней экспертизе текста явно не нуждается. Людмила Николаевна – сама доктор филологических наук. Литературовед высокого уровня. И деньги из бюджета на достойное дело – миссия для неё вполне выполнимая. Стало быть, в делах общественной важности надо, не теряя времени, выходить на людей, имеющих и доступ к государственным средствам, и полномочия на принятие серьёзных решений. Значит, остаётся только дожидаться дня, когда мы увидим переизданный сборничек ветерана, пахнущий свежей типографской краской.

И всё-таки наша кувшиновская история была бы неполной, не упомяни мы ещё два местных имени. Рязанскому моряку, тончайшему прозаику Юрию Козлову, читая которого ощущаешь себя ребёнком, последнюю четверть его личного века тоже пришлось доживать и писать в Кувшинове. Мемориальная доска на его доме в городе давно уже существует. Вспомним и этого участника Великой Отечественной войны, орденосца, чьи повести «Коростели в сыром лугу» и «Новобранцы» будут читаться, пока на свете существуют мальчишки.

Вспомним и Виктора Макарова, нашего полного сил и замыслов современника. Так случилось, что именно он стал автором единственного в стране памятника Михаилу Козыреву, установленного в городе Лихославле. Здесь этот писатель-сатирик, автор стихов, ставших песнями (для нас – «народными»), дядя известного советского поэта Владимира Соколова и его сестры, тоже члена Союза писателей, Марины Соколовой, родился. Где похоронен, история умалчивает: в 1942 году репрессирован и, как свидетельствуют многочисленные источники, «не вернулся с допроса в Саратовской тюрьме». Его антисталинский роман «Пятое путешествие Гулливера» дошёл до читателя только в 1990-х, через тридцать лет после реабилитации автора. Марина Николаевна добивалась памятника своему дяде несколько десятилетий. И он появился, незадолго до её смерти (Марина Соколова, не дожившая полгода до своего 90-летия, похоронена в Лихославле).

Как странно иногда соседствуют события в человеческой жизни, какие неожиданные вихри и водовороты создают. Хочется верить, что и тверские краеведы внесли свою скромную «лепту справедливости» в то, о чём мы сейчас говорим, и что наша общая встреча в Твери и Кувшинове стала первым трамплином для совместных усилий людей, у которых не каменное сердце.

Дмитрий ДАРИН

г. Санкт-Петербург

Дарин Дмитрий Александрович – член Союза писателей России, СП АНР и ДНР, Союза журналистов России, песенной комиссии Союза московских композиторов, член редколлегии литературных журналов «Невский альманах» (СПб), «Новая Немига литературная» (Беларусь). Председатель редакционного Совета общественно-литературного портала и координатор национального фестивального движения «Осиянная Русь». Член Авторского Совета РАО (Российское Авторское общество). Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член Российского военно-исторического общества. Доктор экономических наук. Автор 12 книг стихов и прозы.

Три России**Запад поедает душу**

Историческая мера бытия России – от войны до войны. И не только России в её современном понимании, но всего русского мира, отсчитывая с германского «Drang nach Osten» (натиск на Восток) VII–IX веков.

Средние века ознаменовались в своём начале невиданным перемещением народов. В Галлии обосновались франки и бургунды, в Испании – визиготы и свевы, Британию населили англты и саксы, в Италии осели ломбарды. Немецким племенам достались наименее выгодные в геополитическом отношении земли между Рейном и Эльбой. Они самим своим положением были вынуждены непрерывно расширять свои территории за счёт соседних народов – галлов с одной стороны и славян – с другой. Король остготов Германарих (Эрманарик) смог было в IV в. покорить менее воинственные земледельческие племена полабских, восточных и южных славян, но, сплотившись вокруг могучего вождя гуннов Атиллы, они смогли отбросить германцев в их естественные пределы.

Можно считать империю Атиллы первым славянским государством, успешно противостоящим германскому натиску на Восток. И действительно германцы решились перейти Эльбу только спустя три с половиной века после смерти Атиллы.

К нашему историческому сожалению, балтийские славяне в VII–IX веках, как позже Восточная и Центральная Русь XII–XIV веков, не имели ни единства, ни согласия. Разделяясь на три большие группы или союзы: *бодричи* (вагры, полабцы, жившие по берегу Эльбы-Лабы, глиняне, смоляне, сами бодричи, называемые немцами «ободриты», варны), жившие восточнее бодричей до реки Одры *лютичи* или *велеты* (кичане, через-пеняне, жившие между балтийским побережьем и рекой Пена – Реене, долечане, жившие южнее Пены, моричане на юг от долечан, ратары, укряне и речане), *стадоряне* (брежане, селившиеся по берегу Эльбы, гаволяне – по реке Гавола – Havel, спревяне, занимавшие земли по нижнему течению реки Спрева – Spree, восточнее спревян – любушане, по берегу Одры – Oder), а также *раны* с острова Рюа (Рюген), *поморяне*, расселившиеся в Померании и части Западной Пруссии до низовьев Вислы, они часто воевали между собой – бодричи с лютичами, лютичи с поморянами и полабскими сербами.

Итог был закономерен – будущий император Священной римской империи германской нации, а тогда ещё просто король франков и лангобардов применил старый римский принцип – *divide et impera* (*разделяй и властвуй* – лат.) и, заключив союз с бодричами и сербами, перешёл свой Рубикон – Эльбу. Велеты (лютичи), несмотря на упорное сопротивление, были разгромлены, их король Драговит в 789 году был вынужден подписать вассальный мирный договор. Его можно назвать Брест-Литовским VIII века, а Карла Великого – основателем первого Евросоюза. С тех пор Дранг нах Osten как агрессивная, враждебная и грабительская политика в отношении славянства не прекращалась ни на миг и актуальна до сегодняшних дней.

Мы не будем брать ордынский период – «И в те дни – от великого Ярослава, и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя Владимирского, – обрушилась беда на христиан...» (*Слово о погибели русской земли*). Главный урок ига превратился в базовую стратегию Руси, высказанную, по преданию, св. Александром Невским: «*Восток поедает наше тело, а Запад – нашу душу, поэтому с Востоком надо договариваться, а с Западом – драться*». Отвергнув католическую церковь и владычество папы над душой Руси, Александр Невский подтвердил выбор своего предка св. Владимира, дополнив бессмертным «*Не в силе Бог, а в правде*». Русь стоит на вере, часто даже только и на чуде, и побеждает правдой. Но что делать, когда вера есть, а правды нет?

Однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: “Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика, потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших – Агалдада и Ремонта, чтобы послушал ты речи их о законе Божьем”».

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова рождества, от рождества Христова и до распятия его и воскресения, от воскресения же его и вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого – обо всём этом хорошо знаем, а от вас учения не примем». Они же возвратились восвояси.

Вера есть, а правды нет

«Вера христианская добра, всем сполна и красота церковная велика, а правды нету», – писал некогда один из первых русских просветителей Иван Пересветов Иоанну Грозному. Но не бывает так, чтобы правды не было самой по себе. У неё просто нет никакой силы, когда она не одна и

поглощается или отрицается другими правдами, то есть базовыми установками на жизнь иной существенной прослойкой общества. Говоря другими словами, истинная правда многослойной не бывает. Именно это сейчас происходит в России, которая уже не имеет единой правды, точнее, разделилась по правдам своим на три России.

Первая воюет за русскую идею, русский мир и суверенитет – прежде всего духовный – за славу своей истории и гордость своего будущего. Сюда же относятся все те, кто активно поддерживает эту борьбу словом и делом.

Вторая бежит от кровавой борьбы, либо любыми способами обесценивает её цели, либо, что является прямым предательством, поддерживает врага в лице украинского неонацизма под предлогом его территориального суверенитета.

Третья Россия держит удобный молчаливый нейтралитет, наживаясь и/или развлекаясь, пользуясь преимуществами торгово-либерального режима.

Эти три России, как российский триколор: флаг один, а цвета – три, и они никак не пересекаются, существуя параллельно. Так и обозначим три правды по этим цветам – белая (по лентам на камуфляже бойцов), синяя (голубая по толерантной ориентации) и красная (ни в коем случае не советская).

Красный флаг СССР был одноцветным, и коммунистическая вера была одна. Поэтому и Победа была одна на всех. Мы не постояли за сценой, но победили только потому, что правда, как и флаг, были одного цвета и были едины. Здесь уместно напомнить воспоминание немца Генриха Штадена на опричной службе о правлении первого русского самодержца: «Царь Иоанн Грозный достиг того, что по всей Русской земле – одна вера, один вес, одна мера! Только он один и правит!» (*Записки о Московии*). При всех победоносных правителях после Грозного – Петра, Сталина – соблюдался этот незыблемый принцип. Но сейчас – три веры и три правды, то есть три меры бытия.

Хуже всего то, что из Руси не выводится главная и вечная *неправда*. Дадим снова слово Ивану Пересветову: «И Махмет правый суд в царство своё ввёл, а ложь вывел, и рек так: "Бог любит правду лутчи всего; немощно царю царства без грозы держати; яко же царь Константин велможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовались и нечисто збирали богатство свое, а земля и царство от них плакало, и в бедах купались, и за то Господь Бог прогневался на царя Константина и на вельможи его и на все царство Греческое, что они правдою гнушались, не знали того, что Бог любит сильнее всего правду; а вы меня на то же ли приводите...» (*«Сказание о Магмет-Салтане»*).

Узнаёте? Правитель всех трёх России дал волю своим вельможам и сердце им веселит, пока они «збирают богатство своё» так, что «земля и царство», то есть страна и народ – плачет от них? Белая правда с кровавым оттенком скудеет более от этого, чем от затягивания СВО. Чем брагуннее видеоотчёты Министерства обороны, чем ехиднее речи проплаченных и завязших в зубах уполномоченных к эфиру агитаторов, тем скуднее и злее белая правда.

Вторая правда изливает свой гной из-за разных заграиц в социальных сетях, но, слава Богу, лишена отечественного культурного оружия воздействия в виде театральных постановок, форумов, радио- и телеэфиров. Ей ущемили хвост, но как-то так... не тронув головы. Либерально-торговые кланы во властных структурах всех уровней ждут их возвращения и не хотят портить сложившиеся годами сочувственно-дружеские отношения.

И, как обычно во все времена, напоказ жирует третья – не красная даже, а пунцовая от переедания. Вне зависимости от сроков и качества неизбежной победы в СВО («безоговорочная капитуляция» – высшее качество победы) она всегда шире. Не глубже, не сильнее, но шире. Прибыль – основа всей этой потребительской правды, имеющей вечное обоснование в кормлении близких, «хате с краю», одним словом:

Не ходил бы ты, Ванёк,
Да в солдаты!
В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.
Поневоле ты идёшь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадёшь
Ни за что ты...
(Д. Бедный)

Именно эта правда, правда кухонь и бирж – результат поедания Западом русской души.

А в то же время децильный коэффициент (отношение дохода 10% самых богатых к доходу 10% самых бедных), лежащий в основе всех беспорядков в случае превышения 10-кратного значения, в России уже заполз в красную (революционную) часть социальной шкалы и составляет около 16 (то есть в 16 раз), что уже является объективными социально-экономическими предпосылками грядущей смуты.

Итак, чья же правда победит? Какого цвета из цветов своего триколора будет Россия в перспективе? Какую правду выберет власть, ибо устоять/усидеть на всех трёх и даже на двух долго не удастся.

Маленькая победоносная СВО

Во многих статьях на тему СВО звучит как данность одна и та же мысль – «Мы победим!». Но почти нигде не говорится – чем победим? Смута начала XVII века, одна из страшнейших по народным

жертвам, поставившая Московское царство (уже тогда называвшегося Россией – с одним «с») на грань самого существования, была побеждена верой. В конечном итоге – не оружием, не полководческими талантами, не волей ополчений, но верой. Не ритуальным крестоцелованием, которым присягали трём Лжедмитриям, Лжепетру, другим вора́м (государственным преступникам, по выражению той эпохи) и даже иноземному принцу Владиславу – сыну короля Речи Посполитой Сигизмунду III Ваза. Только истинная православная вера скрепила и организовала не только царские рати, но и народную силу. Народ не мог допустить лютеров и латынян к установлению своей веры, замены церковью костёлами, не мог допустить «поедание души».

А ведь ещё в 1570 году Иоанн IV Грозный указывал в споре с польским богословом чешского происхождения Яном Рокитой: «И якоже рече божественный апостоль Павелъ, пища к филиписеомъ: «Много глаголах вам. И нынь, плача, глаголю о вразех креста Христова. Им же бог – чрево, и слава – во студ имъ, и земная мудрствующе» (И как сказал божественный апостол Павел в Послании к филиппийцам: «Много говорил вам. И теперь, плача, говорю о врагах креста Христова. Их бог – чрево, и слава их – на стыд им, они мудрствуют о земном).

Гляньте на нравственно-прокажённую Европу – что изменилось за 500 лет? Многополая слава на стыд и забота исключительно о земном, то есть о мошне. Вот их правда, правда Запада и третья наша правда. Вот истинное «поедание души».

Но мы, как водится на Руси, испортили всё сами, заложив под государство долгодействующую мину под названием «Раскол». И самое страшное последствие церковного раскола середины XVII века, осуществлённого Никоном в пользу греков, – непреодоление революционной смуты начала XIX-го. Царская власть была десакрализована, как и сама православная церковь. Уже на первом официальном заседании Св. Синода 4 марта 1917 года из зала заседаний Синода по инициативе «демократического» обер-прокурора В. Львова было вынесено в архив царское кресло. На следующий день, 5 марта, синод распорядился, чтобы во всех церквях Петроградской епархии многолетие Царствующему Дому «отныне не провозглашалось». Так что «симфония властей» оказалась красивой утопией. (Это поразительно, но, по воспоминаниям товарища, ещё царского обер-прокурора Н. Жевахова, всеми силами старавшегося поддержать падающую монархию, его призывам вняла только католическая церковь, выступившей кратко, но недвусмысленное обращение к своей пастве с угрозой отлучить от святых таинств каждого, кто примет участие в революционных событиях. И ведь ни одного католика в демонстрациях с красными бантами и флагами замечено не было).

Не стало ни веры в её подлинном, духовном смысле как высшей и последней скрепы (а не как культовой службы на мзде и набора традиционных церковных ритуалов), ни правды. Она вновь проявилась в годы страданий и лишений Великой Отечественной – это естественное природное свойство истой русской правды, которая произрастает только на костях. Ведь основное отличие правды от лжи в том, что правда побеждает, даже когда гибнет. И во многом благодаря этому. Западным людям этого никогда не понять. Они живут другой наукой – ложь от многократного повторения перестаёт быть ложью. Но правда не перестаёт быть правдой, даже если о ней молчат.

А мы молчали. Спецоперацию нужно было начинать 8 лет назад внутри России – в умах, куда и был перенаправлен «натиск на Восток» со времён перестройки. Чтобы максимально сузить эту третью правду с гнильцой. Но мы молчали, потому что эта гнильца начала проникать и в нас – аплодирующих на концертах «звёзд» эстрады, порно-спектаклях режиссеров, проводимых с молчаливого согласия, а подчас и по прямому госзаказу (с бюджетным финансированием) фестивалей с гомосексуальным и даже педофильным уклоном, всех тех, кто с началом СВО сбежал за границу. В одно и то же время отменяется Бессмертный полк, но проводится молодёжный VK-фест в пяти крупнейших городах с какими-то инстасамками и прочей завалью, являющейся кумирами тик-токовой молодёжи, чьи души давно съедены, пережёваны и выплюнуты на русскую хоругвь. Это мы молча сносим обрезание русской литературы – из кодификатора ЕГЭ-2024 по литературе изъяты её вечные классики – Жуковский, Грибоедов, Лермонтов, Гоголь и даже «Наше всё» – Пушкин. Это мы продолжаем смотреть голливудское кино, этот вечный энтертеймент, сводящийся к «американской мечте» – наживе. И уже на патриотической конъюнктуре работает целый медиа-рынок: грантовые литературные и вокальные премии, не нужные никому, кроме организаторов, всевозможные культурные фронты, созданные когда-то народными артистами для пиара своих коммерческих проектов, стадионные поп- и агитконцерты... и так до дна. Весть этот патриотический поп-корн выдаётся за глас народа, который на камеру не безмолвствует. Но в этом бесполезном шуме тонет тихий голос настоящей веры и любви к Отечеству.

Однако время молчания безвозвратно уходит, потому что время выводов прошло – настало время выводов. И Россия, наконец-то, за весь тысячелетний Drang nach Osten снова, после Иоанна Грозного и Петра Великого, сделала выпад первой.

Но мы не победим, пока власть не сделает белую правду главной, гражданской, основной в любом социальном, культурном и доктринальном целеполагании. Даже если придётся менять Конституцию. Пока не изженит неправду, о которой печалился Иван Пересветов и тысячи его наследников по мысли и совести. До тех пор СВО всё больше будет напоминать злосчастную «маленькую победоносную войну» 1905 года, окончившуюся не только поражением, но и первой русской революцией, за которой последовала самая сокрушительная смута в истории Отчизны. И если Россия не станет единой – единого чистого белого цвета и единой чистой правды, следующая смута окажется ещё горше. Так по какой вере будет нам?

Ирина БОРЩЕВСКАЯ

г. Магадан

Борщевская Ирина Трофимовна – журналист, окончила Дальневосточный государственный университет.

Краткие сведения из биографии (от автора):

По окончании журфака ДВГУ пришла корреспондентом в молодёжную газету «Магаданский комсомолец». За плечами более четырёх десятилетий работы в региональных газетах, на областном радио, пресс-секретарём губернатора, спикера заксобрания. Не счесть командировок по Колыме и Чукотке. Встречи за полярным кругом с атомщиками Билибинской АЭС, дружба с неунывающими романтиками – молодыми гидростроителями, обуздавшими Колыму и построившими ГЭС на вечной мерзлоте, старательские будни на полигонах россыпной золотообъёмки, поражающие воображение современные горно-обогачительные комбинаты...

В далёких восьмидесятых, добравшись до восточной континентальной точки Евразии – мыса Дежнёва, кожей прочувствовала трагедию ушедшего в небытие эскимосского Наукана. Болью отозвалось и безразличие молодёжи Сиреников, что на берегу Берингова моря, к мудрым сказкам бабушки Айны, прошлому малой родины. Сохранение традиций коренных малочисленных этносов Крайнего Северо-Востока России, возрождение обычаев древних народов стало потребностью души, усилил интерес к процессам в современном искусстве на восточных рубежах страны.

Атланты восточных просторов России

XXI век не перестаёт удивлять мир, обрушивая на человечество одно открытие за другим. Даже юбилей Русского географического общества в Магадане не избежал открытий. Традиционный сценарий торжеств «сломала» необычная экспозиция «Встречь солнцу» заслуженного художника России, члена Международной федерации художественной фотографии (FIAP) и действительного члена РГО Владимира Мягкова. Оформленная, как всегда, стильно и, как любит Владимир Владимирович, аскетично-провокационно, она приковывала внимание, буквально втягивала в удивительные портреты на серебристо-бронзовом фоне с редкими золотыми бликами. Сплошь испещрённые неровными, нервными штрихами черноты – как сеткой времён – картины взяли реальность мёртвой хваткой. «Прямо из глубины веков», – мелькнула мысль.

Солнечный луч пробил тяжёлые тучи, нависшие накануне над городом, – и молнией полыхнула выставка. Будто наяву сквозь шторм пробивался к Большой земле бот. «Святой Гавриил» казался щепкой в ледяном водовороте: то уходил как в преисподнюю к самому дну, то взлетал на гребне волны. Вода захлёстывала через борт. Шквальный ветер сбивал с ног, но, не чувствуя опасности, не замечая творящегося кошмара вокруг, капитан ликовал: «Прошли! Пролив здесь! Есть пролив!».

Геодезист Михаил Гвоздев

Военный геодезист, картограф и навигатор Михаил Гвоздев возглавлял тот морской поход к Аляске в 1732 году. Девятью годами раньше экспедиции Витуса Беринга его судно достигло американского континента! Описывая маршрут, Михаил Спиридонович отметит на картах открытые острова Диомиды, пролив между Чукотским носом и мысом Принца Уэльского, что разделяет Северный Ледовитый океан и Тихий. Отправит рапорт в Охотскую канцелярию, но документы потеряются. Пролив получит имя командора Беринга, а данные геодезиста Гвоздева будут ещё не один век «всплывать» то в Тобольске, то в Париже, других городах... Загадка истории – неведомый перст (судьбы ли?) на лощах за спиной отважного морехода... Предвидение будущего ареста по ложному доносу, когда с отрядом Мартына Шпанберга готовился к походу в Японию? Предсказание исследований западного побережья Охотского моря, восточного берега Сахалина, Шантарских островов и Курил в экспедиции Алексея Шельтинга?

Умеет же художник одним штрихом передать все хитросплетения бытия! Обращаясь к истории, показать неразрывность прошлого с современностью.

Вот, казалось бы, начало географии, эпоха великих открытий, не просто государева служба – героизм в служении Отечеству, жизнь-подвиг. Но эта ли история нашего края занимает мысли современников и волнует поколение Третьего тысячелетия? Разве мы пытаемся осознать, что двигало землепроходцами, заставляло их терпеть лишения, стоически переносить голод, холод, воинственность туземцев в походах встреч солнцу? Вряд ли при слове «Колыма» вспомнится соотечественникам помор Михаил Стадухин, вышедший в 1643 году к этой своенравной, бурной реке, или бесстрашный арктический мореход, десятник Дмитрий Зырян, который с горсткой казаков от Алазейского острога по Восточно-Сибирскому морю достиг Нижней Колымы и вместе с отрядом Стадухина основал Нижнеколымский острог...

В лицах на портретах сквозь усталость и напряжение (Бог ведь чем встретит неведомый мир!) прочитываются сильный характер, смелость первопроходцев, вера в себя. Опорой для натруженных рук, способных построить коч, струг, дощаник – без судоверфей с инженерами-конструкторами и высококлассными рабочими, – служат пицали-мушкеты. Для малочисленного отряда в окружении дикой природы и недружественных кочующих племён юкагиров, эвенов, чукчей оружие что хлеб насущный. Впрочем, хлеба-то в походах и не было: рыбу ловили, охотились, ягоды-коренья собирали, иной раз пробавлялись только водой – снег топили. Тундра, тайга, болота – ни хожених

троп, ни колеи. Летом комары, мошка одолевают. По зиме морозы под пятьдесят, а в районе Оймьякона – за семьдесят.

Десятник Дмитрий Зырян

К холодам казаки старались поставить зимовье. Так и ясак сподручнее взимать-хранить, и описывать в «скасках» пройденные маршруты, открытые земли и населяющие их народы, указывать всё виданное-слышанное. В дальнейшем зимовья становились базой для продвижения служилых людей, промышленников, экспедиций к Тихому океану и освоения Крайнего Северо-Востока. Остроги превращались в крепости (Гижигинская, Анюйская, Анадырская...), вырастали в довольно крупные селения, которые и сегодня сохранились на нашей земле – Тауйск, Среднеколымск, Нижнеколымск, Ямск, Охотск... Жаль, имена основателей забыты, а биографии их полны белых пятен. Оттого-то не разобрать, что заставило Дмитрия Зыряна прищурить глаза: злые ветры Колымы? истории? Не хочет ли назначенный государем приказчик далёкого и богатого края поведать о своей трагической кончине?

«Ни одной науке открытия не обходятся так дорого, как географии, – заметил как-то советский и российский эколог Святослав Забелин и уточнил: За каждую крупницу знаний здесь заплачено человеческими жизнями».

...Пронзён стрелой немирных чукчей майор Тобольского драгунского полка Дмитрий Павлуцкий. Точно наяву видим, как дрогнуло небо перед глазами бесстрашного воина и обрушилось на землю. Но пока не угас свет, различал герой Владимира Мягкова тысячи обступивших его врагов. Туго натянуты их луки. Со всех сторон доносятся воинственные возгласы «Таннгытан», что означает «чужой». «Недочеловек» как антипод «луораветланам» – «единственным настоящим людям». На дальнем плане – картины? уходящего сознания? – едва прочитывается, как ремонтировал и строил остроги-

крепости, внедрял земледелие и скотоводство на Камчатке, надеялся крещением уменьшить свирепость ительменов, коряков. Но с последним вздохом русского богатыря уходят в небытие многочисленные его походы по беспокойным из-за междоусобиц северных племён территориям, открытый сухопутный маршрут к Шелагскому мысу, составление карты Чукотки и описание взаимоотношений коренных народов, дикие нравы чукчей, которых так и не удалось «склонить в русское подданство». Однако остывающая рука всё ещё твёрдо держит меч. На Руси меч всегда был привилегированным оружием, символом воинской доблести русских ратников.

В стычке с ламутами и юкагирами оборвалась жизнь и казачьего атамана Михаила Стадухина. Из его отряда в пятьдесят мужественных, умелых воинов, побеждавших даже при значительном численном превосходстве противника, осталось четырнадцать. Стоило бы фильмы снимать о бесстрашных искателях неведомых землиц. На роман-эпопею хватит материалов, как прошли по Индигирке и Моме, сплавлялись по Алазее, наряду с Колымой открыли Анадырь и Гижигу, миновав «Камчатский Нос» и переправившись через реку Камчатку, оказались у Пенжины... Более 3500 км побережья северных морей описали! Для идущих за ними восточная Евразия больше не была безграничным неизвестным пространством. А «мягкая рухлядь» (ценная пушнина), поставленная землепроходцами царскому двору, составила основную статью российского экспорта. По оценкам чиновника российского Посольского приказа Григория Котошихина, к концу XVII века доход государевой казны от сибирской пушнины превышал 600 тыс. руб. – почти треть бюджета страны.

Однако ни экономическая выгода, ни настойчивое продвижение России на восток: освоение новых территорий и расширение границ государства, открытие неведомых ранее островов и материков, рек, морей и океанов, включение аборигенов с их самобытной культурой, традициями в российскую семью народов – не изменяло главного. Пассионарии, раздвигающие горизонты и распахивающие мир, не были достоянием нации, героями своей страны.

Потому-то давно задуманную серию «Встречь солнцу» Владимир Мягков посвящает 175-летию Русского географического общества. Старейшая общественная организация в России определяет своей миссией сохранение исторической памяти нашего народа. А для тонкого, чуткого художника неприемлемо жить на заповедной земле и не знать её истории. Он убеждён: недопустимо вести летопись Северо-Востока с XX века, геологических экспедиций Юрия Билибина, Валентина Цареградского, Дальстроя. Нельзя воспринимать Колыму исключительно как трагическую страницу мировой и отечественной истории.

Когда магаданцы возродили филиал РГО в регионе, к открытию штаб-квартиры, а попросту – зала в муниципальном Центре культуры в 2013 г., Владимир Владимирович подготовил цикл графических портретов «Имя на карте». Символично было планировать походы и экспедиции, называть безымянные вершины колымских хребтов именами геологов-первопроходцев, спорить о том, каким должен быть знак водораздела Северного Ледовитого и Тихого океанов на Яблоновом перевале в сообществе с выдающимися капитанами-командорами Витусом Берингом и Алексеем Чириковым, контр-адмиралом Константином Старицким и вице-адмиралом Иваном Лихачёвым, адмиралом Алексеем Нагаевым и генерал-лейтенантом Леонтием Спафарьевым, отважными капитанами Константином

Гертнером и Михаилом Станюковичем, лейтенантом Михаилом Онацевичем и мичманом Алексеем Шельтингом, бесстрашным мореплавателем, родоначальником русских поселений в Америке Григорием Шелиховым и учёным, путешественником Якобом Линденау, неумолимым казаком Иваном Москвитиным... Их портреты вдохновляли, заставляли почаже заглядывать в энциклопедии, а главное – не заниматься пустяками. Причём не только имена мореходов-первопроходцев требовали мыслить стратегически и действовать активно. Побуждала пересмотреть свои взгляды на мир и оценку событий художественная манера Владимира Мягкова. На работах лаконично указывалось: «ДВП. Смешанная техника».

Атаман Иван Москвитин

Смешанную технику на ДВП Владимир Владимирович использует и в новой галерее портретов. Но как разительно отличаются обе серии! В чём секрет?

Художник смеётся:

– Техника смешанная, поскольку используются различные материалы, краски, чтобы добиться определённого оптического эффекта. Мне нравится применять и цветные карандаши, и гуашь, тушь, масляные краски, акрил, пастель, а в последних работах ещё и поталь – специальную трансферную фольгу. При наложении, смешивании они интересно ведут себя, фольга и вовсе непредсказуема. Возможности для творчества, импровизации расширяются. Не зацикливаясь на одной технике, усложняю технологию.

Владимир Мягков постоянно экспериментирует, добиваясь нужной текстуры холста, пробует различные способы наложения краски, перевода изображения на загрунтованную поверхность, использует множество разнообразных инструментов. Все графические элементы в его работах: точки, линии, блики, плоскости, фигуры в пространстве – точно живые. Наполнены энергией, постоянно развиваются, создавая особую атмосферу его творений.

Каждая картина «рождается» по своим законам. Технологический процесс длительный, трудоёмкий и, как считает художник, лишён романтики: «это как картошку чистить, или грузить уголь». Сначала основа (ДВП) проклеивается, затем грунтуется, наносится рисунок. Определённым образом он «прокорябывается», «проскрябывается», прорезается. Следом используется

масляная краска либо специальный клей, и, наконец, в ход идёт поталь. Снимаешь фольгу – где-то поверхность начинает металлически блестеть, на других участках просвечивает «грунт»: чёрная, белая краска, её переливы. Как уверяет художник, остаётся «доработать» произведение до того состояния, каким видишь его внутренне. И здесь-то...

– ...начинают раздражать всяческие мелочи, погрешности, обнаруживаются композиционные провалы. Форэскиз, эскиз, черновой рисунок – всё как должно быть. Перекладываешь в материал – заработали другие факторы: большие пятна тона, блеск фольги, линии не воспринимаются гармонично. Где-то приходится гасить, где-то – добавлять яркости, поправлять линии, рассчитывать пропорции контраста, добиваясь глубины и композиционного размаха произведения. Чёрная, грязная, тяжёлая работа, как правило, над тремя-пятью картинами сразу. В мастерской не повернуться. Еще и персонажи вступают в «конфликт»...

Как не вспомнить ахматовские «Тайны ремесла»: «Говорят: „Божественный лепет...“. Жёстче, чем лихорадка, оттреплет». Разницы нет: поэзия, живопись – такова природа творчества. Требуется немалый талант, чтобы рождаемыми образами показать эпоху, мир и его героев.

...Задумался атаман Иван Москвитин. Рука не выпускает казацкой шашки: сколько раз спасала в столкновениях с тунгусами, в переделках при сборе пушнины да «приискании новых неясных земель». Позади тысячи километров по тайге, сплавы по неведомым сибирским рекам, впереди – безбрежное Ламское море. Когда ещё назовут его Охотским?! Но нынче, в год 1639, он, Ивашка Москвитин, первым из европейцев оказался на морском берегу. Первым перешёл через неприступный хребет Джугджур. В течение года Москвитин одолевает и опишет две тысячи вёрст охотморского побережья, откроет Шантарские острова, Тауйскую и Удскую губу, заложит первое на Тихом океане русское поселение (Усть-Ульинское зимовье) и с отрядом в тридцать томских казаков да красноярских служилых людей соберёт первый яsak с аборигенов Дальнего Востока. Два больших морских коча «по осьми сажень» длиной, которые построит москвитинцы, станут прародителями российского Тихоокеанского флота. Морем доберётся русский казак к низовьям Амура и Сахалину. Ценные сведения о реке и её притоках, Охотском море и племенах дауров, нивхов, айнов, наброски его маршрута Курбат Иванов использует при составлении первой карты Дальнего Востока в марте 1642 года.

«Достоинство, право, изумления, что такая горстка людей овладела таким громадным пространством земли, – напишет о русских первопроходцах в конце XVII века их современник, путешественник и дипломат Якоб Рейтенфельс.

Впрочем, ничего, кроме изумления, отважные землепроходцы, мореходы, увы, не удостоятся. Не познает всенародной славы и гордости за свои подвиги-открытия и казачий атаман Иван Москвитин. После доклада в столице о походах к Охотскому морю вернётся в Томск, где следы его затеряются.

– Задумывая «Встречь солнцу», – признаётся Владимир Мягков, – понимал: должны быть фрагментарные, крупные портреты – динамичные, чтобы подчеркнуть драматизм судеб. Мои герои могут между собой пересекаться, продолжать исследования друг друга, расходиться в позициях, путях и взглядах. Но разные персонажи находятся в русле одного посыла, мировоззрения.

Так, в принципе, создавались все серии портретов, циклы философских исканий, диптихи, триптихи, тетраптихи художника Владимира Мягкова. Мастер привык мыслить глобально, представлять, казалось бы, разрозненные события и факты в одной парадигме. Стоит ли удивляться, что он и зрителям предлагает погрузиться в историю территории, историю своей страны, увлекает экспрессией непредсказуемости, помогая преодолеть ограниченность повседневного восприятия. Увлечённый художественными воззрениями Пауля Клее, философскими взглядами Олдоса Хаксли на природу искусства и культурное наследие человечества, Мягков поначалу ошеломляет своими творениями. Смятение вызывают их смысловая насыщенность и космический масштаб. Каждая работа – «Вселенная в малом преломлении», как сказал бы Новалис. Аллегии «Эпохи», и «Гардарики», символы «Планеты Колымы», «Воздуха Атлантиды», «Далёкого Магадана», «Похода на Север» лишены безжизненных абстракций. Во всём ощущение реальности и обнажённость переживаний – поэзия в цвете, линиях, образах.

Двенадцать портретов галереи «Встречь солнцу» – одновременно и сюжетная композиция, и размышления о времени, настоящем, историческом, метафизическом. Нестандартные идеи, неожиданные решения, философская глубина и непривычная техника обеспечивают баланс ментального, визуального, эмоционального.

Двенадцать ярких, талантливых, не сгибающихся перед обстоятельствами героев. Реальные люди и образы, рождённые фантазией, знаниями и житейской мудростью художника Владимира Мягкова. Имена одних носят моря и бухты, острова и горы, заливы, проливы на карте северо-востока. Другие незаслуженно забыты.

Вновь и вновь возвращается художник к исторической миссии и роли в развитии восточных территорий России капитанов-командоров Витуса Беринга, Алексея Чирикова, атамана Ивана Москвитина, прапорщика Якоба Линденау. Близки ему по духу? Безусловно. Но движущим мотивом служат парадоксы нашего века. Магаданцы считают визитной карточкой Золотой Колымы старинный маяк на мысе Чирикова, но ничего не знают о легендарном русском Колумбе. Успехами гардемарина гордился Пётр I, а потомки имени-отчества не могут назвать. Восемнадцати лет от роду Алексей Ильич с отличием оканчивает Морскую академию, получая назначение на Балтику. В наши дни в этом возрасте радуются школьному аттестату зрелости. В девятнадцать по приказу Адмиралтейств-коллегии Чириков уже обучает в альма-матер искусных мореходов, а через три года, участвуя в Камчатских экспедициях Витуса Беринга, ведёт первые океанографические и гидрометеорологические наблюдения в северной части Тихого океана и Чукотском море. Открывает Северную Америку, Алеутские острова, а также острова Святого Лаврентия, Ратманова, которые на правах первооткрытия признаются владениями Российской империи, и начинается история Русской Америки.

Фантастичны перипетии судеб капитана Мартына Шпанберга и мичмана Василия Хмитевского, кормщика Никифора Трески, майора Дмитрия Павлуцкого, полковника Афанасия Шестакова. Владимир Мягков знакомит зрителя с ними, как привык, непредубеждённо и провидчески честно. В выражении лиц, позех первопроходцев сотоварищи, в колоритных деталях, нюансах и полутонах картин читаются сильный характер, мощное внутреннее стремление раздвигать горизонты и жажда познать мир.

– Для меня важно было показать: не праздные бездумные «романтики», влекомые ветром дальних странствий, а люди долга и чести, труженики и воители открывали Северо-Восток, – говорит художник. – Личности неординарные, яркие. Им по плечу стирать белые пятна на географических картах континента и давать толчок развитию многих наук. А главное – определять вектор развития Российского государства и русской судьбы.

Экспозиция передаёт и бешеный накал жизни в стране, грандиозность исторических свершений на бескрайних просторах от Урала до Камчатки и, увы, предначертанность будущего героев. Кожей чувствуется трагическая развязка их земного бытия.

У магаданского художника особый дар: его картины не отпускают, заставляют искать параллели в литературе, философии. Вот и эта выставка воскресила в памяти брусковские строки:

Всё это новое – напрасно взяло верх
Над миром тем, что мне – столетья завещали,
Который был моим, который я отверг!

...Нет, эпоха великих открытий, далёкие предки по-прежнему с нами! Встречь солнцу, из прошлого – в настоящее, из легенды в сердца, память и жизнь моих современников шагают герои заслуженного художника России Владимира Мягкова, первооткрыватели нашего края, выдающиеся люди мира.

Капитан-командор Витус Беринг

Поэты конца советской эпохи.....**Евгений Иванович Блажеевский** (5 октября 1947, Кировабад – 8 мая 1999, Москва)

Печатался в журналах «Юность», «Новый мир». Принимал участие во Всесоюзных совещаниях молодых писателей как молодой писатель (70-е гг.) и как руководитель семинара (1996). В 1984 году увидел свет первый сборник стихов Блажеевского «Тетрадь». Вторая (и последняя) прижизненная книга – «Лицом к погоне» – вышла в 1995 г., через 11 лет. В последние годы жизни публиковал стихи практически исключительно в журнале «Континент», благодаря содействию редактора журнала Игоря Виноградова, который высоко ценил поэзию Блажеевского. В течение семи лет опубликовал в журнале девять стихотворных циклов. Сонет Блажеевского «По дороге в Загорск» (магистрал одноимённого венка сонетов) стал популярным романсом, исполняемым такими авторами, как А. Подболотов, А. Рудниченко, А. Баранов («По дороге в Загорск, понимаешь невольню, что осень...»). Также эту песню исполняла Жанна Бичевская. Умер в 1999 году. Похоронен на Троекуровском кладбище. Газета «Московский комсомолец» (№ 86 от 11 мая 1999 года): «Умер Евгений Блажеевский. Поэт, трагический голос которого со временем, безусловно, станет одним из символов русской поэзии конца века. Почти не замеченный критикой, ибо не участвовал в игрищах на ярмарке тщеславия, он, Поэт милостью Божьей, достойно прошёл свой крестный путь, творя Красоту и Поэзию из всего, к чему бы ни прикасался. Те, для кого русская поэзия – смысл жизни, знают, кого они потеряли. Иным ещё предстоит открыть для себя этого блистательного лирика...»

Блаженный и прекрасный мир Евгения Блажеевского

Пёстрый шатёр истории многоструктурен и допускает различные формы осмысления отдельных своих сегментов, которых вообще – без счёта. Блажеевский чувствовал причастность к определённому поколению, к тем советским безднам, когда опубликовать определённые стихи определённого поэта было невозможно, отсюда:

Мы – горсточка потерянных людей.
Мы затерялись на задворках сада
И веселимся с легкостью детей –
Любителей конфет и лимонада.

Мы понимаем: кончилась пора
Надежд о славе и тоски по близким,
И будущее наше во вчера
Сошло-ушло тихонько, по-английски.

И бесконечная детскость лёгкими волнами, играя лазурью и синевой, плещется в поэзии Блажеевского, завораживая так, что создаётся ощущение – жизнь, в общем, не всерьёз.

Или она – просто предисловие перед глобальным текстом смерти и посмертья.

Всерьёз – только зафиксированное в слове, или – отлившееся в нём, ибо язык работает с поэтом так же, как поэт с языком.

Язык Блажеевского благодатно совмещает воздушную полётность и упругость, фактурность и любовь к деталям, через которые просвечивает бесконечно быстро уходящее былое...

...поезда всегда пронесутся быстро...

Есть нечто блаженное, словно почерпнутое из фамилии, в поэтических построениях Блажеевского:

Те дни породили неясную смуту
И канули в Лету гудящей баржой.
И мне не купить за крутую валюту
Билета на ливень, что лил на Большой
Полянке, где молнии грозный напарник
Корёжил во тьме металлический лом
И нёс за версту шоколадом «Ударник»
С кондитерской фабрики за углом.

Великолепен возможный билет на ливень, как на фильм; игра смыслами даётся утончённо: кажется – ещё миг, и таинственная нить порвётся. Но нет, оказавшись крепкой, ведёт она дальше, созидавая поэзию.

Ностальгические ноты почти постоянно звучат: всё уходит, и запечатлеть надо точно, как было: отсюда множество названий в стихах Блажеевского:

Весёлое время!.. Ордынка... Таганка...
Страна отдыхала, как пьяный шахтёр,
И голубь садился на вывеску банка,
И был безмятежен имперский шатёр.

Имперский шатёр вызывал своего рода восхищение, множимое на неприятие...

Империя казалась вечной – общая ошибка всех подобных государственных образований. Тяжёлые картины пишет порой поэт: тяжёлые, будто из недр деятельности многих передвижников занимает нечто, но – странное ощущение – именно такие картины и милы ему, участвовавшему в них персонажем:

А жил я в доме возле Бронной
Среди пропойц, среди калек.

Окно – в простенок, дверь – к уборной
И рупь с полтиной – за ночлег.

Большим домам сей дом игрушечный,
Старомосковский – не чета.
В нём пахла едко, по-старушечьи,
Пронзительная нищета.

Не этот ли мотив подхватит, по-своему обработав, через много лет Борис Рыжий?

Жизнь была – дрянь, бытовые условия – чудовищны, а вспоминается всё... чуть не как утраченный рай.

...вновь возникнет история: жуткая маска, бывшая реальностью; вновь замелькают, словно из офортов Гойи вырвавшись, вожди-палачи:

Любитель ножа и перца,
Даритель тюремных благ
Несёт в груди вместо сердца
Рыжий слепой кулак.
За ним, вдоль ночных становищ,
Идут в толпе старожил
Угодливый Каганович,
Подвыпивший Ворошилов.
Сейчас начнётся охота,
Опричники выловят план...
В тумане кровавого пота
Залёг ночной котлован.

И бездно мерцают и кровавый пот, и ночной котлован: и клубится она, вторгаясь в нынешнее сознание, бередя его бурными волокнами ужаса.

Прекрасен просвеченный лёгкостью совет:

Беспечно на вещи гляди,
Забыв про наличие боли.
– Эй, что там у нас впереди?..
– Лишь ветер да поле.

Поэтический стоицизм был присущ Блажеевскому в неменьшей мере, чем дивные детские разводы акварельного письма.

...порою фактура стиха даётся столь мощно, столь крута лепка языковой плазмы, что в нарисованное поэтом пространство можно войти, используя лестницы былого:

В шашлычной шипящее мясо,
Тяжёлый избыток тепла.
И липнет к ладони пластмасса
Невытертого стола.

Окурок – свидетельство пьянки
Вчерашней – в горчичницу врос.
Но ранние официантки
Уже начинают разнос.

Кто из представителей определённого, мерно сходящего на нет поколения не помнит подобных мест...

...воду разливали под столом, выпив предварительно компот, чтобы освободить стаканы, и разговоры велись обо всём – от Икара до Макара, так сказать; и было в них много оригинального, философского, мировоззренческого...

Закручивается турбулентно онтологический ветер: ветер, словно проносящий неистовым порывом таинственные колбы и сосуды алхимии бытия:

На горестном ветру
В начальных числах марта
Бессилие души
Не описать пером.
Проносится такси
И хриплый голос барда
В приёмнике поёт
Про Волгу и паром.

В горестном сложно усмотреть счастье: тем не менее, есть оно – зыбко мерцающее, передающееся другим, бесконечное...

Блажеевский остался в двадцатом веке – создав поэтический свод, чьё сияние одолевает любые временные пространства: свод, не подлежащий ветшанию...

Поэт остался в том веке суммами деталей, общим отношением к жизни, переданным через слово, и – телесно...

Но что для поэзии жизнь поэта?

Она живёт по своим законам, не считаясь с последней датой того, кто создаёт её.

Привал на поэтической тропе.....

Александр БАЛТИН

г. Москва

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в пяти томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Испании, Чехии, Германии, Израиля, Эстонии, Ирана, Канады, США. Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни».

Мера «Межсезонья» Сергея Миронова

Межсезонье, рассыпая искры неопределённости, навязывает правила бытия: жизни в конкретном участке времени; и принимать их или противостоять – возможный выбор...

В частности, можно противостоять стихом, и новая книга Сергея Миронова, наименованная «Межсезонье», отчасти демонстрирует это.

Полярные противопоставления – скажем, зимы и моря – вообще характерны для поэта, штудирующего фактографию данности и постигающего музыку бытия:

В межсезонье у берега моря
я и несколько чаек. За мной
незначительный лес, и на взгорье
затаившийся город. Зимой,

когда вдруг появляются строки,
лучше быть на морском берегу,
и качаться на льдинах широких,
и лежать безразлично в снегу...

В общем, жизнь, принятая открытым сердцем, со всем таящимся и мерцающим в ней, с очевидностью и тайной; и Миронов, демонстрируя подобный регистр мировосприятия, заражает оным читателя.

Берег – кодированное понятие, именно на берегу (название первой части книги – «Берег») и может случиться необыкновенное:

Будто грезилось развидеть
Перст божественный среди туч.
Где-то тут живёт провидец,
Наблюдает с дерзких круч

За рыбацкой старой шхуной,
За заливом и рекой.
А ты стой под вишней юной
И маши ему рукой.

Грустная нежность вспыхивает именами строк – ведь встреча с провидцем условна, и поэту... остаётся рассчитывать на откровения, остро возникающие порой в недрах стихов.

Поэт внимателен к деталям – они, в сущности, и являются своеобразной материей мира: разделённая на бесчисленные зримые сегменты, она определяет и место всякого внутри мирового устройства:

Где ты, белый самолёт
С серебристыми винтами?
Я смотрю на небосвод
С крыши, сморщенной местами.

В доме стену долбит дрель,
Кто-то курит на балконе.
Сквозь весеннюю метель
Наблюдает глаз вороний

За размазанным двором,
Пятачком у магазина.
Крошит каверзным ледком
Облаков густых корзина.

Острый звук поэтических дерзновений Миронова вибрирует неуёмно и неуспокоенно, заставляя и читательское сердце соответствовать оным вибрациям.

Есть нечто от моментальных ударов и зигзагов молний в сочетании этих «к» и «р»: будто буквицы перекликаются, сообщая дополнительные нюансы обаяния строчкам.

Строфам.

Целостности стихов.

...влекут пёстрые узоры мира: разноцветные, словно и сами оттенки становятся персонажами: и... как же пройти мимо?

Страшно потерять хоть что-то из гигантского многообразия:

За изгородью крашеной фонарики физалиса,
Бумажные фонарики в сплетениях травы.
Ушли закаты летние, и в городе остались мы
Встречать рассветы красные сквозь плеть сухой листвы.

Разумеется, внешняя оснастка мира тонко соотносится с душевными состояниями: элегическими, как правило; но есть в этой элегичности и стоическая умудрённость: мол, что бы ни происходило, ни случилось с нами – всё происходит ради душевного развития.

Путь души отслеживается... ступенями образности, звукописи, расшифровки собственной поэтической индивидуальности: и бумажные фонарики порою могут исполнять роль звёзд.

Феерия фантазии развернётся.

Она логично вступает в свои права, поскольку мир, сколь бы многообразен ни был, слишком давит монотонностью, а ищущее сердце поэта, его постоянно жаждущая высоты души не способны ограничиться оным:

Когда-то тебе надоеет
Смотреть из окна в одну точку.
Придумаешь сказочный лес
И гор горделивых цепочку.

Шагнёшь в легковесный туман,
Снегами придавленный город.
Художник, попавший в капкан
Расшитого негой простора.

Пышно звучат иные строки: с византийской роскошью простираются вдаль эти «расшитые негой просторы»...

Можно смаковать, перекачивая в горле цветные шарики звуков...

...и мелочи... оказываются не мелочами, при более внимательном рассмотрении: а оптика Сергея Миронова именно на это и настроена – чтобы получилось:

Хрупок стакан твой стеклянный,
Сладок осадок на дне.
В ложке блестящей, зеркальной –
Блик драгоценных камней.

Будешь сегодня богатым
Праздно бродить по земле,

Крестик – немой провожатый –
Греть под рубашкой в тепле.

Тонок блик...

Мал крестик – возможно и охраняющий зыбкость жизни?

...варьируя возможности речи – от стихов, плотно-сгущенных до легко-полётных – поэт, постигая метафизику бытия, щедро делится выводами, и поэтические послания, скомпонованные в книгу, полную замечательными произведениями, оставляющую впечатление стройности и цельности, отправляются в бесконечность вечности: думается, более благорасположенной к поэзии, нежели нынешние времена.

Алексей ЗИМЕНКОВ

г. Видное, Московская область
Историк литературы. Краевед. Автор и составитель около 80 книг и альбомов, посвящённых русскому авангарду, Маяковскому, а также истории и литературе Видновского края.

«Ламцадрица-ца», или Верный рыцарь рифмы

Вам,
 конечно, известно явление «рифмы». Скажем,
 строчка
 окончилась словом
 «отца»,
и тогда
 через строчку,
 слога повторив, мы
ставим
 какое-нибудь:
 ламцадрица-ца.

Владимир Маяковский

Мы в России – поэтические староверы

Не тайна, что в Северной Америке и Европе поэты в своём подавляющем большинстве давно перешли на верлибры, решительно отказавшись от ритмомоторов и рифмоколёс для своих поэтомашин, считая безнадёжно устаревшей технику стиха Данте и Петрарки, Шекспира и Мильтона, Бёрнса и Байрона, Лонгфелло, Эдгара По и Бодлера.

В 2017 году заместитель главного редактора международного литературно-художественного журнала современной поэзии «Дети Ра», поэт Юрий Милорава, проживший 12 лет в США, в укор всем традиционалистам свидетельствовал, что уже практически семь десятилетий за Атлантическим океаном не рождаются поэты, пользующиеся размером и рифмой. В результате чего для американца слово poetry ныне означает – не знакомую нам с детства ритмическую, украшенную концевыми созвучиями речь, а исключительно стихи без рифм. Что уделом рифмованных стихов стала эстрада, и их теперь называют словом songs – песня.

«Времена Генри Лонгфелло, Эдгара По, Роберта Фроста, Эмили Дикинсон давно прошли. В конце 50-х если кто ещё и писал стихи с рифмами, то это были уже убелённые сединами, очень пожилые поэты вроде Роберта Фроста, приверженцы архаического стиля. Сейчас рифмы попадают редким вкраплением в текст и только для того, чтобы ещё раз подчеркнуть отсутствие размера и уход от регулярной гармонии повторов» (Ю. Милорава. О верлибре // Поэтоград. 2017. № 01).

Российская поэтесса и переводчица Наталья Ванханен убедилась в этом, побывав на одном из зарубежных фестивалей в далёком 2004 году: «Там поэты без бумажки не могут прочесть собственные стихи — они их просто не помнят: там нет ни рифмы, ни ритма, ничего. И я была единственная, кто читал что-то в рифму, на языке, не понятном никому в зале. И – слушали затаив дыхание. А потом подошли и спросили: “А скажите, что это было? Вы пели?”»

Ну а мы? Чтобы понять, какое место безрифменные и ритмически не урегулированные стихи занимают сегодня в нашей поэзии, я обратился к статистике. Мной были взяты 10 «толстых» журналов разной направленности. В их число вошли: московские «Юность», «Наш современник», «Москва», «Знамя», «Новый мир» и «Молодая гвардия», Санкт-Петербургские «Нева» и «Звезда», а также региональные «Север» и «Волга». После чего я добросовестно ознакомился с содержанием двух произвольно взятых номеров за 2023 год каждого журнала.

Насчитал 731 стихотворение. Набралось 644 зарифмованных текста (88%), а незарифмованных – 87 (12%). Обнаружил, что верлибры распределяются по журналам неравномерно. Пришёл к выводу: причина, – художественные вкусы сотрудников редакций («традиционалисты» и «авангардно устремлённые»), а также художественные вкусы поэтов (что чаще и лучше пишут, то чаще и охотнее публикуют). На одном конце линейки эстетических установок оказались «Наш современник», «Нева», «Север», где незарифмованных стихов не было вовсе. Срединные позиции, явно, свойственны «Юности», «Москве», «Знамени», «Молодой гвардии», «Звезде». Безрифменных текстов здесь набралось от 1 до 3%. Позиции на противоположном конце заняли «Новый мир» и «Волга». Верлибров в них – от 30% до 50%.

Вывод: в общем, мы в России остаёмся пока – в своей читательской и писательской массе – поэтическими староверами.

Если подумать, причин тому много. И одна из них – не иссякающая способность наших поэтов совершенствовать и развивать русский метрический рифменный стих, его художественные возможности. Что позволяет ему до сих пор успешно конкурировать со свободным стихом!

Возьмём, например, нашу сегодняшнюю рифму. Она прошла большой путь эволюции и отличается от ломоносовской так же, как современные аэробусы отличаются от самолёта Александра Можайского и аэропланов братьев Райт.

В «Оде великому государю императору Петру Феодоровичу на всерадостное восшествие на всероссийский наследный императорский престол и купно на новый 1762 год» Ломоносов сопрягал: прекрасно – ужасно, туч – луч, стократно – обратно, обновился – явился, плещут – трепещут.

Совершенно иначе устроены «краесловия» молодого Андрея Вознесенского в стихотворении «Флорентийские факелы», написанного ровно 200 лет спустя: Флоренция – дворецкий, домами – туманы, площади – прошлому, интерьерах – интервьюеров, лакеи – глаза.

Во времена Екатерины II в этих сочетаниях вокабул наши российские пииты, уверен, и при большом желании не усмотрели бы никакого звукового согласия и уж точно не почли бы за достойное использовать в своих музаметрах надиктованных текстах.

Так, за два века – усложнившись и изощрившись – изменились рифменный строй и наши читательские слуховые ощущения!

Куплю рифму

Маяковской относился к рифме серьёзно и с любовью. Совсем не как к одному из приёмов поэтической техники, звуковому украшению, рабочему сигналу о конце строки. Рифменное созвучие являлось для него в определённом смысле символом веры, краеугольным камнем создаваемого поэтического текста, без которого «стих рассыплется», как неумело возводимое здание. В своей разобранной на цитаты статье «Как делать стихи?» Маяковский объяснял: «Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить её, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держать вместе. ...поэтому её материал должен быть ещё крепче, чем материал, пошедший на остальные строки». Поэтому в конце строки надо ставить «самое характерное слово» и находить «к нему рифму во что бы то ни стало».

Признавая справедливость приведённых Маяковским аргументов, думаю, однако, что особое отношение Маяковского к «краесловью» было не в меньшей степени продиктовано и другой причиной, далёкой от «художественной пользы». Мне почему-то кажется, что поэт-лефовец – известный поборник производственного искусства и суровый гонитель искусства для искусства – любил рифму как таковую – независимо от её прикладного назначения. И на протяжении всей жизни являлся её верным рыцарем, её неутомимым и требовательным старателем – из глубокой бескорыстной склонности к ней.

Судите сами. Разве не переживал он, что «может, пяток небывалых рифм только и остался что в Венецуэле». Разве находить яркие созвучия, решать безнадёжные технические задачи не было для него «и труд, и мука, и отрада». Разве ради новой звучной рифмы он не был готов потратить уйм времени и сил... Чтобы потом с гордостью воскликнуть, подобно «слоновьей комплекции» мужикам из собственного стихотворения «Чудеса»: «А что, Мишка, очень хороша была эта последняя рифмишка!».

По свидетельству Лили Брик, Маяковскому в радость было жонглировать словами: *зигзаги – загзиги, кипарисы – рикаписы – сикарипы – писарики, лозунги – лозгуны, козыри пики – пизыри коки, туз пик – пиз тук*, рифмовать по поводу и без повода:

В ожиданье выигрыша
приходите вы и Гриша.

Ложе прокрустово –
лежу и похрустываю.

Кто ходил в лесу рогат? –
Суррогат.

А ещё друзья знали, что своих рифм поэту мало, и он готов их приобретать... впрок.

Юрий Олеша вспоминал:

«Я как-то предложил Маяковскому купить у меня рифму.

– Пожалуйста, – сказал он с серьёзной деловитостью. – Какую?

– Медикамент и медяками.

– Рубль.

– Почему же так мало? – удивился я.

– Потому что говорится "медикамент", с ударением на последнем слоге.

– Тогда зачем вы вообще покупаете?

– На всякий случай».

Когда читаешь стихотворение «Евпатория», чувствуешь, что, обыгрывая название этого курортного города, поэт получал огромное фонетическое удовольствие. И сам радуешься придуманной им фонетической игре:

Ляжем
пляжем
в песочке рыться мы

бронзовыми
евпаторийцами.

Скрип уключин,
всплески
и крики –
развлекаются
евпаторийки.

Всюду розы
на ножках тонких.
Радуются
евпаторёнки.

Очень жаль мне
тех,
которые
не бывали
в Евпатории.

Апостол нового «краесловия»

Не эта ли тайная любовь к звуковым переключкам сделала Маяковского – «горлана-главаря», пришедшего в мир «крестить именами моих стихов», – великим реформатором рифмы? Не потому ли ему выпало стать одним из тех, кто определил её развитие на годы вперёд, кто наделил классическое созвучие многими новыми качествами, благодаря которым заговорили о рождении совершенно «новой рифмы»?

Замечательный поэт Давид Самойлов в своей фундаментальной «Книге о русской рифме» утверждал: «Ни с кем из старших поэтов, даже с Хлебниковым, нельзя сравнить состав рифм Маяковского по неожиданности и своеобычности. С него начинается новый счёт рифм русской поэзии»; «Влияние его рифмы навсегда запечатлелось в русской поэзии, не изгладилось до наших дней. С полным правом новый этап развития русской рифмы будет всегда носить имя Маяковского».

Чем же заслужил поэт столь высокую оценку? Что такого важного привнёс он в от века существовавшее краесловие?

Прежде всего – освободил заударное созвучие от обязанности быть непременно точным. Для сравнения: у Пушкина число неточных рифм не превышало 1-2%, в русской поэзии 1905–1913 годов неточные в среднем составляли 2-3%. Маяковский сделал неточные рифмы фирменной особенностью своего стиха. В его лирике 1912–1916 годов неточных рифм – 51,6%. В поэме «Облако в штанах» (1914–1915) – 51,1%. В поэме «Флейта-позвоночник» (1915) – 61,4%. Это дало право Давиду Самойлову написать: «Маяковский – первый поэт неточной рифмы, первый поэт с преобладанием неточных». Не больше и не меньше... И разве незаслуженно? Ведь один из первых он поэтические вольности и исключения сделал правилом!

Откройте любое издание Маяковского, и вы убедитесь: перед нами – энциклопедия неточных рифм.

Чаще всего встречается усечение концевых согласных. Мужские: *миллион – бельё, вод – существо, замлеть – земле, душа – шаг, небеса – писать, любви – вид, увели – ювелир, конце – концерт*; женские: *колибри – выбрил, круче – ручек, авиатор – Травиата*; дактилические: *высморкал – Бисмарка, нежненько – мятежников*.

Но при желании можно найти созвучия...

С усечением концевых гласных: *и лести – и есть, якорятся – декорацией, вознесения – на Сене, казаться – индустриализации, и сонным – Эдисонами, тётеньке – коротенькие*.

Вот примеры других неточных «краесловий».

Рифмы с внутренним усечением согласных (в том числе согласного звука –Й–): *крови – коровьи, Рейна – гангрена, страус – стараюсь, сердца – деться; чёрного – учёного, покорненько – дворника, овазился – оазиса*.

Неравносложные (усечение внутренних гласных): *вкована – Ковна, бороду – морду, смерть – верить, Капри – капоре, волновались – вальс, тонут – мастодонт, оспе – россыпи, уюте – довоюете*.

Рифмы с замещением согласных: *гиль – могил (ль – л), полощет – площадь (т – ть), остыл – монастырь (л – рь), платит – платьев (т – в); игры – икры (г – к), виден – Сытин (д – т)*.

Рифмы с перемещением согласных: *безрукий – мазурке (зрук – зурк), плачики – пальчики (лач – альч), подкреплюсь – пульс (люсь – ульс), кофту – эшафоту (офт – фот), опошлить – Ротшильд (шлить – шильт)*.

Составные рифмы – усечённые, неравносложные и с замещением согласных: *дым ещё – вымощен, смотрел как – тарелка, триста вам – приставы, такта – как это, манера вам – нервам, вы ещё – кнутовище, вол сам – волосам*.

Кроме того, поэт – пусть не так часто – прибегал к созвучиям консонантным: *несут – не сыт, што ты – Штаты, карабкал – коробка, трёхламповое – нахлопывает; и разноударным: рёт – гóрод, отчего – рабóчего, темно – действительно, со стороны – э́кстренный*.

Маяковский так рифмовал сам и советовал то же делать другим. Объяснял, что рифма «чересчур полная, чересчур прозрачная» (например, резвость – трезвость) «напрашивается сама собою и, будучи произнесённой, не удивляет, не останавливает вашего внимания». И поэтому не годится.

Левой, левой, левой...

Другая важная особенность рифмы Маяковского и целого ряда других поэтов 1910-1920 годов связана со сдвигом рифменного созвучия из правой в левую часть слова. Например: МОТíвы – локоМОТíвы («Любовь», 1913); НАСíловать – грАССíровать («Кофта фата», 1914); СЛОВА́ – ГОЛОВА́ («Ничего не понимают», 1914); Сýд – понеСýт («А все-таки», 1914); ПОóдем – ПОбéде («Война объявлена», 1914); каторЖА́не – РЖА́нье («Гимн судье», 1915); СМéрить их – СМéрти («Никчемное самоутешение», 1916); КАДéт – ОДéт, ГДé-то – КАДéта («Сказка о красной шапочке», 1917).

В творческой практике Маяковского таких случаев тысячи. Глубокие рифмы, всегда приветствовавшиеся в поэтической среде, у него стали правилом, принципом рифмообразования, ещё одним краеугольным камнем его рифменной системы. В 1916-1918 гг. количество созвучных опорных согласных достигло у Маяковского невиданной в русской поэзии величины – 106,5 на 100 рифм.

Для сравнения у В. Брюсова в 1906-1909 гг. в 100 рифмах вы найдёте в среднем лишь 13,5 таких созвучий; у А. Блока в 1902-1907 гг. – 20; А. Белого в 1904-1909 гг. – 18. У поэтов следующего поколения картина примерно та же: А. Ахматова, 1909-1914 гг. – 27 пар созвучных опорных на 100 рифм; О. Мандельштам, 1908-1915 гг. – 15,5; М. Цветаева, 1917-1918 гг. – 23.

Словно отталкиваясь от приведённых фактов, теоретик и историк русского стиха Юрий Минералов дал такое описание рифмы Маяковского: «Она, нам кажется, явление уникальное. <...> Для Маяковского характерна тяга не к предударным, а к синтетическим созвучиям. Он старательно прорифмовывал слова "насквозь" – и в предударной и в заударной частях: не пачкая/нэпачка, врезываясь/трезвость, попаду/помпаду, медведь/медоветь и т. п.

Обновлять рифму так, как это делал Маяковский, – несомненно, объективно труднее <...> Поступать, как он – значило наложить на свою рифмовку дополнительные технические условия, обресть себя на напряжённый поиск "многозвучных" рифм, несравненно более редких в языке, чем двух-трёхфонемное созвучие, в какой зоне структуры слов оно бы ни располагалось. <...> Поэзия "в массовом порядке" вряд ли могла пойти по его пути».

Сдвиг созвучия влево от ударной гласной, превращённый Маяковским и другими поэтами-современниками в систему, в сочетании с неточностью заударной части рифмы был подхвачен и, в конце концов, прочно утвердился в русской поэзии, стал привычным техническим приёмом как «поэтов-новаторов», так и «поэтов-традиционалистов».

Люблю неизменно и верно!

Маяковский постоянно влюблялся в женщин. Потом эти чувства проходили и возникали новые влюблённости. А вот рифме он оставался верен до конца. После Пушкина из знаменитых поэтов Маяковский, пожалуй, второй, кто столько равнодушных строк посвятил рифме. И, думается, мог в конце жизни, как верный рыцарь, сказать о ней: «Люблю неизменно и верно!».

Прошло сто лет с тех пор, как он написал эти слова. И теперь черёд нового поколения стихотворцев выяснять отношения со своенравным созвучием на конце строки, решая быть ему в русской поэзии или нет. Ведь...

Поэзия –
 та же добыча радия.
В грамм добыча,
 в год труды.
Изводишь
 единого слова ради
тысячи тонн
 словесной руды.
Но как
 испепеляюще
 слов этих жжение
рядом
 с тлением
 слова-сырца.
Эти слова
 приводят в движение
тысячи лет
 миллионов сердца.

Татьяна БИРЮКОВА

г. Видное, Московская обл.

Член Союза писателей России, Союза краеведов России. Автор 7 книг стихов и прозы. Почётный писатель Московской области. Победитель ежегодной премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» за проект «Возвращение к истокам». Публиковалась в журналах «Поэзия», «Московский краеведческий журнал», «Параллели», в газете «Московский литератор», «Литературной газете», в альманахах и коллективных поэтических сборниках Москвы и Подмосковья.

«Стихами были или прозой поэтом прожитые дни...»

У Михаила Михайловича Пришвина есть такая запись: «Для победы над мелочами... надо спешить к творчеству. Если при этом удаётся обрадоваться, то мелочь растворяется в улыбке. Победителем остаётся человек, который несмотря ни на что в «силах» улыбнуться и быть счастливым». В полной мере эти слова можно отнести к поэту и прозаику из Подмосковья Евгению Зубову, который вопреки трагическим обстоятельствам своей недолгой жизни не испытывал, что называется, обиды на человечество, а наоборот, был тем человеком, который дал надежду и радость творчества не только здоровым, но и глубоко отчаявшимся людям.

В архиве семьи Зубова был обнаружен дневник поэта, он вёл его в детском и юношеском возрасте, были переданы 38 писем – переписка с другом. Много лет были известны только его стихи, а теперь читателям открылась и прекрасная проза.

С восьми лет Женя стал делать дневниковые записи, сначала, скорее всего, по настоянию отца. Записи детские, но они охватывают трудный период жизни большой семьи, с 1950 по 1952, подробно рассказывают о жизни в деревне того времени, о детях и взрослых членах семьи, двоюродных братьях, племянниках, праздниках и буднях.

Начальная школа, семилетка, потом училище. Талантливый юноша, он больно ранен. Вердикт врачей – начавшаяся в молодости болезнь будет только прогрессировать!

Дневник через десять лет – отражение его жизни, со всеми противоречиями, борьбой мысли, одиночеством, сомнениями и великой любовью к природе, окружающей среде, болью за ускользающую действительность. Это дневник живого, меняющегося, ищущего и растущего человека.

Евгений Петрович Зубов родился 26 марта 1942 года в деревне Мисайлово Ленинского района Московской области. Творчество его при жизни было известно довольно узкому кругу читателей. Он не искал славы, она сама нашла его, талантливого поклонника природы, искренне любившего родной край, только после смерти, благодаря, в первую очередь, энтузиастам и любителям литературы.

Поэта и прозаика с трудной судьбой, Евгения Зубова сегодня знают все школьники Подмосковья, как настоящего русского поэта, изучают его творчество. В 2002 году на деревенском домике установлена памятная доска, его именем названа улица, на которой жил поэт, в 2016 году заложен сквер его имени, издано четыре сборника стихотворений. В пятое издание включены и проза, и воспоминания, новые сведения из личной жизни, переписка с друзьями. Учреждена областная литературная премия им. Евгения Зубова, присуждаемая творческим людям, тем, кто внёс большой вклад в воспитание подрастающего поколения и в сохранение чистоты и богатства русского языка.

Книга и родная русская природа, патриотизм объединили три поколения семьи Зубовых, семьи, где честь и любовь к родине ставились выше собственной жизни.

Дед поэта Яков Зубов страстно желал научиться читать. За 1 рубль он выучился письму и чтению у местного дьячка. Работая на золотоканительной фабрике братьев Алексеевых, которой с 1882 по 1917 год руководил правнук основателей – Константин Алексеев, вошедший в мировую историю под сценическим псевдонимом Станиславский, Яков Николаевич познакомился с рабочими, знающими грамоту, и всей душой потянулся к книгам. В доме Зубовых стали появляться редкие книги. Такой ценной библиотеки ни у кого в деревне кроме них не было.

Страсть к чтению Яков Николаевич передал своему сыну Петру, который начинал свой трудовой путь наборщиком в московской типографии. Любитель и знаток русской литературы, участник первой мировой войны, воевавший в особой четвёртой бригаде во Франции, Пётр Зубов из деревни Мисайлово неожиданно оказался в водовороте событий мирового значения. В 1916 году ему было 25 лет. В своих воспоминаниях Пётр Яковлевич потом напишет: «Война, ссылка в Северную Африку за отказ воевать, неудачный приезд в Россию, где едва не погиб от расстрела озверелых деникинских офицеров, побег с деникинской зоны на территорию красных, тяжёлые болезни, инвалидность – вот мой скорбный багаж прошлого».

Наверное, судьба сохранила Петра Яковлевича, чтобы он мог дать жизнь будущему поэту Евгению Зубову, известному сегодня не только в Подмосковье.

И вновь, обращаясь к Пришвину: «Человек живёт и рождает новое, и от него остаётся навсегда то, небывалое, что он рождает словом, делом, помышлением, поклоном даже или пожатием руки, или только улыбкой посылаемой». Ну, разве не вызывает улыбку вот такая запись: «1958год. С Новым годом, дорогой мой дневник! Желаю тебе в этом году поумнеть и помочь мне быть поумнее, постарательнее в трудной учёбе и в хорошем поведении...»

Завтра Рождество, а мама всё не едет. Мы были в отчаянии, боялись остаться без пирогов, наконец-то, вечером, она приехала. Привезла мне конёк».

В дневнике Евгения есть такие строчки: «Просмотрел записи за несколько лет. Кажется, получился не дневник жизни, а дневник природы».

«...И совсем не надоест смотреть на эти знакомые и родные места, хотя смотришь и видишь всё это почти каждый день, из года в год. И хотя это однообразное созерцание кажется кому-нибудь скучным и неинтересным, мне оно даёт удовлетворение. Знакомые картины родной природы, родного края. Они милы мне в любое время года».

Или ещё: «На загородке длиннохвостая ворона бьёт поклоны весне, рада белобокая солнцу, первому робкому теплу. Ещё бы, такую суровую, морозную зиму пережить было не так-то просто. Пережили сороки, синицы, воробьи. Жизнь вышла победительницей в борьбе с жестокой зимой, и теперь всё живое радуется этой победе, радуется солнцу, теплу, весне!».

Вот запись от 8 мая 1964 года: «6 мая вечером услышал первый раз соловья. Зеленеют кусты, тускло-зелёной дымкой подёрнулись берёзы. Сухо. По Полянке проезжают машины, возят навоз на поля, и каждый раз вслед за машиной поднимаются и летают по направлению домов клубы пыли.

Небо сейчас в сквозных тучах, дует порывистый ветер, и на улице как-то неуютно. Рыба, как на бочагах, так и на нижнем пруду не клюёт. Вчера поймал только пиявку. Затем поднялся сильный ветер, с юго-западной стороны неба надвигалась тёмно-сизая взлохмаченная туча, её седые ключья далеко отвисали по бокам. Как только поднялся ветер, я взглянул в сторону лесов, росших по двум отлогим холмам, между ними находилась небольшая ложбина, а подалее вглубь, поперёк этой ложбины, стоял лес. Я был поражён, ещё не виданной мной ранее, удивительной, сказочной по своей красоте картине. Не знаю, отчего это, наверное, ветер поднял в лесу огромное облако пыли, и оно окрасилось от первой зелени деревьев в зелёный цвет. Весь лес и вся лощина между ним были задёрнуты сплошной зелёной завесой. Солнце пробивалось из-за края тучи, осветило эту завесу, и она засветилась таким чудесным, непередаваемо красивым цветом, что глаз нельзя было отвести от этого чудесного зрелища. Ярко-зелёный туман вскоре под воздействием упругого ветра разорвался и рассеялся. Лес стоял в прежнем своём виде, словно мираж, как будто ничего и не было».

И вот ещё: «...тихим августовским вечером я люблю смотреть на притихший простор полей, на жёлтые стога свежей соломы, видеть, как мягкая синева сумрака окутывает притихший лес, соседние деревни и город на левом берегу Москвы-реки, как вспыхивают золотистым бисером огни этого города, слушать грустную тишину последних летних вечеров».

22.03.1965 г. «За окном серая улица, снега нет совсем. Вечерами читаю. Сейчас дочитываю Крopotкина «Идеалы в русской литературе». Засел за Гоголя, какой я был дурак, что не читал его раньше. Да и вообще только сейчас начинаешь понимать, что без Пушкина, Лермонтова, Толстого и Чехова немислимо рассуждать о литературе. Они, эти классики, являются как бы фундаментом к дому, название которому – литература. А Гоголь – прелесть. Я все ночи, до 3-4 часов утра читаю его. Хотел сделать выписку картины степи из «Тараса Бульбы». Случайно услышал по радио описание сказочной по своей красоте картины степи.

Огромное наслаждение я получил от романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Как я был глуп и наивен, рассуждая, что этот роман нужно читать в преклонном возрасте. Всё это чушь. Давно не читал с истинным удовольствием, прочёл дней за 6. Что меня поразило в произведениях Толстого? – Простота изложения своих сложных и мудрых мыслей на бумаге простыми русскими словами. И его правда, та естественная правда жизни, которой, к сожалению, не хватает нашей современной литературе. А также прочёл всего Бунина, всё, что у меня есть, и перечитываю его стихи. Вот у кого я хочу учиться. Образы точные, именно такие, как и есть в природе».

«Сегодня почти весь день перечитывал дневник Надсона. Какой тяжёлой, безысходной тоской веет от его записей. Короткая жизнь этого поэта, полная надежд и разочарований, та тяга, неистовая тяга к прекрасному, чистому, эта тяга, это стремление, которое в наше время всё реже встречается у молодых людей, очень трогает и оставляет в душе след, может быть, печальный, но не такой уж мрачный, который может показаться на первый взгляд. Почему-то в наше время Надсон совсем забыт, а если и встретится в печати его имя, то упоминается критически. А мне кажется, что та короткая жизнь, то медленное угасание душевных и физических сил давало право этому поэту писать пессимистические стихи, полные скорби, тоски и печали. Во всяком случае, мне он понятен, близок, я его признаю!».

«1965. Завтра мне стукнет 26 лет. Боже!

Да, весна начала победное шествие. Хорошее это время года. Это пора, когда человек как бы обновляется, сердце, как аккумулятор, заряжается бодростью, жизненной энергией и оптимизмом, который так необходим людям после холодной, суровой зимы.

Скоро зацветут сады, наполнив воздух сладким благоуханием, во весь голос запоют соловьи, и весна растворится в лете».

«Два дня стояла настоящая весна. Наконец-то выглянуло солнце, и сразу всё оживилось. Звонче и радостнее запели в садах синицы и овсянки, возбуждённо кричали грачи, и первые настоящие ручьи прокладывали себе путь, прорезая сырой, дряблый снег. Особенно эти ручьи были красивы перед закатом. Они были залиты лучами солнца, и казалось, что это течёт расплавленное золото, так красиво они переливались».

Последние десять лет Евгений уже не вставал с постели. Через систему зеркал смотрел и участвовал в беседах с друзьями, которые приходили навестить поэта. Книжки стали его друзьями, а в окно он видел палисадник во дворе и небо.

«Книги – это окно в мир, окно в моём доме – это единственная возможность созерцать жизнь улицы. Для меня – единственная. Умеренный морозец, оттаявшие наполовину стёкла окон позволяют заглянуть в потусторонний мир».

Евгения Зубова нет сегодня с нами, ушёл из жизни в июне 1996 года, но круг людей, любящих его творчество, становится всё шире, и пусть будет радостным для каждого читателя «восхождение к новой весне».

Стихи его – с тайным и волшебным механизмом внутри. Они неброски, глубоко лиричны, притягательны внутренней сдержанностью эмоций. Это оттого, что они предельно точны, а точность не терпит излишних деталей. Пейзаж его зрим и весом, выписан полно, законченной картиной, в которой всегда сквозит светлая грустинка, та незаметная философия, которая делает слова Поэзией.

Евгений ЗУБОВ

Долго стою – очарован привольем.
В мареве синем густеют леса.
Ласточке, мчащейся низко над полем,
Грудку щекочут колосья овса...

Это и есть настоящее счастье:
Близкие люди, родительский дом.
Только беда, что не ведаем часто
Мы все об этом о счастье своём.

На стене наружной дома
В мёртвом свете фонаря
Ходят тени невесомо
Поздней ночью сентября.
Тень листа в знобящей дрожи,
Георгинов силуэт.
Ветер сны их потревожил,
Вывел их фонарь на свет.
Не бездушный чёткий снимок
Не слепой игры показ.
Их слепая пантомима –
Увядания рассказ.
Ускользящая тайна
Жизни и небытия.
А следят за их метаньем
Ночь осенняя да я.

Ещё не время зелёным всходам,
Тепло почуяв, пуститься в рост.
Сжигают мусор на огородах,
Ночами лёгкий гостит мороз,
Бесцветных листьев слоёный ворох
Душистой пылью в лесу пропах.
Ручьи иссякнут, умолкнут скоро,
Но нарастает хор звонких птах.
От взгляда прячет гнездо сорочье
В сплетенье веток хитрец апрель.
Трава сухая свалылась в клочья –
Земля линяет, как старый зверь.

Цветущий май благоуханьем дышит.
Какая свежесть красок за окном!
Красуются в наряде белом вишни,
Как школьницы на бале выпускном.
Украшен день цветением сирени,
Жизнь воспевают птичьи голоса.
Зелёным ореолом в отдаленье
По горизонту светятся леса.
Ласкают глаз весёлые лужайки.

В сквозной листве небес голубизна.
Всю красоту земную без утайки
Открыла нам под занавес весна.
Пусть эти дни как можно больше длятся –
О них мечтал зимой суровой я.
Так сладко засыпать и просыпаться
Под вдохновенный посвист соловья.

Всё ниже клонит голову
Подсолнух у гряды.
В полях жируют голуби,
В садах гостят дрозды.
В пожухлых травах звёздами
Рассыпана роса.
Стоят в прозрачной роздыми
Окрестные леса.
Задёрнут плотной ряскою
В овраге старый пруд.
Дыша прощальной ласкою,
Дни к осени идут.
Но думать так не хочется,
Что скоро лето кончится,
Что скоро холода,
Когда б ни одиночество,
Когда бы ни года.

Ещё в саду царит покой,
Здесь чистый снег теплом не тронут,
Но возбуждённо день-деньской
Весне сорока бьёт поклоны.

Под птичий гомон видит сны
Согретый солнцем переулочек.
В подвойник чуткой тишины
Капель срывается с сосулечек.

Распускает март клубки сугробов
На живые нити ручейков.
Лечит лес от зимнего озноба,
Плавит в свет наплывы облаков.

Ворс серёжек серебрист и нежен –
Верба зацвела в урочный час.
В глубину ещё пустых скворешен
Смотрит неба любопытный глаз.

Оживают голубые дали:
Шум ветров, грачей протяжный крик.
Островки разрозненных проталин
Сходятся в единый материк.

Проза

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Юлий Айхенвальд

Анжелла СЕДЫХ

г. Киренск, Иркутская обл.

Зав. отделом прозы журнала «Северо-Муйские огни».

Холстинки из цикла «Лето Господне»

Криволукская водица

Январские утренники нас балуют. Мы, русские, подспудно ждём цифру на уличном термометре минус пятьдесят. Сибирский люд воспитан гордой, суровой природой, кровно сросся с климатическими «качелями». Но в Крещенский сочельник – навечерие Богоявления – было под сорок, царские часы обыкновенно совершились в Спасском храме. А на реке в православных приходах с особым трепетом для великого таинства уже приготовили иордани и мирно ожидали прихода батюшки, который исполнил бы тысячелетний обряд.

После Великого Водосвятия в Киренске путь лежал в Кривую Луку. Выехали сразу после обедни. По рассказам очевидцев, не было случая, чтобы не припозднились. В этот раз приехали в самую нужную минуту. По дороге приметили укутанных по самую «макушку» молодых баб с длинными белёсыми ресницами, которыми их наградила мороз. Аппетитные морковно-свекольные лица их, покрытые изморозью, дивно горели среди белой равнинной излучины.

Молочно-туманные сени дня расползлись над всей Ленской обителью. Кривая Лука – особенный её придел. Разлапистые сосны и высокие старинные ели добавляют вкуса столь тихому, затерянному среди таёжных дуг жительству. Старая, обнесённая на треть сугробами, каменная безглавая (деревянная крестильная луковка у крыльца схоронена) церквушка, уже полнилась женской половиной, мужчины, кроме водителей, ожидали у проруби. Совсем тесная внутри из-за ремонтного перекрытия, но облюбованная людьми Николаевская обитель встретила гостеприимно. Стены понизу на времянку были обшиты утеплителем, чтобы не собирать на одежду извесь. Это так по-деревенски, как и электрически подогреваемый пол, который устелен ткаными половичками. Плотно дышали в лицо священнику стоящие на молитве, и в таком скупом молчании ловили каждое проникновенно-сказанное слово иерея Сергия (Власова). На незамысловато устроенном клиросе пели матушка Татяна и «мельничная» послушница Галина. Звучало прошение: «О еже быти воде сей, освящения дару, грехов избавлению, во исцеление души и тела черплющим ю и емлющим, во освящение домов... и на всяку пользу изрядну (сильную)». Потом оживились, вышли на крутой мороз и двинулись вереницей вдоль высоких сугробов до самой иордани с Богородичными иконами, ликом Самого Иисуса.

Справа, на взгорке, кособоко повис старый свидетель баркас, такие уж давно с производства списаны. Но он как будто ожидал очередной навигации. Широкие сосновые кряжи словно держали оборону, прикрывали собой утонувшие под насыпанной из небесных туюков снежиной, простые деревянные домики, обнесённые изгородами. Почему-то здесь, на быстрине, под кристально-голубой коркой льда, казалось, что вода чище и вкуснее. Мы её с батюшкой из ковша испили и в Киренск бутыль свезли. Девоньки склонились над прорубленным крестильным озерцом и стали умывать лицо, споласкивать руки, умыли и меня святой водицей, сама я ознобила руки от камеры. А она (водица) совсем не кусалась. Тёплая. Батюшка нас кропил так, что она глубоко за шиворот укатилась. Сколько было счастья на лицах!

Деревенский уклад иной, в нём всё на ветру и на виду. Не пропустишь, даже если хотела бы, мелочей, сами на рожон лезут. Одна баба в самый разгар таинства прикатила на санках пузатую хозяйскую флягу и в припаске ведро. В Киренске по этому поводу пошутили над одним похожим дедком – «мол тебе до Пасхи-то хватит?». Улыбнуло.

После чина освящения воды мы с родственницей Люсей архарами помчали к дядюшке обняться. И с такой же скоростью, но уже гружённые крупной садовой ягодой и мороженой щучкой мчали наперерез машине. Потом этот ледяной пакет стоял на коленях, но в нём лежали самые дорогие гостинцы. Кстати, крещенскую водицу в деревне по домам развозила пожарная машина. Вот уж если наливать, так бочками. Приспособились, чего тут таить. Не коромысло гнуть!

Издравле принесённой в дом освященной водой хозяева окропляли дом, людей, двор, огороды, лили её в колодец, добавляли в корм скоту, в бочки с вином. Говорили, что «в богоявленскую ночь небо открывается, о чём открытому небу помолишься, то сбудется». Пусть святая Агасма (с греч. «святыня») нас всех сделает чище и добрее. И душа, и речь нуждаются в очищении.

Вербочки как свечечки

Смирнен день, кроток. Весна гуляет, воля ей. А человек живёт тихо, дня Господня ждёт, ему не до баловства. Пост, он ведь не потому, чтобы мясопустное отодвинуть, а затем, чтобы душа не обробела, не сгорбилась от всевластия, вседозволения.

Верба, святая наша, русская, назревает, вот-вот пушиться начнёт, золотинкой на ветру гореть. И зачнут её ломать к воскресению, в пучки вязать, ленточками лазоревыми перетягивать да перед образами ставить. На целый год – как положено. Нежная эта красота во каждом доме место знает. Всякое она и видела – немой свидетель, но не скажет о том. Стоит нарядная в красном углу, Богу шепчет о прощении, о милости, о заветном. Человек её заметит – опомнится, засовестится, и на том – слава.

Апрель же, пригожий, ветрами расчѣсанный, ручьями умытый, снегами припудренный, норовит в пляс пуститься. Вербе – благодать. Солнце её любит. Пушистые кнопочки на веточках копошатся, улыбаются. Некоторые совсем белые, даже с розовыми щѣчками, как будто стесняются чего, юные. Любо смотреть на пунцово-сочные веточки, здоровьем пышущие, на уютные мохнатые почки. Каждый бы этот сердечный лопушок растрогала... Мягкие больно, Господь с ними. И радостно, что уже идёт-грядёт Пасхальное бдение. Потерпеть немного, постоять за веру, чтоб душа окрепла. Россия за ней. Дороже нет. И чтобы никакое полымя и расшабаш её в разор не ввели. Верба, свечечка нетленная, пусть всегда с нами пребудет, как символ православия.

Страстные дни

«Воззрят Того, Кого пронзили...»

Он говорил об этом открыто, ибо с самого начала знал, что предстоит. Земная юдоль заканчивалась. А с ней самое горькое из всех возможных испытаний. Истинно сие сбудется: «...кость Его да не сокрушится. Воззрят Того, Кого пронзили...».

В природе всё было по-прежнему. Наставало утро, а с ним реченное через пророка. Уже трижды пропел петух, надсадно, торопливо. И за голову хватался отрекшийся от своего учителя. Просыпался и горшечник, он ещё не догадывался, что в руки его попадут 30 сребреников, и каких! слух о которых разнесётся по всему свету, до конца обетования. Ещё вчера у него была земля, его кормилица, так как она давала материал для привычных трудов. Но отчего-то он решил ею больше не жить и продал первосвященникам для погребения странников. А те понимали, что Ииудины монеты, возвращённые в храм, не могут более там находиться, и потому, посоветовавшись, решили избавиться от этих денег. И, пожалуй, с этой минуты именно земля горшечника будет называться землёю крови, поскольку тридцать сребреников – «цена Оценённого», равная предательству.

Всё последующее было стремительнее молнии. Суд судов, оправдание преступника Вараввы, унижительные истязания, насмешки, неистовство толпы, забывчивой, как тень. Совсем недавно каждый стоящий у входа в город по-праздничному кричал «Осанна!», размахивал южными «вербами» навстречу Спасителю. А сегодня немолчно бросал Ему вслед скользкое «Распни Его!», как будто это было единственное, что должно.

Там, на самой хребтине холма, посыпанного прахом Адама, первого человека на Земле, даже самые сильные духом падут ниц, ибо Сам Господь направит Небесные силы на это лобное место, чтобы унять боль распятого на кресте Сына.

И была пятница – канун великого Дня. Дабы не оставлять тел, а их трое, в великую субботу, просили иудеи перебить голени распятых и убрать их от лица. И уже было совершили казнь над двумя, как один из воинов копьём пронзил Ему рѣбра, а кто-то предусмотрительно подставил чашу, ту самую чашу Грааля, в которой Он вкушал на Тайной вечере. Теперь она понадобилась, чтобы собрать кровь Его. Назавтра же «воззрят Того, Которого пронзили», ибо Христос Воскресе. Воистину!

Наталия ЯЧЕЙСТОВА

г. Москва

Член Союза писателей России. Окончила МГИМО и Курсы литературного мастерства при Литературном институте им. Горького. Автор книг художественной прозы и поэзии – «Туманган», «Голландские изразцы», «Пути земные и небесные» «Тонкая грань», «Вечное лето» и др. Лауреат ряда международных литературных конкурсов. Награждена специальным призом издательства Сретенского монастыря по итогам конкурса духовной литературы (2022). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Цифра vs Слово

Рассказ

«Что это за профессия такая? Зачем ты туда идёшь?» – спрашивали Наумова друзья, узнавая, что он собрался поступать на филфак МГУ. Литература, русский язык, изящная словесность – всё это казалось тогда крайней абстракцией; он и сам это понимал, но своему давнему влечению не изменил, и в сложное время перестроечного прагматизма получил диплом «специалиста в области литературы со знанием иностранного языка». Заниматься профессионально литературой ему однако не довелось: надо было кормить семью. Пришлось продавать свои знания в розницу там, где на то был спрос – переводами, устными и письменными, работая как подѣнщик – от зари до зари. Потом удалось устроиться переводчиком в нотариальную контору, что было большой удачей с точки зрения

устойчивости места, приличного оклада и умеренной нагрузки. Тяготили, конечно, рутина, однообразие, скука, но он научился с этим справляться, находя отдохновение в чтении. Читал он много и, бывая за рубежом, не жалел денег на покупку книг. Иностранную литературу он заглатывал, как и раньше, в подлинниках, получая невыразимое удовольствие от красоты языка, от смысловых нюансов, которых, казалось, не в состоянии передать ни один перевод. К электронным книгам он так и не сумел привыкнуть, и даже бравировал этим, чувствуя себя своего рода рыцарем, защищающим печатное Слово. Иногда его охватывала глубокая, не понятно откуда берущаяся уверенность в том, что, куда издаются книги, мир не рухнет. И он сам, покупая очередную книгу, будто укреплял фундамент мирового бытия.

В своей жизни Наумов уже никаких перемен не ждал, когда вдруг его бывший однокурсник, работающий в крупном издательстве, предложил ему подработку. Выяснилось, что объём поступающих в редакцию рукописей постоянно растёт, но начальство расширять штат не торопится, взваливая дополнительную нагрузку на имеющихся сотрудников. «Я уже задыхаюсь, – посетовал однокурсник, – а отказаться нельзя: уволят. Выручай, тебе это будет нетрудно, а может даже интересно». Договорились, что раз в месяц Наумов будет брать у него на редактирование рукописи и с такой же периодичностью получать причитающиеся ему выплаты.

С этого времени русло профессиональной деятельности Наумова как бы раздвоилось: днём он занимался у себя в конторе переводом стандартных документов, а вечерами погружался в чтение историй, рождённых буйной фантазией неизвестных ему современников. Простое в этой работе не случилось – несмотря на удорожание процесса книгопечатания, заказы от авторов не убывали. Наумов искренне удивлялся неистребимой страсти русского человека изливать свою душу на бумаге. Будто человек наш, постоянно загоняемый властью в угол и не имеющий возможности реализовать себя в практической профессии, берётся за перо и пишет книгу, а издав её, думает: «Ну хоть что-то останется после меня для истории. Не поймут сейчас, оценят позже». В равной мере удивлял Наумова и сохраняющийся читательский спрос на «бумажную» продукцию – казалось бы, цифровизация проникла уже во все щели бытия – ан нет, сохранялись ещё чудачки, которым непременно нужно было держать в руках книгу, переворачивать страницы, вдыхать запах если не типографской краски, то просто бумаги. Книжные ярмарки регулярно собирали толпы посетителей. Выходит, не один он был такой книгоцей.

Рукописи поступали к нему самые разные. Среди них изредка попадались сокровища – обычно они угадывались с первой страницы, и тогда Наумов наслаждался рукописью, которая практически не требовала правки, а доставляла ему, как литературному гурману, истинное удовольствие. Но таких было мало. Потоком шли средненькие, более или менее удачные романы, а большая часть представляла собой обычную графоманскую писанину, интересную, как правило, лишь самим авторам. На таких опусах Наумов твёрдой рукой ставил резолюцию: «К изданию не пригодно» – и возвращал своему приятелю.

Так или иначе, к своей новой работе Наумов относился добросовестно и, погружаясь в очередное литературное произведение, заинтересовавшее его, долго работал, выверяя различные детали, убеждаясь в логике описываемых событий, придавая, по возможности, лёгкость и образность языку. Но самым сложным делом были, пожалуй, детали – ему приходилось вникать и справляться по тысячам нюансов, связанным с историей, географией, искусством – да мало ли ещё с чем! – чтобы не пропустить каких-нибудь откровенных ляпов. Вот, скажем, лишь за последние пару месяцев ему пришлось отредактировать и исторический роман о Менделееве, и детектив, действие которого происходит в Японии, и фэнтези о межгалактических полётах, и даже рассказы о полярниках. И хотя Наумов был человеком грамотным и эрудированным, вычитка рукописей занимала у него много времени, и он чувствовал, как постепенно превращается в «ходячую энциклопедию». Хотя кому нужны такие люди в век Цифры? И всё же чтение и редактирование чужих рукописей увлекало его всё больше. Ему как бы открывался коллективный разум его народа, о котором он раньше имел самое общее представление. И пусть этот народ не всегда мог выразить должным образом свои мысли и чувства, его подчас поражала глубина раздумий, широта души, нравственное начало, сострадание и безмерность русского человека. И он сам начинал себя чувствовать хранителем этих лучших свойств своего народа.

Наверное, не случайно в этот период жизни ему в руки попало Евангелие. И вряд ли случайно открыл он его в том месте, где сказано: «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог». Три этих кратких предложения так потрясли его, что он несколько дней был не в состоянии переключиться на что-либо иное – и ум, и сердце были поглощены открывшейся вдруг глубинной тайной. Над ним будто распахнулся каменный свод, скрывавший от него долгие годы свет истины – и теперь дух его рвался ввысь, не довольствуясь привычной рутинной. Он прочитал Евангелие от Иоанна, затем – весь Новый Завет целиком и был потрясен тем, что находит в нём ответы на все свои вопросы. Он начал ходить в церковь, познакомился со священником, набрал стопку духовных книг – и уже с трудом понимал, как это он раньше мог жить без Бога. В сравнении с Евангельским Словом все остальные слова казались мелкими и тусклыми. Но Наумов тем не менее не бросил своих подработок в издательстве, напротив – он стал даже проявлять к рукописям больше внимания, ответственности, вдумчивости. И как никогда прежде, он чувствовал себя теперь рыцарем Слова, которому должен служить верой и правдой.

– Что ж, как мы видим, дела обстоят неплохо. – Майкл Котчер, председательствующий на заседании, довольным взглядом окинул собрание. Крепкий, с шарообразной головой, посаженной

прямо на массивные плечи, он походил скорее на спортсмена-тяжеловеса, нежели на президента международной компании. – Как мы и предполагали, пандемия позволила значительно расширить границы проникновения Цифры в повседневную жизнь, – продолжил он. – Наша инфо-сеть покрыла практически всю планету, и то, что казалось невозможным ещё каких-нибудь пять лет назад, стало реальностью: мир, со всеми его цепочками производства и потребления, все финансовые потоки, все индивидуумы с их разнообразными привычками и пристрастиями теперь видны как на ладони. Мы знаем всё о всех и каждом – и потому владеем ключом развития планеты на много лет вперёд. – Он откинулся в широком кресле и победоносно посмотрел на сидящих за овальным столом джентльменов.

Собравшихся на ежегодное заседание международного клуба «Цифра», проводившееся в обстановке строжайшей секретности, было по традиции тринадцать человек. Это были главы наиболее влиятельных глобальных компаний; их объединяла не жажда максимизации и без того громадной прибыли, и даже не стремление к упрочению своего могущества (хотя и то и другое присутствовало) – это был азарт, сродни спортивному; раз поставив на Цифру и сделав её своим кумиром, они жаждали во что бы то ни стало добиться её тотальной победы, безграничной и бесповоротной. Все они были фанатами своего дела, убеждёнными борцами за всеобщий миропорядок и глобальную предсказуемость, а их противником был живой человек и создаваемый им хаос.

– Вальтер, – обратился Котчер к седовласому поджарому мужчине, сидящему справа от него, – будьте добры, продемонстрируйте нам картину по вашему региону.

Вальтер коснулся загорелой рукой своего планшета, и на большом экране, висящем на стене, высветился ряд таблиц. Взяв в руку электронную указку, он пояснил:

– Достаточно одного клика, чтобы за секунду увидеть ситуацию в любом домохозяйстве. Вот перед вами случайная выборка: регион D, область R, город S, семья В главного специалиста станко-инструментальной предприятия. Здесь видны, – он подвинул указку, – состав его семьи, доходы, расходы, перемещения, поисковые запросы в сети. – Он снова коснулся планшета, и картинка сменилась. – И так по любому человеку в любой области. Самое главное, чего нам удалось добиться: все поисковые запросы в сети моментально складываются в матрицу, позволяющую системе безошибочно прогнозировать будущее.

– Прекрасно! – Котчер отпил воды из стакана и повернулся вместе с креслом. – А что у вас, Томми?

Узколицый худой мужчина со стрижкой ёжиком пристально взглянул на председательствующего.

– Вы же знаете, что в России мы несколько отстаем от графика, – нахмурившись, ответил он.

– И это объясняется просто: нет другой такой страны в мире, где люди были бы столь непоследовательны и хаотичны. Но мы прилагаем существенные усилия в нужном направлении, и наши коллеги в России оказывают нам значительную помощь. Мы уже заметно продвинулись по ряду направлений. Вот взгляните.

На экране высветилось несколько диаграмм.

– Как видите, – продолжил докладчик, – значительная часть населения уже подконтрольна и управляема. Искусственный интеллект внедряется ускоренными темпами в самых разных областях жизни. Но есть нюансы. – Он полистал на экране таблицы, в которых отдельные строки были выделены красным цветом. – Вот, скажем некто N из Москвы. Наши специалисты бьются с ним около года. Система уже несколько раз выходила из строя. Его интересы и поисковые запросы не поддаются никакой систематизации. То его интересует состав химических веществ, то школы джиу-джитсу, то устройство космических кораблей, то повадки белых медведей. Никакой последовательности. И он такой в России не один. – Вальтер иронично взглянул на собравшихся – Может, они специально сбивают нас с толку? Может...

– Продолжайте работу, Вальтер, – резко оборвал его Котчер. – Россия занимает слишком много места на карте мира, чтобы мы могли пренебречь её потенциалом.

Перед Наумовым лежала аккуратная стопка распечатанных листов – роман с многозначительным названием «Слово об утраченном Свете». Он полистал рукопись и начал читать с середины:

«Раннее утро туманом стелилось по широкому лугу; сквозь молочную пелену стальными проблесками угадывалась пойма реки, за которой начиналась дубрава. Степан, опершись на косу, смотрел на тихий простор в свете нарождающегося дня и думал о том, что его предки, должно быть, тоже когда-то стояли на этом месте и смотрели на безбрежные просторы родного края, размышляя: «Выпал дождь, надо пахать, надо скородить¹...». Жизнь, как рассказывал прадед, была патриархальной, народ – религиозным. Тщательно соблюдались посты – постились и господа, и слуги, и работники. В самом бедном крестьянском дворе не отказывали в ночлеге странникам и богомольцам. А потом всё рухнуло в одночасье. Царя убили, над Богом вздумали глумиться! Как могло такое дьявольское действо охватить народ? Загадка. Величайшая загадка истории русской».

«Да уж, загадка загадок. – мысленно согласился Наумов. – Бездна души человеческой. Бездна души народа...». Некоторое время он сидел в задумчивости, потом словно пробудился и вспомнил: «Скородить... Что это значит?» – он обратился к поисковику.

¹ Скородить – бороновать, рыхлить землю.

Дмитрий ВОРОНИН

п. Тишино, Калининградская обл.

Воронин Дмитрий Павлович. Родился в 1961 году в г. Клайпеда Литовской ССР. Член Союза писателей России. Автор 4 книг прозы. Лауреат премии им. А. Куприна, губернаторской премии «Признание». Публиковался в ряде литературных журналов и альманахов России и ближнего зарубежья: «Роман-газета», «Нева», «Наш современник», «Молодая Гвардия», «Москва», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостиный двор», «Бийский вестник», «Дальний Восток», «Наше поколение» (Кишинёв), «Новая Немига» (Минск), «Простор» (Алма-Ата), «Нижний Новгород» (Н.Новгород) и др.

Контрабанда

Рассказ

Тимофеич возвращался домой. Довольный своей поездкой в ближнее зарубежье, он сидел у окна автобуса и вновь перебирал в памяти все те дела, которые заставили его совершить столь дорогой для нищенского бюджета путь. Щуплый, но еще резвый старичок, с живыми, почти всегда смеющимися глазами, удовлетворённо откинулся на сиденье и думал о том, что успел сделать очень важное дело в своей, подошедшей к финишной прямой, жизни – поклониться в последний раз дорогим могилам своих родных и близких.

Тимофеич, полузакрыв глаза, вспоминал с улыбкой, как навещал старых дружков, тоже, как и он, избежавших пока встречи с костлявой, как вспоминали они за бутылочкой дни давно ушедшей молодости, как слёзно расставались, наверняка уже зная, что не суждено им больше увидеться на этом свете. И каждый день в течение всего своего визита Тимофеич посещал кладбище, приводил в порядок могилки и прощался, прощался, прощался. Не забыл Тимофеич и о своей половине, сходил к её бывлым подругам, привет занёс, потом купил ей гостинец в подарок – головку местного сыра, с давних пор больше всего любимого женой.

Автобус сбавил ход и остановился у родной таможни.

«Забирайте сумки, готовьте документы, – напомнил водитель. – Сразу предупреждаю, у кого возникнут трения с таможенниками, ждать не стану, уезжаем сразу, как только проверят последнего».

Пассажиры, подхватив свою поклажу, потянулись к выходу, доставая документы. Сразу у автобусных дверей их встречал здоровенный таможенник, молча и строго брал паспорта, подозрительно и долго сверял их с оригиналом, скрупулёзно разглядывал штамп прописки и медленно возвращал документ владельцу, внимательно всматриваясь в следующего приехавшего.

«Да, – с уважением подумал Тимофеич, невольно распрямляя свою щупловатую фигуру, – у таких молодцов никакой шпион и контрабандист не проскочит, вон как глазами стреляет! От такого ничего не утаишь, я – свой человек, а и то заробел, что уж тут про людей с нечистой совестью говорить! На замке всё ж, видать, наша граница, что бы там не болтали», – и старик, гордо расправив плечи, отошёл к очереди, выстроившейся к столу, за которым проверяли вещи приехавших еще два красномордых бугая и худощавая девица с ярко напыженными губами.

– Что везёте? – машинально спросил Тимофеича один из таможенников, запустив по локоть руки в сумку и быстро перебирая в ней вещи. – Наркотики, оружие, валюту?

– Я террорист, автомат с глушителем везу и мину с дистанционным управлением, – пошутил вдруг Тимофеич, пытаясь скрыть вспыхнувшую досаду.

Таможенник от неожиданности столь наглого, на его взгляд, заявления моментально прекратил манипуляции руками и уставился на старика.

– А дед-то шутник, – тут же уловив смену настроения своего начальника, недобро произнесла девица.

– А мы сейчас этого шутника проверим. Так говоришь – террорист? – с издевкой в голосе произнёс мордатый. – Да какой из тебя, пенька трухлявого, террорист! Небось оружие в своей жизни и в руках не держал.

Тимофеич словно остолбенел от такого неприкрытого хамства, стоял, раскрыв рот и моргая глазами.

– Что зенками бегаешь? Знать, совесть всё же нечиста у тебя, – продолжал ехидничать досмотрщик.

– Счас мы тебя на предмет контрабанды прощупаем, наверняка что-нибудь незаконно провозишь.

– Да как вы смеее так со мной обращаться! – взвился Тимофеич. – Я фронтовик, я честный человек!

– А если честный, так чего развыступался? – подозрительно зашипела девица. – А ну-ка вытряхивай всё из своей сумки.

Тимофеич, тяжело дыша, вывернул содержимое сумки на стол.

– На-те, ищите, но если ничего не найдёте, вам это так даром не пройдёт.

– Ты еще и угрожаешь? Ну, пеняй на себя!

Девица ловко выпотрошила вещи старика и, тщательно их просмотрев, протянула своему начальнику целлофановый пакет с чем-то круглым внутри.

– Вот!

– Что это? – уставился тот на Тимофеича.

– Сыр, жене гостинец везу.

– Сыр, говоришь, а сколько его здесь? – ласково поинтересовался щекастый.

– Килограмма два, – недоуменно посмотрел на него Тимофеич, ошарашенный изменившимся тоном.

– Два кэга, ясно! А ты знаешь, сколько можно провозить? – так же мягко плёл языком государственный человек.

Тимофеич вопросительно пожал плечами.

– Один кэга, милый ты наш террорист, всего один, – издевательски заулыбался мордатый. – Всё сверх этого считается контрабандой.

Тимофеич побледнел.

– Так откуда я знал, сколько можно везти, – испуганно прошептал Тимофеич. – И что теперь со мной будет?

– Посадят теперь тебя, старый ты индюк, – расхохотался мордатый.

– Дошутился, на зоне теперь шутить будешь, – продолжали веселиться стражи границы, глядя на вконец растерявшегося старика.

– Вы его ещё долго мучить будете? – вдруг раздался голос водителя.

– Езжай давай, от греха подальше! – крикнула в ответ девица. – А то и на тебя акт составим, за то, что возишь контрабандистов.

Шофёр зло сплунул под ноги, сел за руль, и через минуту автобус отъехал от опасного места.

– А как же я? – беспомощно спросил Тимофеич.

– А что ты? – удивлённо вскинула брови девица. – Ты остаеёшься.

– Будем, дед, бумагу на тебя составлять за незаконный ввоз контрабанды на территорию нашей страны. Вот так-то, – нагнулся над Тимофеичем мордатый, – дошутился ты, дед, досмеялся, теперь пришло время ответ держать.

– Ребятки, да бросьте вы, ну какой из меня контрабандист, мне уж восьмой десяток идёт! Да заберите вы этот сыр, бог с ним, – совсем испугался Тимофеич, – отпустите меня домой, а?

– Нет, дед, будешь штраф платить как минимум, – продолжал давить на бедного старика таможенник, – и не малый.

– Сколько? – трясущимися руками Тимофеич вытащил из кошелька деньги. – У меня тут сто десять рублей и пять долларов осталось.

– Не, гляньте на него! – состроил возмущённую мину мордатый. – Никак он нам взятку желает предложить? Дед, а ты знаешь, что за это бывает? – разыгрывая справедливое негодование, продолжал спектакль таможенник. – А ну-ка, красавица, составь-ка акт на деда о попытке дачи взятки должностному лицу, – подмигнул он девице.

– Эт мы мигом, – заулыбалась довольная бесплатным представлением работница таможни.

– Вы что, издеваетесь? – стало доходить до Тимофеича. В глазах у него потемнело, словно очередью плеснуло из далекого сорок пятого. – Фашисты вы, подонки!

– Что-о? Оскорблять при исполнении?! – аж подпрыгнул мордатый. – Ну всё, старое чучело, ты мне надоел, – и ткнул увесистым кулаком Тимофеичу в бок.

Старик согнулся пополам, хватая ртом воздух, несколько секунд пробыл в такой позе, опустился на пол и беззвучно заплакал, а ещё через минуту завалился на бок.

– Что с ним? – испуганно кинулась к старику девица и, увидев пену на губах Тимофеича, отпрянула назад. – Падучая!

– Вот чёрт, – прижал деда к полу мордатый, – пошутили мы, дед, пошутили! – Когда же Тимофеич пришёл в себя, виновато стал оправдываться: – Ну, ты сам хорош. Мы на государственной службе, а ты со своими шуточками дебильными. Хорошо ещё на нас попал, была б другая смена, там бы с тобой...

Тимофеич тупо смотрел по сторонам и никак не мог сообразить, что с ним, где он и зачем. Но вот взгляд его наткнулся на злополучный сыр, лежавший на краю стола. Старик неожиданно схватил его и стал быстро откусывать. Через несколько мгновений головка сыра уменьшилась на две трети.

– Это – бабке, – отложил остатки в сторону Тимофеич. – Гостинец. А это вам контрабанда, – похлопал себя по животу и мстительно засмеялся: – Съели?

Юрий ЕГОРОВ

п. Развилка, Московская обл.

Егоров Юрий Николаевич, родился в 1961 г. в г. Баку. Профессор, доктор экономических наук. Победитель международного литературного конкурса «Петроглиф» (2021). Лауреат III литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (номинация «Проза сказочная», 2018). Финалист национальной литературной премии «Писатель года» в номинации «Детская литература» (2017 – 2020). Призёр международного литературного конкурса «Ключи от счастья» (Самара, 2019). Дипломант Московской областной литературной премии имени М. М. Пришвина (номинация «Художественные произведения», 2018, 2019). Публиковался в журналах «Новый мир», «Грани», «Новая литература», «Литерра нова», «Балтика» и др. Автор книги «Кошлинские волшебницы» (2021).

Странные люди

Рассказ

Задумал я в начале лета ремонт на даче: сделать сюрприз ко дню рождения жены. Стал расспрашивать знакомых, не посоветует ли кто хорошую бригаду. Повесил объявление. Скоро мне позвонили.

– Ищите рабочих? Мы готовы помочь.
– Требуется привести в порядок домик, – объяснил я. – Постелить ламинат, отциклевать стены чтобы ровненько получилось, поклеить обои. Сможете?
– Мы всё умеем, – отвечает голос с едва заметным акцентом. – Когда приступать?
– А вы собственно кто? – интересуюсь.
– Мы не местные.
– Гастарбайтеры?
– Я этого слова не понимаю. Но если оно неплохое, то да.
– Таджики?
– Угу... – как-то неуверенно. – Вы останетесь довольны. Сделаем аккуратно и много не запросим.

Уже через пару часов на пороге дачи появились очень странные люди маленького роста. Восемь человек. Одеты прилично, но как-то старомодно. Бородатые, ну точно – таджики. У того, что старший из них, в руках резной посох.

– Вы случайно не из страны коротышек? – невольно пошутил я над гостями. – Как же работать будете?

– Не беспокойтесь, у нас всё получится. Или вы не любите маленьких людей?
– Нет, просто удивлён. Никогда не видел таких ремонтников. Вам, вероятно, понадобится стремянка?

– Мы это сами решим.

Ирикки, как назвался старший, внимательно осмотрел дом и заготовленный материал.

– Почему обои? – удивился он. – Так сейчас не делают.

– Я вообще не модный человек, и жене нравится.

– Ну, да... Можно, пока мы работаем, поживём здесь. Когда по улице идём, все на нас оглядываются. Вон, и ваши соседи сейчас смотрят... – и показал на окно.

– Они просто любопытные. Но я понимаю. Конечно, располагайтесь, как вам удобно. Мы с женой в городе живём. Так что останетесь здесь хозяевами.

– Мы много места не займём, и за порядок не волнуйтесь, – заверил самый смешной из этой необычной компании.

– Это наш малыш, Олави, – представил его Ирикки. – Способный мастер... А где у вас камин?

– Обходимся без него. Сюда наезжаем только летом.

– Как же так? За городом хорошо отмечать Рождество. Без камина никак нельзя, – покачал головой Ирикки. – Мы любим, когда в доме тепло.

– Правильно, вы же таджики, южные люди.

– Тонтту, – поправил Олави.

– Да, таджики. – подтвердил Ирикки и все остальные как-то не очень убедительно закивали головами в знак согласия.

– Мне в общем всё равно: тонтту или таджики. Лишь бы хорошо получилось. Нам ещё надо договориться о стоимости.

– Деньги для нас мало значат. Заплатите сколько захотите. – Ирикки посмотрел на товарищей.

– Просто мы заблудились. Ваппу праздновали, – смешно подмигнул Олави. – Сами не помним, как оказались в вашем городе.

Остальные пришельцы тут же испуганно переглянулись.

– Без работы нам нельзя, пропадём. – Ирикки строго посмотрел на «малыша», показывая недовольство его поведением.

Перед тем как уехать я оставил небольшой задаток. Странные ребята.

Через два дня заглянул на дачу. Хотелось посмотреть: как там дела? Оказалось, что мои работники исчезли. А ремонт сделали что надо. Ничего не скажешь: мастера. И обои поклеили превосходно. Настоящие волшебники своего дела!

Ещё в центре комнаты поставили камин, очень красивый. Непонятно, где взяли материал? В домике теперь тепло.

Жена не поверила в мою историю. Как оказалось, соседи тоже ничего и никого не видели. Не понимаю, как такое возможно?

Лишь поселковая продавщица рассказывала про весёлых маленьких людей, вероятно циркачей, которые невесть откуда взялись и спрашивали у неё какую-то Лаппонию. Рыбу, что ли?

Я потом посмотрел в интернете. Это оказался крепкий финский ликёр.

Александр БАЛТИН

г. Москва

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг. Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Мусские огни».

Валвас и Грипет

Рассказ

Они теперь – на одном кладбище, и хоть надгробной плиты Валентины Васильевны я не видел, думаю она похожа на ту, которая установлена Григорию Петровичу – вполне обеспеченная дочь едва ли бы сделала плохо...

Вот она – рыженькая, тонко-стремительная, узко-деловая – на похоронах матери, в каменном мешке двора морга, разговаривает с похоронным агентом, потом подходит ко мне, спрашивает сигарету, не знал, что курит...

– У меня дешёвые, Лен. Будешь такие?

– Мне всё равно. Хочется просто...

Вспоминается: чахлой росла, болезненной, и Валентина (про себя, конечно, именовал сокращённо) рассказывала: «В магазин, Саш, пошли. Ну, накупили всего, стоим у кассы, и я говорю доченьке: «Гусёнок, ты...». Чувствую, как надувается, как мрачная энергия исходит от неё: «Я не гусёнок!». Извини, говорю, Леночка...»

Представил – раскол молнии – как, вернувшись домой после похорон, деловая и денежная Елена, рыдая, уткнувшись в материн халат, вспоминает... этого маленького гусёнка, ничего не знающего о жизни и деньгах.

Валентина Васильевна заведовала читальным залом в библиотеке вуза, в котором работал я долго-долго, бесконечные тридцать лет, маясь от несчастливой судьбы литературной капли, печатаясь постоянно, ничего от этого не получая...

Валентина лучилась безднами оптимизма: и хороший восторг могло вызвать всё – замечательная книга, умное кино, погожий денёк, вечеринка, которую устраивали сослуживцы...

Она не знала депрессий, хоть и шутила: «Смертельных болезней у меня три. А так по мелочи – много чего наберётся...».

Слышал, как говорит сотруднице, попавшей в узел сложной ситуации: «Запомни, ничего непоправимого, кроме смерти нет».

Я был пессимистом.

А Грипет был мужем Валентины Васильевны, последние годы называла его – папеч...

Домашнее, тёплое...

Смеялась: «Папеч звонит: я тут костей нажарил... Каких, говорю, костей? Да в холодильнике оставались...».

И подхватывал я: «Ага, нажарил костей, наварил воды...».

А то вдруг рассказывает: «Саш, готовлю вчера селёдку под шубой. Разложила всё, собралась, всё подготовила так тщательно, раскладываю слоями, не торопливо, думаю папца с Леночкой порадовать. Всё сделала, майонезом полила, тёртым яйцом посыпала, гляжу – а селёдка рядом на тарелке лежит...».

Серебрился смех.

Долгое время мы сидели в закутке, у окна, как бы внутри стеллажей: старых, железных, советских, прогнувшихся под тяжестью книг – по экономике и финансам, скучных, пустых...

Стол у окна, два стула по бокам, из окна – виден детский сад, и вываливающая детвора не вызывает у меня радости.

«Опять впал в мрачную задумчивость, старичок?» – спрашивает...

Киваю.

Выдача книг у меня закончилась, и, достав листок, записываю стишок.

Она интересовалась моими «перлами»; литературу обожала, читала всё, и, следя за новинками, недоумевала после распада Союза, как можно представлять литературой то, что ею не является.

«Саш, купила, поддалась на рекламу, Сорокина, попробовала читать. Разве это можно читать? Ты пробовал?» – «Конечно. Банальность литературного хулиганства. Пустой имитатор чужих голосов. Дрозд-пересмешник». – «Но... как тянут его! Чуть ли не великим писателем представляют!» – «Да, бывшее подполье вылезло, с криками «Нас не печатали в Союзе! Нам надо воздать». А при ближайшем рассмотрении – правильно делали, что не печатали...»

А Грипет – Григорий Петрович – был её мужем.

Из простых – хотя я не знаю детально его судьбы и не вспомню точно, когда увидел впервые, фон был, конечно, алкогольный; Грипет работал с какой-то техникой, был её наладчиком: я также далёк от неё, как от экономических трактатов, среди которых просидел тридцать лет, и в девяностые Грипет стал зарабатывать хорошо.

Леночку растили.

Надо, чтобы всё у неё было...

Валентина приехала из Екатеринбурга, там оставались – сестра, отец; маму рано потеряла.

Отец был... по партийной части: тугая спелость жизни подразумевалась; равно и то, что, будучи уже в изрядном возрасте, просто не понимал, как строится нынешняя жизнь, на каких нитях держится.

Валентина, приехав в Москву, легко поступила в институт культуры, закончила с медалью, работала в разных библиотеках, пока не осела в этой.

Вуз в конце восьмидесятых, когда я появился здесь, в библиотеке, был захиревшим, но слом Союза, подразумевающий денежный избыток, дал ему возможность подняться, цепляясь за угольно-чёрные выступления всяких рейтингов: ведь учили... деньгам и всем, что с ними связано.

Академия.

Потом университет.

Само начальство не могло определиться с пышностью названия...

Длились дни.

Для меня ничего не менялось.

А у Валентины Ленка подросла, оказалась студенткой этого вуза, чуть не на втором курсе выскочила замуж, но быстро развелась.

Слоятся картинки, иные мерцают янтарно, другие отливают розовато звенящим снегом.

Едем – за рулём Ленка, а едем в дом, где живёт собачка, но хотят отдать её; маленький пудель, тоже не купленный, а взятый – в силу обстоятельств – у кого-то – не вписался в жизнь с тремя кошками.

Едем.

Постновогодняя метель метёт...

Дом оказался тёплым, шумным, несколько беспорядочным, дети, кошки, и толстая, говорливая хозяйка, за массивными ногами которой прячется – маленький золотистый зверёк...

«Кормить его просто: каши гречневой с мясом намешать, и он ест...» – «Ой, – восклицает почти счастливо Валентина. – Я сама кошатница, у меня кошки всю жизнь. Сиамские правда только». – «У нас разные».

Лаврик, слегка таяннувший меня сначала, потом пошёл охотно на руки, и вёз я его, обнимая; и так согревал он нашу жизнь следующие одиннадцать лет: тёплый, мохеровый, большеглазый, славный, забавный.

Кошки Валентины – отдельная статья: таинственные сиамцы...

«Диночка, Саш, очень любила на окне сидеть. Прямо на подоконнике. И – раз гляжу, нет, ужас охватил, представляешь? И тут соседка в дверь звонит: снизу, спрашивает, не ваша ли кошечка мимо моего окна пролетела. Я – бежать на улицу, Динка сидит, где приземлилась, глядит удивлённо. Три раза падала – и ничего».

Над гробом матери Лена сказала: «О кошках своих не беспокойся, ма, себе возьму».

Две последние годы жили, а как звали? Забыл...

Но рассказывала Валентина, как одна стоит у батареи, тянется к окну, а другая с размаху подшибает её резко, и глядит потом победно: «Мол, каково?».

Валентине позвонили: не было мобильных тогда, и, поговорив, телефон в соседней комнате стоял, вернулась, плача: «Папа умер...».

Слова утешения?

Пустота.

Она собиралась тогда, уходила с работы в сердцевине дня...

Я пережил смерть отца в раннем возрасте относительно легко, хоть и был он вселенной, а смерть мамы пережить не могу...

Грипет – по сравнению с Валас – был маленький, очень подвижный, лысоватый, и страстно любивший выпить.

На кухне у них всё было так аккуратно, даже прянично, Валентина накрывала стол, и маслилась, истекая слезой сёмга, и селёдка, спрятанная под шубой, обещала закусочный смак.

«Папеч мой вчера «Восемь с половиной» впервые посмотрел, – говорит Валентина. – Ну и как, Гриш?» – «Заворожён просто, знаешь, Саш. Стыдно, наверно, в моём возрасте не знать...» – обращаясь ко мне, отвечает. Я улыбаюсь, киваю, говорю, слегка опьянев, какие-то слова...

Одна из кошек прыгает мне на колени, мурчит мило.

«А где вторая?» – спрашиваю. «Под диваном сидит. Гостей боится», – разводит руками Грипет.

От них шло тепло – От Валентины и Григория Петровича: классические советские интеллигенты: лучшее, может быть, чем полнилось когдатощнее время.

Потом Грипет заболел: проблемы с сердцем.

Валентина дневала и ночевала в больнице.

Ему делали операцию – коронарное шунтирование уже на уровне названия прокалывает сознание резкой болью; но тогда – всё обошлось, разумеется, об «выпить» уже речь не шла...

Валентина вернулась на работу: осуществлять общее руководство, как говорила, наигранной патетикой представляя шутку.

...меня раздражала эта мелочь службы: мелочь, так издевательски наслаивающаяся на мечты о писательской карьере.

Валентина говорила: «Ничего, Саш, у всех настоящих писателей судьбы при жизни не слишком лакированные...». – «Да, не у всех», – отвечал я, монотонно глядя в окно.

Шутили над смертью.

Валентина много шутила: на разных уровнях.

«Так, – могла сказать. – Я издала царский рескрипт: завтра закрывает зал Анька...»

И Анька шумно протестует – никому не охота выходить в вечернюю смену...

...мы встречаемся с Анькой в метро: и витражи «Новослободской» сияют замечательно, паря красотою.

У меня букет, но Анька почему-то не купила цветы; мы выходим, и бессмысленно говорю о детских своих местах, мельком оглядываясь на огромный, как средневековая крепость дом, некогда набитый коммуналками, где прожил я первые десять лет – с молодыми мамой и папой, где над кроватью моей висела пёстрая карта мира, и мне казалось, что страны должны ночью осыпаться, как пёстрые листья осени.

Там дышало счастье.

Зачем-то рассказываю Аньке, что из морга ближней больницы хоронил отца, потом замолкаю.

Мы идём хоронить Валвас; Грипет умер двумя годами раньше.

...Ольга – весёлая такая сотрудница, дружившая с Валентиной с юности, позвонила полгода назад, сказала: «Саш, у Валентины рак...»

Ошалел.

Такая жизнерадостность и онтология оптимизма исключали, казалось бы, чёрный поворот.

Позвонил Валентине: «Как вы?» – «Ещё жива, старичок. Но не здорова – у меня рак».

Что тут скажешь?

Говорил нечто, вытаскивая слова из груди возможных, и все они были бессмысленны.

Мы идём с Анькой переулками, огибаем огромную звезду Театра Армии; вот и Ольга – с заплаканными глазами, вся скорбно-чёрная.

Мало людей.

Каменный мешок двора: напоминающий тюремный, куда выводят гулять заключённых.

Помните, Валентина Васильевна, как обсуждали любимого Ван Гога?

Мало людей, жара, лето; долгий путь на подмосковное кладбище, где сосны стремительно рвутся в лепную, сияющую синь, где пути между могил узкие, и уже похоронен Грипет.

Портрет на надгробие точно передаёт внешность: так и выглядел...

А в лодку гроба с восковой куклой не хочется смотреть.

На поминки не пошёл.

Дома помянули с мамой моей: никогда не видевшей Валентины, столько слышавшей о ней, купившей мне тот букет, с которым и отправился провожать её...

...надеюсь, что встретила с Грипетом.

Она ушла на пенсию за десять лет до смерти: и счастливо их прожила, изрядно зарабатывающая дочь помогала деньгами, могли путешествовать...

Книги.

Фильмы.

Избыточная радость бытия: таковая и должна быть вектором.

Но – так хочется надеяться на посмертные встречи: не то совсем затянет мёртвая бессмыслица...

Идёт 1986 год: грядущего слома с последующим разносом всего никто не представляет.

И я не вписываюсь в молодёжную компанию, работающую тут: не поступают на дневной, идут на вечерний, год работают, переводятся потом.

Мне тошно и одиноко, сижу я ещё на абонементе, и, скучая на выдаче, читаю Диккенса.

Проходит Валентина, чуть трогает книгу, смотрит, что читаю.

«Надо ж! – удивляется. – Кто же теперь Диккенсом интересуется?»

...ещё не забрала меня к себе в читальный зал, властная и мягкая одновременно, ещё не подружилась с нею...

Миг мелькнул – жизнь прошла: кто так устроил?

Кого благодарить за миг?

...но хочется вообразить мне – сияющий, почти бесконечный, переливающийся многими красками небесный цветок, которого нет на земле: и в ласковой сердцевине его: Грипет и Валвас: сияющие, преображённые смертью, встретившиеся: классические советские интеллигенты, от которых исходило драгоценное тепло, несущее в себе частичку Божественного сияния.

Дарья ФОМИНА

г. Балашиха, Московская обл.

Фомина Дарья Александровна. Родилась 1 ноября 1986 года в городе Ногинск Московской области. Окончила факультет русской филологии Московского государственного областного университета, курсы литературного мастерства в Creative writing school: курс нон-фикшн Е. Ляминой и курс по написанию эмоционального рассказа М. Кучерской. Финалист и дипломант фестиваля-конкурса «Берега дружбы» (2020, 2021), конкурса поэзии «На крыльях грифона» (2020). Вошла в лонг-лист премии Боддинская осень 2021 в номинации «Критика». Публиковалась в журналах «Волшебная скрижаль» и «Звёздочка наша», а также в поэтических сборниках. Член редакционной коллегии журнала «Северо-Муйские огни» (отдел прозы).

Акула

Рассказ

– А почему одних мумий закапывают, а других раскапывают? – спросила Тася. Она пришла с учебником, на котором было крупными буквами написано: «История Древнего мира, 2 класс». Тасины огромные ежевичного цвета зрачки вопросительно смотрели прямо на тётю Дашу. Тётя Даша заканчивала мыть посуду.

– Почему других? Это те же самые мумии, – улыбнулась она.

Тасин рот открылся, потом закрылся, а брови подскочили чуть ли не на лоб. Она явно не ожидала такого поворота.

В этот момент на кухню вбежали Тасин брат Федя и его лучший друг Вовик. Они дёргали тётю Дашу за подол юбки и хором кричали:

– Акула, ак-у-у-у-ла-а-а!

Так они звали тётю Дашу играть. Тётя Даша вытерла тарелку полотенцем, поставила в сушилку, сложила руки так, что они стали похожи на зубастые челюсти, и стала надвигаться на малышей. Мальчишки завизжали и побежали спасаться на корабль. Тётя Даша – за ними.

Кораблём у Федей и Вовы был шкаф. А лестницей на палубу корабля служила деревянная шведская стенка с настоящим канатом, кольцами и тарзанкой.

Федя, как маленькая обезьянка, взлетел по лестнице на шкаф. А Вова залез до середины лестницы и остановился в нерешительности.

– Вовик, залезай, а то акула тебя съест! – кричал Федя. – Скорей!

Акула была уже близко. Она клацала зубами совсем рядом с Вовиной ногой.

У Вовы кружилась голова, дрожали ноги, но он храбро карабкался вверх. Акула кружила около него, её зубы были совсем близко.

– Ну скорее, Вовик! – переживал Федя за друга и тянул его за руку. Через пару секунд Вовик уже сидел на корабле рядом с Федей, свесив ноги, и улыбался. Он радовался, что спасён.

А акула осталась голодной. Она злилась, показывала острые зубы, грозила плавником, пыталась ухватить мальчиков за ноги.

– Вовик, убери ноги, а то откусит тебе пятки, – переживал Федя.

Вова боязливо поджал под себя ноги.

– Вот теперь точно не достанет, – успокоил его Федя.

Чтобы прогнать акулу, Федя кинул в нее плюшевого медведя – и попал акуле в правый бок. Акула ойкнула и уплыла в сторону кухни – залечивать раны. Её долго не было. Мальчишки заскучали.

Внезапно Федя почуял вкуснейший запах на свете – аромат жареного попкорна. Никто на свете не любил попкорн так, как Федя. Он представил себе пакет с горячими белыми облачками лопнувшей кукурузы, и у него сами собой потекли слюнки.

– Кушать хочется, – сказал Федя и вздохнул. – Жаль, что мы плавём на корабле.

В комнату вошла Тася с огромной миской, в которую с горкой был насыпан попкорн.

– Яндекс-доставка, – сказала она, забралась по шведской стенке на несколько ступенек и отдала лакомство в руки голодных мальчиков.

– Попкорн! Наш любимый корм! – закричал Федя, и они с Вовой принялись запихивать попкорн обеими руками в рот.

Когда мальчишки наелись и подняли головы от миски, Тася уже ушла – наверное, дальше делать уроки.

– Скучно без акулы, да? – вздохнул Федя.

– А давай кидать ей в море попкорн? – предложил Вова. – И она опять приплывёт.

Феде идея понравилась, и мальчишки принялись по очереди кидать со шкафа попкорнинки.

Вскоре и правда – появилась акула. Она помахала мальчишкам плавником, пособирала попкорн в ладошку, потом куда-то уплыла. А затем вернулась – с венником и совком.

– Я акула, тулулулулу, я акула ту-лулу-лулу, – пела акула и пыталась дотянуться до малышей венником. Малыши визжали и жались к стене.

Акула сгребала попкорн венником и сметала на совок.

– Вовка, слезай, пора домой, – послышался голос из коридора. Это мама Вовика пришла его забирать.

– Не хочу, – закапризничал Вова и задрогал ногами.

– Поиграли – и хватит, – строго сказала Вовина мама и решительно сняла с вешалки Вовину куртку.

– Федя, почему весь пол усыпан попкорном? Иди сюда, помоги мне подмести, – попросила тётя Даша.

– Это мы акулу кормили, – объяснил Федя. Он ловко спустился по лесенке, взял из тётиных рук веник и стал играть на нём как на балалайке.
– Вова, и ты слезай, – позвала тётя Даша.
– Я боюсь, – захныкал Вова.
– Не бойся, Вовик, смотри как надо, – Федя бросил веник и снова забрался на шкаф. – Ставишь ножку сюда...
– Я боюсь, – губы Вовы искривились, задрожали – вот-вот заплачет.
– Вова, я тебя ловлю, ничего не бойся, – уговаривала Вову тётя Даша.
– Боюсь... – Вова всё так же сидел на шкафу и дрожал.
– Я придумала, – сказала тётя Даша. Она достала из кладовки лестницу-стремянку и приставила её к шкафу: – Слезай по ней.
– Я боюсь, – всхлипывал Вова и не двигался с места.
Федя забрался по стремянке на самый верх и потянул Вову за руку.
Вова мотал головой и кричал:
– Боюсь, боюсь...
– Да чего ты боишься? – вмешалась Вовина мама.
– Я боюсь, – объяснил Вова, размазывая по щекам слёзы. – Там же акула.
Тётя Даша засмеялась и отправила в рот остатки еды из миски. А Федя серьёзно сказал:
– Акула тебя не съест! Она уже наелась попкорна.

Олег РОМЕНКО

г. Белгород

Роменко Олег Сергеевич. Родился в Белгороде. Публиковался в журналах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Север», «Южная звезда», «День и ночь», «Ротонда», «Земляки», «Звонница» и других. Лауреат ряда региональных литературных конкурсов. Автор книги стихов «Водны времён».

Рождественская история

(сказка для взрослых, и не только)

Однажды вечером в метельную стужу серенькая пушистая кошечка пробиралась через двор по нехоженому снегу. Огромные сосульки, похожие на бивни мамонтов, угрожающе свисали с крыш домов. Кошечка осторожно переставляла лапки и выгибала вверх спинку, чтобы не касаться морозящего снежного пуха животиком. Она убежала от злых и сварливых хозяев, которые часто её обижали. Кошечке было холодно, и она страдала, не зная куда же ей теперь идти.

Она роняла слёзы, которые, падая на снег, превращались в алмазы. Они сверкали и переливались за её спиной как Млечный Путь. Но кошечка брела не оглядываясь, и ей было очень грустно. Неожиданно она наткнулась озябшей лапкой на какой-то твёрдый комочек в снегу, похожий на ледышку. Разгребла передними лапками колючий снег под собой и обнаружила замёрзшую маленькую серую мышку с плотно сомкнутыми глазками и скорбно сжатым ротиком.

И кошечка почувствовала, как её сердечко учащённо забилось, а глазки зажглись отвагой и решимостью спасти несчастную мышку. Она бережно, как котёночка, перенесла её в деревянную избушку на детской площадке и принялась усердно растирать мышку розовым, тёплым, шершавым язычком. А потом, обняв её лапками и прижавшись носиком к носу, обдала оттаявший трепетный комочек своим разгорячённым дыханием. Мышка удивлённо открыла голубые небесные глазки и благодарно лизнула в носик свою спасительницу, а та нежно поцеловала пушистые мышкыны реснички и ласково поиграла коготком с маленьким вихорком на макушке у бархатной малютки.

Прижавшись друг к другу щеками и укрывшись пушистым кошечкиным хвостом, они сладко уснули. А через миг проснулись под бой кремлёвских курантов по телевизору. В большой натопленной комнате под яркой пятиламповой бронзовой люстрой они сидели за праздничным столом. Она была в длинном шерстяном сером платье с бриллиантовым кулоном на груди, а он в сером свитере и синих джинсах, с непослушным вихорком на макушке. Он нежно гладил её по щеке длинными музыкальными пальцами и любовался золотым блеском и янтарными переливами её прекрасных глаз. А она, тихонько напевая, счастливо улыбалась ему в ответ.

В центре стола стояли зажжённые красные винтажные свечи в хрустальных подсвечниках, а между ними сверкала блёстками маленькая ёлочка на деревянной подставке. Вокруг искрились намазанные маслом бутерброды с красной икрой, зеленели порезанные кусочками киви, блестели политые мёдом грецкие орехи, мерцали бутылка шампанского и графин с гранатовым соком. Из гущи стола раздавалось лягушачье кваканье смартфона, оповещающего о приходящих сообщениях, а по телевизору кто-то рассказывал про неслыханные успехи и достижения в уходе за кожей.

Но они ничего этого не видели и не слышали, неотрывно глядя друг другу в глаза. Они чувствовали и знали, что любовь – это главный и вечный праздник, и что такое чудо происходит только с теми, кто достоин его.

Сергей КИРИЛЛОВ

г. Советск, Калининградская обл.

Автор нескольких сборников рассказов, многоотного повествования «Уйдома» – о судьбе русской деревни 20-го века (за 18 лет работы вышло 4 книги, первую из которых в режиме «продолжение следует» с января 2012 года публиковал журнал «Двина», Архангельск). Лауреат и победитель ряда российских и зарубежных литературных конкурсов.

Снег да снег кругом...

Отрывок из повествования «Уйдома»

Первая военная зима Ерошки прошла, в общем-то, тихо. По-военному, если говоря тихо. После перевода в лыжную бригаду, куда он был направлен как кадровый пулемётчик, какое-то время Ерошка пулемётчиком этим самым не был. То ли пулемётов не хватало, то ли ещё была какая-то причина, но сделался он обыкновенным патрульным лыжником, в задачу которого входило обходить по лыжне участок обороны, занимаемый бригадой, и следить за тем, чтобы лыжня эта нигде не была бы пересечена чьей-нибудь лыжнёй чужой. Дело всё в том, что на участке фронта, куда попал Власов, немцев не оказалось ни одного. То ли их в Германии не хватило, чтобы закрыть всю линию соприкосновения с противником, то ли под Москву большинство пошло, но, так или иначе, противостояли бригаде, в которую попал Ерошка, одни финны. А финны – это совсем другое дело. Вышли они на линию старой госграницы, а дальше – стоп! Нам, дескать, чужого не надо.

Началась зима, выпал снег, и обе противоборствующие стороны проложили, не сговариваясь, две патрульных лыжни – каждая свою. Наша обозначала, вроде бы, передний край нашей обороны, финская, немного отступив, очерчивала границу интересов противника. И по негласной договорённости ни одна из сторон линии эти не переступала. Как говорится: «Не буди лихо, пока оно тихо!». Вот и не лезли, да не будили. Но каждая сторона линию свою непрерывно контролировала. И лыжным патрулированием, и секретными. Вот в такой-то секрет, выдвинутый, однако же, поближе к финской лыжне, Ерошка однажды и попал.

Устроился, замаскировался – близко стоять будешь, и то не увидишь. И случилось там с ним происшествие удивительное, всю жизнь его, можно сказать, перевернувшее. Ну, если и не всю жизнь, то представление о войне уж точно!

...После долгого неподвижного лежания, когда уж и руки, и ноги затекли – да и подзамёрзли же! – когда и до смены оставалось уж недолго, выкатился вдруг по финской лыжне из-за пригорышка один финн. И прямо на Ерошку! Ну, не совсем чтобы уж прямо на него наехал или наступил, но точно напротив него выкатился. Шагах в двадцати остановился – и стоит! То ли чего-то неладное заподозрил, то ли просто прислушаться да приглядеться решил, но встал – и ни звука! И ни шевеления. Только головой крутит потихонечку вокруг – и всё!

И был он от Власова до того близко, до того отчётливо виден, что пулю ему мог положить Ерошка хоть в левый глаз, хоть в правое ухо, а хоть и вообще в любую из ноздрей! С его-то снайперскими способностями, проявленными даже в пулемётной стрельбе, Власову это не стоило ровным счётом ничего. Бах – и всё! А то ишь – вытарачился на нашу сторону. Небось, задумывает чего пакостное, вражина.

И как только такие мысли в голову Ерошкину пришли, тут же, вслед за ними, словно перечёркивая их ужасный смысл, сознание заполнила без остатка всего одна, простая и ясная: «А за что стрелять-то?». Смотрит Власов на своего противника, разглядывает даже что и как в нём устроено и в толк взять не может: «А за что в него стрелять-то?». Такой же самый мужик, коих полно было до войны в Уйдоме. Никаких намерений зловредных не выказывает, стоит, себе, на лыжах, вроде как бы на прогулку выйдя, даже автомат «наизготовку» не держит – за что стрелять-то? Ведь же чистое смертоубийство это будет, если выстрелить! Ибо грехом это смертным от веку считалось – вред причинить тому, кто тебе такого вреда не принёс! «А какой вред этот финн нам принёс? – мелькнуло в голове у Ерошки. – Вон, даже за лыжню свою ни шагу в нашу сторону не переступил!» И пропало у Ерошки всякое желание в своего противника стрелять.

И разошлись бы они там, поди-кось, миром каждый по своей дороге – русский солдат и солдат финский – но не ко времени совсем уж занемела правая нога, и Ерошка, сам того в этот момент не желая, ногой этой да и шевельнул! Всего-то. Чего бы, казалось – ногой пошевелил? Но извлёкся от этого шевеления какой-то звук – может скрип хрустящего снега – и произошло на глазах у Власова событие невероятное. Финн, стоящий перед ним, звук этот неуловимый каким-то образом уловил-таки и, хоть не заметил он вокруг себя ничего подозрительного, но понял: это смерть его голос подаёт! В то, что случилось дальше, Ерошка долго потом не мог поверить. Этот финн, всего лишь в двух десятках шагов от него стоящий, неуклюжий с виду из-за масхалата, вдруг в мгновение ока подпрыгнул, опираясь на палки, над лыжнёй на лыжах своих так, как подпрыгивают петухи с места, друг на друга в драку бросаясь! На неправдоподобную, как показалось Ерошке, высоту подпрыгнул и в прыжке этом мгновенно развернулся вместе с лыжами в обратную сторону! Власов и опомниться не успел, как спыхал снег под лыжами и палками противника, а сам он в мгновение ока исчез за пригорышком, из-за которого до этого выкатился. Будто его тут и не было никогда! Но он-то был. И как только Власов, сам себе не отдавая отчёта в своих действиях, произвольно приподнял голову, желая, видимо, удостовериться в том, куда финн подевался, по голове этой самой из-за деревьев и камней полосонула длинная-предлинная автоматная очередь...

...О времени, которое провёл в беспамятстве, Ерошка ничего не знал. Как не знал и того, что его, потерявшего сознание, лежавшего ничком с уткнувшейся в снег окровавленной головой, почти тут же окружили несколько человек в масхалатах и очень быстро оттащили за лыжню. За финскую лыжню. Не знал и того, что на звук стрельбы примчались его товарищи из бригады, но, обнаружив, что Власова на месте нет, шума поднимать не стали, сочтя за благо лишь доложить о происшествии вышестоящему командованию. Зачем, дескать, зря шуметь? Человека всё равно уж нет, помочь ему нельзя, «Не буди лихо, пока оно тихо!». И Ерошка оказался в руках финских лыжников.

Но то, что он фактически в плену, Власов не понял даже после того, как пришёл в себя. А произошло это довольно скоро, ибо пуля автоматная, в голову ему попавшая, скорее исполнила роль кола, на голову Ерошке опущенного за то, что он нарушил негласный договор между противниками и сошёл со своей лыжни в сторону финской, устроив там ещё и секрет. Дескать, не моги! Мы-то к вам не лезем, вот и вы не лезьте. Конечно, вряд ли стрелявший такое намерение имел – как колом Ерошку пулей оглушить – но, видать, рука Божья так-то пулю эту автоматную направила, чтобы она как можно меньше человеку вреда бы причинила. Ибо человек этот, от пули пострадавший, только что перед этим чисто по-христиански поступил и смертоубийства супротивника не допустил. Хотя и мог бы! Но не допустил.

Крови от этого касательного ранения, пробуровившего кожу на Ерошкиной голове, вытекло, однако же, немало, и потому лицо Власова было залито ею сплошь. К моменту же, когда он пришёл в себя, как раз один из финнов лицо это от крови снегом и оттирал. А голова власовская уже была в бинтах, кровь от лёгкой раны из неё уже не текла. И Ерошка заново начал вступать в жизнь.

Первое, что он заметил – финнов было четверо. Все они были в масхалатах, как и он сам, все с автоматами и все на лыжах. Все молча смотрели на него, и лишь один, стоя на коленях, вытирал лицо Власова от снега. Тот самый финн, которого до этого Ерошка видел на финской лыжне, когда лежал в секрете, – лицо этого финна он запомнил на всю жизнь во всех деталях. Да и как было не запомнить, если он самолично судьбу его определял, жить или не жить ему дальше – только что решал! Стоящие, очевидно, уже знали после перевязки раны, что русский не просто жив, но и жизни его не угрожает никакая опасность. Не угрожает, ибо пуля скользнула по его голове, как камушек-блинчик по водной глади, пущенный сильной рукой. Никто из них не произносил ни слова; все молча наблюдали как их товарищ оттирает лицо чужого солдата от крови и как от этого оттирания солдат русский постепенно приходит в себя.

Наконец всё закончилось. Лицо Власова было полностью очищено от кровавых подтёков, и сам он окончательно ожил. Стоящий на коленях финн что-то коротко сказал своим, трое его товарищей мгновенно обступили Ерошку с боков и осторожно поставили на ноги. К удивлению самого Власова, он на ногах стоял! Голова кружилась и гудела, в ногах чувствовалась слабина, но тело они держали. Действительно, как будто колом по голове прошёлся кто-то в жаркой деревенской драке, а так ничего. Соображение было вполне сносным.

«Хоти томой!» – с нажимом на «т», прозвучавшим вместо привычного русскому уху «д», проговорил финн, который, судя по всему, был среди четвёрки финских лыжников главным.

Ерошка посмотрел внимательно на его лицо, проверяя, не ошибся ли он в понимании смысла сказанного. Лицо финна было серьёзным, но злобой никакой от него не веяло.

«Твой том там! – снова упирая на «т», проговорил финн и указал рукой в сторону красноармейской лыжни. – Сдес мой том. Суоми! Понимал?»

Ерошка понял. Хоть и был звук родной ему речи коверканным, но так убедительно и понятно было содержание прозвучавших фраз, что не понять их было невозможно. А ещё Ерошка понял, что он зашёл в дом, в который его никто не звал. Зашёл без спроса, без разрешения, зашёл как варнак-проходимец, коих не бардовали никогда в его родной деревне. Зашёл, нарушив неписанное деревенское правило: если ворота соседского дома приставлены метлой или, тем паче, в кольцо дверное воткнута палка, значит хода туда нет! А какая метла тут? Где снег да снег кругом... Среди занесённых сугробами камней и деревьев... А такая метла – лыжня! Вернее, две лыжни: одна красноармейская, другая – финская. И их никто не нарушал, потому что это тоже такая же палка в дверях, хоть и другого вида. И без спроса не ступи! А Ерошка ступил. Пусть не на много, пусть для секрета, но ведь ступил же! И за это получил. И вот теперь его выпроваживают восвояси. Как незваного гостя. По-доброму, в общем-то, выпроваживают, по-человечески. «Сдес мой том! Суоми!» – опять промелькнуло в мозгу, и Ерошка понял – согрешил! И за то наказан «колом по башке». Жаловаться не на кого – сам виноват, хоть и не по своей воле шёл! Ещё несколько мгновений прошло, прежде чем Власов всё это усвоил, и снова финн что-то коротко сказал своим. В ответ на его слова-команду один из стоящих проворно снял лыжи с ног, и командир протянул их Ерошке.

«Восьми! – коротко сопроводил он своё действие. – Сдес близко...»

И Власов снова его понял. Понял, что они недалеко от патрульной лыжни, а значит, и от расположения его бригады. И, главное, он понял, что его отпускают. Прощают ему его грех, непрощенный визит, ибо большего – кого-то убить – Ерошка не совершил. И даже дают ему лыжи, чтобы он легче и быстрее дошёл до своих. Ещё что-то коротко проговорил командир по-фински, и один из его товарищей подошёл сбоку к Власову, осторожно взяв его под руку. И снова Ерошка всё понял: его проводят. Именно проводят, а не выпроводят, как можно было бы ожидать. Проводят потому, что он всё-таки ранен, хоть и стоит на своих ногах. Проводят как ЧЕЛОВЕКА, потому что он вёл себя не как враг, а именно как человек, хотя и заблудший. И тогда Ерошка понял самое главное: Финляндия – не противник! Финские солдаты – не враги-захватчики, коими шагнули на землю его Родины немцы! Финны просто обороняют своё. Свой дом. Им не нужна чужая земля – им хватает и

своей. Им нужен только покой и чтобы этот покой никто никогда не нарушал. И ещё: они добрые соседи, если в их дом приходят с добром. Даже если не позвали, но у тебя беда, и ты вынужден из-за этой беды к ним прийти. Тут тебе помогут. Как и в родной Уйдоме. Как немедленно помогли и ему, получившему рану.

«Спасибо!» – уложив всё это в сознание, проговорил Власов.

И взгляд финна опять потеплел. Лицо его снова посветлело и перестало быть строгим. Единственное, что ещё невозможно оставалось сделать – поручаться на прощание. Ибо всё-таки война оставалась. И это Власов тоже понял. Понял и принял как плату за непрошенное его вторжение в дом соседей, которое хозяева ни забыть, ни простить за просто так не могут. Понял и пошёл домой...

...А потом прошло много лет... Десять... тридцать... и даже пятьдесят! За все эти годы после Победы много переживший и повидавший в мирной жизни Ерошка, не раз, бывало, вспоминал в мужицкой подвыпившей компании, когда разговор – пусть и редко – заходил о войне, историю своего возвращения в строй. Вернее, про вывод, сделанный врачом в санчасти, куда он попал, добравшись в расположение своей лыжной бригады. А вывод этот был прост: «Повезло тебе, парень! На пять бы миллиметров голова твоя повыше, или бы на столько же пониже пуля пролетела – ну, и остался бы ты в том снегу лежать навечно! А так живи и радуйся!». Ну, и ещё, конечно, про финна вспоминал, «из-за пригорышка выкатившегося». Про его «левый глаз и правое ухо», в которые он – красноармеец Ерофей Власов – мог положить свою пулю, рассказывал. Про то, как «...спыхал снег» под лыжами финна, и тот мгновенно скрылся из глаз! А уж больше всё! Ни словечушка про свой мимолётный плен, на оный не похожий, ни буковки про фактическое его возвращение к жизни, которое обеспечили ему финны – его тогдашние, вроде бы, противники – ни о чём больше. Носил, как самое святое, в сокровенной глубине души своей и никому ни слова о пережитом. И лишь в день пятидесятилетия Победы, уж доламывая девятый десяток прожитых годочков, поведал он о том, что с ним тогда произошло. Сыну своему взрослому поведал, чуя близость роковой жизненной черты. Как самую большую семейную тайну открыл.

И когда, потрясённый услышанным, сын его о причинах столь долгого молчания спросил, то ответ отца был мгновенным: «Да кто жо в эдако поверит?! На смех ведь подымут, коли рассказать! Война была ведь, дескать! А вот поди ж ты... Я потому и рассказал тебе топерича, чтобы ты знал: война – не драка, хоть и на ие похожа! Там у тебя оружие в руках, а не голы кулаки! И применять его надо с головой! Ползут коли без удержи да с яростью – лупи их, не жалесь, чтоб не ползли без спросу! Потому што это враги твои! В твой дом ползут и смерть несут! А ежели вот так, как у меня с тем финном было, али уж у их со мной, то грех бы это был великий по-другому сделать! Я, слава тебе Господи, не согрешил, вот и они в ответ, выходит, тожо! Вот и прожил я почти што девяносто уж годов и всю войну прошёл, пока союзников на Одере не обнял в 45-м, хоть и помечен был три раза!..».

Помолчал малость да и добавил: «Вот кабы люди все вот эдак жо во всех делах разумны были да и совестливы, не было бы столько войн на свете белом! И жилося бы всем людям лучше!».

Больше Ерошка к этой теме никогда не возвращался.

P.S. Историю эту пережил мой отец – кадровый пулемётчик Красной Армии Кириллов Яков Васильевич, прошедший всю войну от сентября 41-го, когда был снят «с брони», до встречи на Одере с союзниками в апреле 45-го. В памяти она вся – до мелочей.

Сергей МАЛАШКО

г. Магадан

Редактор литературного отдела «Рыбохотобзор» журнала «Северо-Муйские огни». Автор 5 книг прозы.

Удостоен почётного звания и нагрудного знака «Серебряное перо Руси» в рамках национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2013) и специального диплома Александра Бухарова в номинации «Популяризация русского языка в рамках международных проектов», медали «М. Ю. Лермонтов» (2014), специального диплома Александра Бухарова и медали «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» (2015). Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси» (2022).

«Век живи – век учись»

Рассказ

Посвящается Любе, медсестре санатория «Зелёное Море» в городе Аньшань.

22 ноября 2023 года. Лежу под второй за день капельницей в санатории «Зелёное Море» в китайском городе Аньшань под бдительным наблюдением двух милостивых сотрудниц учреждения. При всём прочем в процедурном кабинете из пациентов я один. Обе маленькие, стройненькие, улыбчивые, приветливые, предупредительные. Об этом определённно можно уже говорить после третьего дня пребывания здесь с целью оздоровительного изнасилования изрядно поизносившегося организма.

Время течёт медленно, когда по капле в тебя пытаются влить здоровье с жидкостью желтоватого цвета. Один час перетерпел, мучительно тёр второй.

За час, когда капала первая капельница, сестрички по очереди подходили ко мне, проверяли положение иголки в вене, пытались укрыть одеялом и даже угостили печенькой. Дважды заходила старшая сестра, проверяя работу девочек.

Было ужасно скучно, и я решил жестами подозвать к себе одну из них, пытаюсь довести до неё свое желание пообщаться с ней при помощи звукового переводчика в смартфоне. Одна из них подошла с милой улыбкой и протянула настроенный для современной межнациональной беседы смартфон.

– Подскажите, милая девушка, вы ещё учитесь или находитесь на практике? – проговорил я в микрофон.

Тут же раздалась китайская речь. На миловидном личике девушки ненадолго появилось искреннее удивление.

Она что-то проговорила в микрофон, и удивление сменилось на гордость, при всём прочем у неё получалось ещё улыбаться и протягивать мне телефон.

«Я окончила колледж и уже работаю год», – прочёл я на дисплее.

Я показал большой палец и попросил ещё раз телефон. Она с неподдельным интересом подала его мне.

– Вы планируете учиться дальше и стать доктором? – проговорил я.

Вновь зазвучал перевод на китайский, и девушка с улыбкой вернула мне телефон.

Я прочёл краткий и убойный ответ. Двадцатидвухлетняя медсестричка из санатория «Зелёное Море» ответила на мой вопрос всего четырьмя словами: «Век живи – век учись!».

Моё шестидесятилетнее сознание впало в ступор, программа явно дала сбой. Упасть от удивления я не мог, потому что уже лежал на мягкой кушетке с мягким матрасом, покрытом белоснежными простынями с иглой в вене, через которую в меня пытались влить здоровье.

Придя в себя после осознания масштабности этого ответа, пришло однозначное понимание, что у страны, чьей достойнейшей дочерью и гражданкой является эта сестричка, есть великое будущее. И никто, никогда и никак уже не смогут результативно этому воспрепятствовать. Они все вместе это заслужили и выстрадали. И основу этой уверенности составляют такие медсестрички. Ведь без таких людей всякая идея обречена на провал.

Евгений АСТАШКИН

г. Омск

Член Союза российских писателей. Автор ряда книг стихов и прозы. Лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. Лескова, седьмого международного литературного конкурса «Они сражались за родину». Член Петровской академии наук и искусств.

Мы и Рыжий

Рассказ

Рыжий за восемь лет стал для нас поистине членом семьи. Он научился понимать нас с одного взгляда. Когда встал вопрос нашего с матерью переезда из «ближнего зарубежья» в Россию, нас больше всего волновало то, как мы будем перевозить Рыжего. Конечно, всеми нужными санитарными справками мы запаслись, но про таможи ходили зловещие слухи. Кто-то в автофургоне перевозил вместе с вещами и курочек. На казахстанской таможе сказали, что живность везти не положено. Все уговоры оказались напрасными: таможенники вытряхнули клетки с курочками прямо в чистом поле.

Мы ещё не знали, как будем переправлять вещи. На контейнерной станции была годовая очередь на пятитонники. Думали, придётся нанять машину. Если таможенники не пропустят моего кота, я пойду пешком в Россию, но его не брошу.

В самом деле, мы незаметно для самих себя сделали из нашего Рыжего настоящего аристократа. Правда, первые три года мне некогда было им заниматься – в частном секторе всегда дел невпроворот. Кот исправно душил в нашем курятнике крыс – их в годы развала Союза расплодилось видимо-невидимо. Съесть их всех Рыжий не был в состоянии. Набьёт утробу, аж пузо едва не волочится по земле, а ещё во дворе лежит пара нетронутых крыс – на завтрашний день.

Помню, сестра Елена приехала в гости из Москвы и сказала: «Вы совсем запустили кота. В ушах черно, там уже клещи завелись. Надо его регулярно купать...».

Она знала в этом толк – работала в ветлечебнице. С собой у неё были препараты, и она ваткой, накрученной на пинцет, терпеливо вычистила уши Рыжему, а потом закапала в раковины препарат.

На следующий день мы искупали кота в бане. Поначалу он выгибался дугой, цепляясь за стенки таза. Не понимал, что это такое мы удумали с ним сделать, может, хотим утопить! Я приблизил к коту своё лицо, чтобы он не боялся; он дико тарачил глаза, брызгался, выл дурниной и даже вцепился когтями мне в шею.

Мы оставили кота высыхать на втором этаже баньки, где была моя крохотная летняя комнатка. В течение суток кот так и не появлялся в доме. Обычно он несколько раз за день заходил в дом попить молочка или просто так, а тут словно куда-то исчез. Я заглянул на второй этаж и увидел, что кот лежит на моей постели в том самом месте, где я его и оставил. Думая, что он заболел от переживаний, я позвал его. Он поднял голову, но не побежал на зов, а снова задремал. Два дня кот проспал на койке – так ему было хорошо после купания!..

С тех пор мы его брали с собой в баню, и он постепенно перестал бояться воды. На его холке

по совету сестры выдавливали тубик с германским препаратом – и кот года на три забывал про вездесущих блох.

Однажды я заметил, что Рыжий стал каким-то флегматичным – не ластится к нам, как обычно. Я взял его за лапы и хотел поднять до потолка, но он болезненно запищал. И тут я увидел, что у него сбоку шеи вырван целый клочок кожи, даже виднеются жилы. Видно, угодил в челюсти чужого пса – наш его не трогал. Я промыл зияющую рану марганцовкой и забинтовал. Рыжий постоянно пытался сорвать повязку, расчёсывал больное место. Вскоре под шеей у него образовался целый флюс, гной капал на пол. Я не выпускал кота на улицу, уже катилась осень, и он мог застудить свою болячку. Для удобства кота мы отодвинули в зале половицу, чтобы он мог ходить под пол.

Я утешал себя тем, что на животных всё быстро заживает, недаром же существует соответствующая поговорка. Но дело не шло на поправку. К счастью, в гости снова приехала Елена. Она привезла с собой облепиховое масло, которого не было в наших захудалых аптеках. Мы прямо из флакона полили маслом на открытую рану, которая не хотела затягиваться. Кот юркнул в подпол и не выбирался оттуда. Видно, у него был жар.

Два дня я звал его, но он не откликался. Тогда я лёг на пол и заглянул в подпол: вдали у самой стены зеленели в темноте глаза Рыжего. Наверное, он уже приготовился умирать. Когда коты чувствуют, что жизненные силы покидают их, они забираются в укромное место.

Надо было что-то делать. Я уж было хотел взять с собой кипу газет и поползти в тесном подполе к коту, подстилая под собой газеты, чтобы не измазаться в насыпанной там золе. Но тут к лазу подошла сестра и позвала кота. То ли он услышал другой голос, то ли проникся нашей настойчивостью, но он подошёл к щели и мяукнул. Мы его вытащили на свет, он был весь холодный. Положили его возле духовки, я выдавил гной на шею и снова полил рану облепиховым маслом. На всякий случай мы закрыли лаз в подпол.

Кожа на шее у кота стала с каждым днём сжиматься, закрывая ужасные жилы. Скоро рана стала с копейку, а потом и вовсе затянулась, снова заросла шерстью.

И в третий раз нас выручила Елена. Пока мы ждали контейнер, она приехала из Москвы, чтобы забрать Рыжего к себе. В поездке его легче было перевезти, спрятав в сумке. Когда на станции возле Тобола стали ходить по вагонам казахстанские таможенники, сестра на всякий случай прикрыла сумку с котом подушкой. Таможенник бегло осмотрел в купе поклажу пассажиров и, едва вышел в коридор, как Рыжий неожиданно взвыл. Сестра ткнула кулаком по подушке, чтобы он замолчал. Таможенник снова заглянул в ещё не закрытую им дверь, но ничего не понял. Наверное, подумал, что показалось: в коридоре гомонили пассажиры. Так и переселили нашего кота в Россию.

Первое время Елена держала Рыжего на работе – там была пустующая комната. Мы дождались контейнера и переправили свои вещи, а сами с матерью остались продавать дом – нашёлся покупатель. На новом месте кот впал в депрессию. Ничего не ел, исхудал, сестра не могла растормошить его. Когда прибыли вещи, Елена перевезла их на время в ту же комнату на работе. Тут Рыжий и оживился. Он стал обнюхивать вещи, бегать вокруг них, видимо, почувствовал родной запах. Он даже спал на них. У него, наконец, появился аппетит.

А там приехали и мы...

Олег БУЛЫЧЕВ

г. Никольское, Ленинградская обл.

Булычев Олег Анатольевич. Родился 31 марта 1968 г. Проходил воинскую службу в ВС СССР и РФ.

Член Союза журналистов Таджикистана, международной конфедерации журналистских организаций, Союза писателей Санкт-Петербурга. Автор книг «Экипаж взлетаем», «Будни бывшего капитана», «Негр в лодке», «Остаться на высоте». Удостоен диплома международной конфедерации журналистов «За заслуги в журналистике» (2015). Награждён знаком «Заслуженный деятель культуры Республики Таджикистан». Дипломант премии им. Н. В. Гоголя (2023). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Людоед Федя

Рассказ

День начался с забавного приключения. На выходе с рынка у меня сдёрнули с макушки солнцезащитные очки. Худосочный негр, совершивший это злодеяние, стартанул с ускорением гепарда, сразу укрепив в мысли, что попытка догнать его будет верхом самонадеянности.

Камерунцы издавна считаются самыми быстрыми людьми на планете, поэтому желание сломать воришке нос я в себе подавил, как невозможное в реализации.

Я сделал всё что мог в этой ситуации: то есть, крикнул в сторону убежавшего *слова недовольства*. То ли мой обидчик оказался полиглотом, то ли слова, которые у меня вырвались прямо из глубины души, были известны даже на «чёрном» континенте, не знаю, но тот мгновенно тормознул, обернулся, глянул на меня, передал очки стоявшему рядом продавцу *пацифлеров*, и, что-то буркнув, указывая в мою сторону, скрылся.

Продавец, возвращая очки, на миксе французского и сахэ, пояснил, – парень принял меня за американца, а если б знал, что русский, то никогда бы так не поступил, он извиняется, и прочее.

Одним словом, водрузив на макушку возвращенный Polaroid, я, довольный, продолжил движение в сторону служебного автобуса, подумав по пути, что в этой африканской стране лучше быть русским, чем американцем. Потом, правда, поправил себя: «Русским быть лучше везде. Хоть в Африке, хоть на Марсе».

Когда я устроился на сиденье, водитель озвучил общий вопрос: «Все?» – И, услышав гул подтверждения, тронул автобус аккуратно вырвав между продавцами. Выбравшись на проспект, он направился в сторону аэродрома, унося в своём кондиционированном салоне весь наш разномастный коллектив.

Дорога на аэродром давала возможность лишней раз рассмотреть экзотическую десятикилометровую ежедневную ярмарку.

Помню, в первой поездке по этому маршруту меня поразили горы мусора, которые никто не убирал. Как объяснил переводчик, эти горы не становятся Эверестом, потому что ежемесячные ураганы уносят часть в джунгли, и мусор этот я смогу наблюдать даже за сотни километров от столицы. По этой причине, профессия дворника в этой африканской столице наименее востребована.

Хохот в салоне автобуса отвлёк от созерцания товаров и продавцов. Оказывается, Виталик, наш переводчик с французского, рассказывал про очередную затею ООНовцев, которые всегда поражали своей дикостью и космической суммой финансирования этой дикости.

На этот раз проект подразумевал устройство на реке Конго зон безопасной стирки белья. То есть, в нескольких метрах от берега в дно вбивали сваи и территорию отгораживали стальной сетью, что делало невозможным контакт крокодилов со стирающей белье прачкой. Маразм этого многомиллионного проекта был в том, что никогда крокодилы не нападали на прачек, по причине отсутствия самих крокодилов в этой части реки. Те отчёты, которые сплошным потоком шли в программный отдел ООН, с указанием деревень и даже фамилий жертв крокодильего произвола, были от начала и до конца фантазией ООН-овцев.

Африканцы, привлекаемые на эти работы, относились совершенно без эмоций к очередному чудачеству белых людей. Естественно, что эту затею, как, впрочем, и все предыдущие, местные жители никак не увязывали с заботой о них самих.

В этой ситуации ни у кого даже не возникало мысли понять суть идеи в белых головах благодетелей. Понять непостижимое могли только шаманы. Но они хранили это понимание очень глубоко в недрах своего исключительного сознания, защищаясь от любопытных морщинистой маской безразличия к происходящему.

Автобус заехал на аэродром, и все как по команде замолчали, так как за ангаром нас должен был встречать Федя, и этот момент был ритуальным в начале каждого рабочего дня. Поворот, пальма, а вот и Федя. Он стоял на указанном ему месте, приложив руку к головному убору. Водитель посигналил ему. Автобус остановился.

Теперь как раз о Феде.

У Клиффорда Саймака, в «Заповеднике гоблинов» есть персонаж Оле-Оп, неандерталец, которого экспедиция во времени вытаскила, образно говоря, из котла, когда его племя планировало им поужинать. Оле-Оп был очень благодарен спасителям. Так вот, Федя был маленьким, около метра сорока пятидесятилетним мужчиной, которого наши ребята обнаружили месяц назад связанным в хижине при зачистке деревни. В отличие от Оле-Опа, им планировали позавтракать. Оставлять его в джунглях значило, просто отложить трапезу соплеменников Феде. Те ребята серьёзные. Если решили съесть, значит, так тому и быть.

Хоть переводчик и говорил, что Федя сам людоед со стажем, командир принял решение забрать его с собой. В итоге мы оставили его на аэродроме, возложив на него обязанности по уборке бытового мусора на территории.

Спальное помещение ему определили в аккумуляторной мастерской, благо это помещение имело отношение к аккумуляторам только на бумаге. Раньше там оставался ночевать дежурный электрик, но после передачи обязанностей по освещению аэродрома союзникам, спальное место стало вакантным.

Чтобы Федя окончательно не шокировал своим реликтовым видом всякого рода проверяющих, со склада была получена камуфлированная форма самого маленького размера, так как на эту форму спроса всё равно бы не нашлось (реально, как из магазина «Детский мир»). Кладовщик отдал её без привычного нытья об отсутствии накладной, присовокупив, что для хорошего людоеда и спецодежды не жалко.

Имя Федя было ему присвоено, как производное от его собственного, где в непередаваемой какофонии согласных угадывалась буква «Ф».

Вы можете себе представить мужскую ногу тридцать третьего размера? Я тоже не мог, до знакомства с Федей. Ему была поставлена задача укоротить когти на ногах, и дано разрешение ходить в шлепанцах, в связи с невозможностью обуть в ботинки.

Помню день, когда Фёдор надел новенькую форму и подпоясал её укороченным вариантом армейского офицерского ремня. Вкупе с его морщинистым лицом, переломанным носом, свирепыми глазами в глубине глазниц, – военная форма придавала ему вид *маленького дьявола войны*.

Он смотрел на своё отражение в стеклянной двери долго и внимательно. Изучал. В этот момент что-то поменялось в этом человечке. Он не поправлял воротник, не разглаживал складки под ремнем. Он просто стоял и смотрел на себя.

Автобус привёз обед, но Федя, всегда внимательно отслеживавший прибытие пищи, даже не обернулся. Не знаю сколько ещё времени он стоял возле стеклянной двери. Я ушёл обедать.

Наверное, каждый хоть раз слышал смиренные правила, что не важно, во что ты одет, главное, чтобы чистенькое. Хоть бедненькое, но глаженное. Главное, что внутри... Ну, вы поняли. Я ничего не имею против этой позиции. Да, золотые цепи и парчовые портянки не могут поменять суть и мысли...

Но военная форма, это совсем другое. И пигмей Фёдор заставил меня признать факт изменения личности именно изменением внешнего облика.

Нередко, когда экипажи улетали на задачи и садились непредвиденно на других аэродромах, у нас оставались лишние контейнеры с обедом. По традиции мы отдавали их в конце дня ребятам из местного караула. Молодые чёрные парни из деревень, призванные в вооруженные силы этой банановой страны, естественно, всегда хотели есть. Меня поймёт тот, кто сам был молодым и служил в армии. Молодость и аппетит всегда неразлучны. Они с радостью принимали от нас герметичные контейнеры с котлетами и картошкой.

В свою очередь, когда нам нужно было помочь, например, перекатить вертолёт или разгрузить прилетевший транспортник, они с радостью (реально, с радостью), сняв автоматы и бронезилеты быстро и весело выполняли дневную задачу за полчаса. Конечно, мы были им очень благодарны. После наших слов признательности, наиболее продвинутые бойцы, смеясь, отвечали: «Путин – хорошо, французы – плохо!».

Фёдор, влившись в наш коллектив, самостоятельно стал расширять круг своих обязанностей. Утром во всех висячих умывальниках была вода. Он таскал воду ночью из машины-водовозки, которая стояла на дальней стоянке. Теперь не надо было в течении дня уговаривать вечно занятого водовоза заполнить ёмкости. Правда, тот как-то буркнул, что, мол, нельзя без него подходить к машине, и, «если он кого-то заметит», ну, и описание репрессий... Узнав об этом заявлении, Скиф, логист авиаперевозок, чемпион России по боксу (ныне тренер), спрогнозировал водовозу его будущее, если тот хоть мяукнет в сторону Феде. По сути, Федя, своими ночными водоносными работами разгружал водовоза, но «сам дрожу, фасон держу» – вот надо обязательно подчеркнуть, кто в машине главный...

Африканцы из караула относились к Феде с подчеркнутым уважением, тем более, что теперь вечерняя передача пайков, невостребованных экипажами была в обязанностях Феде. Смешно, конечно, было смотреть, как Федя ругает двухметрового бойца, за то, что тот не убрал кожуру манго, почистив его прямо на стоянке. Реакция провинившегося была моментальной. Собрав кожуру, тот заверял, что этого не повторится. Логично спросить, как мы понимали их диалог? По жестам и интонации. Если надо было объяснить что-то мудреное, звали переводчика.

У Феде было своё пластиковое кресло. Завершив дела, он садился в него и смотрел на стоянку. Занимаясь меж полётными работами в кабине своего вертолёта, я часто смотрел на него. В это время он был уверен, что один. Судя по мимике и движению губ, он с кем-то разговаривал, кого-то ругал, чему-то радовался. Иногда смеялся. Кто-то сказал, что ему пятьдесят лет. А может, все семьдесят? Скорее всего, он сам не знал. Форма, в которой он находился на аэродроме, была всегда чистой. Мы не понимали, когда он успевает стирать, так как подменной одежды у него не было. Зablуждение, что в Африке всё сохнет моментально. В пустыне, да. Но в полосе джунглей дикая влажность, и на улице бельё может сохнуть дня три... Скорее всего, Федя одевал стираную форму, не дождавшись пока та высохнет.

Так прошло два месяца. Федя уже знал не менее двадцати русских слов. Конечно, ложка дёгтя, не долго будет ждать рядом с бочкой мёда. Федя стал курить. Сigaretетами его обеспечивал водитель автобуса, Сергей. У них вообще завязалась тесная дружба на базе безделья водителя между поездками и умением Феде слушать не перебивая. Как-то я заметил, что Сергей что-то записывает в блокнот, а Федя ему медленно повторяет какие-то слова. Оказывается, эти товарищи решили поделиться языками: русским и санго. Вот тут попёрло... Федя начал всех доставать с оценкой своих успехов в произношении новых слов. И не удивительно, что в его монологах стали проскакивать слова из ненормативной лексики. Правильно, учитель кто...

Федя на аэродроме стал незаменимым работником. Так как он сто процентов времени находился там, то мы ему поручали дела повышенной сложности и ответственности: передать деньги перелетавшему транспортному экипажу в выходной день, напомнить дежурному включить подсветку взлётной полосы в полночь для садящейся «Сесны» геологов, выдать по банке консервов по окончании помывки вертолёта шашаникам и многое другое.

Осенью подошёл срок нашей замены. С нами менялись экипажи Ан-28, и оставшиеся местные франки они отдали Феде. Чтобы было понятно, обращусь к курсу: сто российских рублей – это тысяча франков (грубо). Французский батон (багет) стоил сто пятьдесят франков. Так вот Феде оставили двадцать тысяч франков. Он упирался руками и ногами, отказываясь даже в руки брать такую астрономическую сумму. Но ребята на Ан-28, все не меньше девяноста килограммов и в плечах как Федя в длину, убедили не отказываться. Вечером у Феде поднялась температура. Мы ещё смеялись, что неожиданно свалившееся богатство по-разному влияет на организм...

Наш медик, не разделяя общего веселья, сделал Феде тест на малярию. Результат оказался положительным. Тут же фельдшер прочитал краткую лекцию о том, почему мы нигде не видим чёрных стариков. Они умирают от малярии. До определённого возраста организм её побеждает, а потом она его. До старости доживают только богатые. Феде надо срочно госпитализировать, ибо итог однозначный – кирдык.

Команду садиться в автобус все игнорировали. Медик связался с военным госпиталем, но там категорически отказались класть местного жителя. Сказали обращаться в больницу. Тогда командир экипажа Ми-8 набрал зам по тылу, с которым был в дружеских отношениях, и долго объяснял ему

ситуацию. Наконец, было принято решение нашим транспортом отвезти больного в нашу санчасть и поместить в лазарет безо всяких документов.

К этому времени Федя совсем сдулся. Сергей уложил его на диван в корме салона автобуса, и мы осторожно тронулись. Настроение как вырубил. Федя смотрел на нас с благодарностью, совершенно не понимая, куда его везут. Потом он начал что-то бормотать, достал подаренные деньги из кармана и указал на водителя. Я передал купюры Сергею. Тот, молча, положил их в нагрудный карман.

Рация, которая висела у меня на пояском ремне, оборвала похоронную тишину салона:

– Всем, циркулярно! Сегодня ночью в три ноль-ноль вылет «большого»! Сбор отпускников в два ноль-ноль с вещами у штаба. Проверить наличие документов. Старшим групп, осмотр личных вещей на предмет запрещенных к перевозке. Контроль списков в девятнадцать ноль-ноль в штабе. Отбой!

В салоне началось что-то невообразимое. Отпускники, и я в том числе, выкрикивали что-то типа: «А я говорил, что этот день наступит, а мне не верили!!!». Те же, кто оставался, бурчали: «Вот сволочи...», – но тоже улыбались. И Федя улыбался, хотя и не понимал причины нашего веселья. Так, за компанию.

С первых метров движения по заснеженной улице, супруга начала выражать недовольство тем, что поездку по магазинам мы начинаем не с магазинов, а совсем наоборот: с поездки в Управление неизвестно зачем, если я в отпуске. Ответ, что мне это очень нужно, её не устроил. На объяснение, что должен связаться по закрытой связи с Африкой, последовал резонный вопрос: «Зачем?». Я промолчал, и катил дальше по заснеженной дороге, слушая новости и не обращая внимания на демонстративно молчавшую супругу.

Припарковав машину, я заверил моё «солнышко комнатное», что «буквально пять минут», и, не обращая внимания на брошенное в спину «так я и поверила», вошёл в Управление.

На узле связи в этот день дежурила Наталья Романовна. Она была самая возрастная из дежурных связистов и съела не одну собаку на умении связывать несвязуемое. Я понял, что мне повезло.

– Наташенька, – начал я без здравств, – у меня супруга в машине мёрзнет... Соедини по скоренькому с Океаном, очень надо...

Наталья Романовна вздохнула и начала колдовать с клавиатурой.

– А печку включить не пробовал? В декабре помогает, – бубнила она, щёлкая по клавишам. – Или бензин экономишь?

– Ну, ты что, это условие супруги. Акт шантажа, так сказать... Мол, удержишься, я замёрзну...

Она отвлеклась от монитора.

– Я бы не стала так доверять мужчинам... Даже мужу.

В это время раздался зуммер, и Наталья Романовна откинулась на спинку кресла:

– Чёрная труба на столе. Соединение есть. Справа кнопка.

Я взял трубку и активировал.

– Слушаю, Океан, – раздалось в динамике.

– Рекон, это Колин! Привет! Я сейчас на Рубине.

– Колин, здорово, чертяка! Каким ветром?!

– Слушай, мы улетели, а там Федю-людоеда с малярой положили... Как он, не знаешь?

– Ты для этого звонишь, что ли?

Наталья Романовна смотрела на меня, не моргая.

– Тебе трудно сказать?

– Нет-нет, не трудно. Это ж ваш сын полка... Хотя и возрастной. Нормально всё. Вытащили...

Негры вообще плохо маляру переносят, а этот выбрался... Как сам? С наступающим!

Я почувствовал дикое облегчение. Живой Федя! Хотя, какой он, на хрен, Федя...

– Спасибо, всё ок! Всем привет! Так же, с наступающим. Федю тоже!

– Обязательно! Хорошего отпуска. Отбой...

– Отбой, – сказал я замолчавшей трубке и положил её на стол.

– Всё? – спросила дежурная по связи.

– Ага, – сказал я вставая. – С наступающим вас!

– И тебя, и супругу твою с праздником. Только я не поняла, про кого ты там спрашивал.

Людоед, это позывной такой, что ли? Это же надо додуматься так назвать...

Уже в дверях я обернулся.

– Людоед – это по жизни, а позывной – Федя...

Увидев меня сияющим, супруга сменила гнев на милость.

– Всё нормально?

– Да, – сказал я пристегиваясь, – жив Федя...

– Ну, хоть у этого нормальное имя, а то вечно какие-то Клёпы, Тролли, – прокомментировала она, усаживаясь поудобнее. – Завтра в Соборе будем, свечу за здоровье поставь. Поехали...

– Поехали, – повторил я, выводя машину на проспект.

Две недели до Нового года. И старикам надо позвонить: и своим, и её. Пусть живут долго-долго. Мы ведь не в Африке...

Всё-таки я больше ели люблю, чем пальмы...

Ноябрь 2022 г.

Эдуард ЯНКОВ

пос. Средний, Усольский р-н, Иркутская обл.

Отставной военный. Родился в южном Казахстане. С 1979 г. жил на Алтае, окончил военное училище, служил в лётном гарнизоне г. Бобруйск (Белоруссия). Пишет военно-патриотические тексты для песен, многие из которых исполнялись российским народным ансамблем «Форсаж». Публикуется впервые.

Собачья упряжка

Рассказ

Конец 1992 года. Советского союза больше года как нет. Упал «железный занавес» вместе с Берлинской стеной, придавив собой остатки общественного спокойствия. ГэКаЧеПэшники и вся суета с ними уже в истории. Сменили государственный флаг над Кремлём – с красного на триколор, и Россия вплелась в весёлый хоровод с капстранами. Всюду восторжествовала демократия, добро победило. Бывшие союзные республики лихорадочно усваивали упавшую на них свободу.

В Белоруссии, как и в других отделившихся республиках, ввели свою валюту. Назывались эти деньги как и раньше – рубли, но вид купюр, конечно, изменился. На них красовались не города, не национальные герои или политические лидеры, а животные. Просто и очень демократично. Изображали животных, в зависимости от номинала купюры, от «белочки» до «зубра», который, как известно, обитает в Беловежской пуще. И нам уже выдавали денежное довольствие вот этими рублями, которые мы называли «зайчиками». «Зайчик» – это один рубль, а «белочка» – пятьдесят копеек, хоть и бумажные. И так до «зубра» – купюры в сто рублей.

Но не об этом моя история, а о том, как быстро тогда всё менялось и в жизни страны, и в жизни народа, и, в частности, в моей. Менялось и перемещалось. Вот так я волею судьбы почти в мгновение ока переместился с далёкого Запада в далёкую Сибирь.

Мы, военнотружачие одной из частей Бобруйска, в котором я проходил службу и который находится на берегу реки Березина, уже знали, что нам осталось пребывать в этом городе недолго. Может, год. Может, полтора. Нам официально объявили, что наш полк будет выведен с территории этой бывшей союзной республики в Россию, так как подчинение у нас оставалось московское. Западную группировку войск уже вывели с территорий Германии и других когда-то побеждённых и освобождённых стран.

В Россию – это хорошо, но никто не знал, куда конкретно. В какой-нибудь город, или деревню, или будем осваивать чистое поле? Даже московское, самое верхнее начальство предположений не имело. В общем, грустно и тревожно было на душе у многих. Конечно, и у меня.

К описываемому мной времени я был уже старлей. Сыну полтора года, жена. Попал я сюда три года назад, ещё при Союзе, по распределению после окончания военного училища. Хороший западный город. Но был один огромный минус: у меня не было своего жилья. Это был самый большой вопрос. Чтобы получить квартиру, надо было простоять в очереди лет десять, как минимум. Поэтому меня здесь кроме службы ничего не держало. Наши с супругой родственники жили в пяти тысячах километрах от нас (мы оба с Алтая). Череда съёмных квартир, непонятная перспектива нашей части, – всё это заставило меня принять решение и перевестись в такой же полк где-нибудь в России. И вот это «где-нибудь» для меня оказалось в Иркутской области.

Да, тоже ни родных, ни близких, ни друзей. Но что делать? Такова судьба у военного. Куда прикажут, туда и идёшь. Меня на тот момент никто не заставлял, но я понимал, что это до поры. Поэтому я не стал дожидаться, когда нас начнут экстренно грузить в эшелоны и везти в неизвестное место. Я сам выбрал воинскую часть с родственной мне спецификой и решил туда перевестись.

За время службы, за эти три года, я обзавёлся друзьями, хорошими товарищами-сослуживцами. Так вот, буквально все они, узнав о моём «диком» решении, в один голос отговаривали от этого шага: «Зачем в Сибирь?», «Как в Иркутск?», «Чего торопишься, может, выведут в какой-нибудь западный регион России, а то и южный! В какую-нибудь Тверь, Саратов или ещё куда. Но добровольно в Сибирь?», «Ты дурак?!», «Ты куда собрался, за Уралом жизни нет, – говорили некоторые. – Помянешь нас ещё!».

Эти и подобные слова я слышал от всего окружения. От всех, кроме жены. Она, выслушав меня, лишь сказала: «Ну, надо так надо».

Я, конечно, её сильно тогда подбодрил и успокоил мощным единственным аргументом. Сказал, что так мы будем ближе к родне. Было пять тысяч километров, а будет всего две с половиной. Ну, согласитесь, намного ведь ближе.

Несмотря на уговоры моих друзей и сослуживцев, я всё же написал рапорт на перевод в Сибирь. Конечно, решение мне далось непросто. Время было беспокойное, и все эти уговоры моего окружения поселили во мне тревогу и опасения. Но оставаться и ждать у моря погоды я не хотел.

Потом мне дали отгулять отпуск за прошедший год. Это было нормой, пока молодой, в отпуск ходишь в каком-нибудь «...бре».

Новый 1993 год мы встретили у родителей на Алтае. А в конце января меня оповестили, что мой рапорт одобрен, подписан, да что там – даже приказ состоялся о моём назначении на новую

должность в одной из воинских частей Иркутской области. Осталось дожидаться, когда этот приказ придёт из Москвы.

Так быстро из части в часть в те времена не переводили. Но влияла обстановка тех дней.

«Сдавай дела и должность, подписывай обходной лист. Если нужна будет помощь с погрузкой вещей – обращайся, – сказал мне старый капитан. – Крепись, и в Заполярье люди живут».

Не помня себя из-за подавляющей тоски, я занялся хлопотами по сдаче должности, оформлению различных документов, поиску коробок и ящиков для упаковывания домашнего скарба, который к тому времени мы с женой успели нажить.

Конечно, я бодрился, старался отгонять тоскливые мысли, не бояться неизвестности, что в принципе мне удавалось. Я хоть и скептик, но не пессимист, и для меня стакан наполовину полон. Правда, в процессе моих хлопот был один неприятный момент. Ёкнуло у меня внутри, когда я получил на руки документ на право перевозки контейнера с моими вещами к новому месту службы.

В то время все документы печатались на машинке или писались от руки, поэтому некоторые буквы в словах из-за неразборчивости могли читаться двояко. Вот и тут, беру я этот перевозочный документ и читаю: «Разрешён перевоз контейнера ЖЭДэ транспортом, от станции Бобруйск до станции Китой – Комбинатская» (это в Ангарске). А я прочитал не Китой, а КитАй – Комбинатская.

Китай – Комбинатская!? Где это? Как это?!

«Мне же в Иркутскую область!» – паниковали во мне все нервные клетки. Вроде и в школе неплохо учился, и географию думал, что знал, но где Иркутск, а где Китай. В общем, сказать, что я запереживал, – это ничего не сказать. И объяснить никто ничего не может, потому как никто там ещё не был. Сказали лишь, что это ближайшая контейнерная станция от моего будущего места службы.

Приплыли...

Но поздно метаться, реку вспять не повернёшь.

Потом была отходная, на которой все приглашённые говорили напутственные тосты и желали мне выжить в условиях «крайнего севера». Потом была погрузка контейнера и его отправка.

Грузить помогали друзья и теперь уже бывшие сослуживцы. Они, дай бог им здоровья, согласно военной традиции, пока я не видел, в этот же контейнер среди коробок и ящиков запрятали заранее подготовленный старый чугунный радиатор отопления. Ну так положено, чтобы веселее разгружалось на новом месте. Я сам так делал, когда помогал в погрузке при переезде моих друзей и товарищей. А переездов этих было столько, теперь уж и не сосчитать. Вот так при погрузке убежит хозяин вещей за очередной коробкой, а мы ему кирпичей в какой-нибудь ящик или крышку старую запрячем, а то и просто кусок бордюра. А ещё лучше спрятанный предмет в бумагу завернуть или мешок, чтобы на новом месте хозяин не сразу выкинул, думая, что это нужная какая-то вещь. А уже потом, когда-нибудь, распакует.

Традиция такая. Будет человек разгружаться в каком-нибудь Оленегорске, Ижевске или Уссурийске, а тут привет от друзей. И чем увесистей «сюрприз», тем привет горячее. И всех он сразу вспомнит, здоровья всем пожелает. И, поверьте, пожелает искренне, от всей души, по себе знаю.

Дали мне отпуск, дней десять. Отвёз я семью на Алтай к родителям. Не хотелось рисковать, везти их на «голую кочку», не знал ведь, будет ли где устроиться. В общем, не хотел им неудобства, пусть под родительским крылом поживут перед будущими испытаниями. А сам поехал дальше.

Конец февраля, двадцать седьмое число, суббота. В Белоруссии в это время уже тепло, тротуары сухие, на каштанах птички по-весеннему поют. Но это там, а я уже тут.

Аэропорт Иркутска, утро. Вопреки моим ожиданиям, не было никакого бурана или метели, но всё было в снегу. Всё, даже бетон, на котором стоял прилетевший самолёт, был белый, какой-то заиндевелый. Холод я почувствовал сразу, от того же бетона. Обувь на мне была западная, модная по тем временам, но здесь совершенно никчёмная. Пока шли к зданию аэропорта (да-да, именно шли), подул ветерок, не сильный, но стало зябко, то ли от холода, то ли от волнения.

Не зная ни способа добраться до места назначения, ни маршрута, я всё-таки туда в этот день попал. Вот об этом-то дне и будет моя история.

Дорогу я просто спрашивал у прохожих. Из аэропорта на автовокзал, оттуда на автобусе до Ангарска. И вот в Ангарске, на автовокзале, при пересадке на следующий маршрут, я увидел то, что ввергло меня в панику. Повторюсь, это была суббота, у многих граждан выходной, народ ехал за город отдыхать, поэтому его было очень много. Добрая половина людей с лыжами и другими приспособлениями для катания с горок. Это в Белоруссии со снегом проблема, а тут кататься не хочу. В загородных автобусах мест на всех не хватало. Была давка, доходило до склок, крепкой ругани и применения физической силы. Причём было не важно, кому доставалось, женщина это или мужчина. На западе, откуда я приехал, такого не увидишь. Итак, в двери автобусов попадали сильнейшие.

Стоял я в сторонке, в ожидании своего рейса, и с грустью за этим наблюдал. И вдруг из-за одного из автобусов выскочила настоящая собачья упряжка, с женщиной в санях. Я часто заморгал.

Упряжка была настоящая, но с одной собакой. Здоровенный, размером с мотоцикл, ньюфаундленд, чёрный, лохматый как медведь, в какой-то сбруе. Передвигался этот тундровый транспорт очень лихо. То ли пёс знал, какой ему автобус нужен, то ли водительница упряжки им так умело управляла, этого я понять не успел.

Быстро подлетели эти сани к дверям одного из автобусов, и из санок соскочила женщина лет сорока, подтянутая, в зимнем спортивном костюме и в шарообразной шапке из рыжей лисы, с двумя свисающими до пояса ушами из цельных лисьих хвостов. Отстегнула она какие-то верёвки от саней (сани были небольшие – на одного человека), взяла собаку за ошейник одной рукой, в другую сани и попыталась протиснуться в нужный автобус. Ей этого не дали. Она просто не влезла, да и народ из автобуса энергично осыпал её ненормативными словами. Тётяшка эта, ничуть не расстроившись, тут же пристегнула собаку обратно к санкам и, ловко маневрируя между людьми и транспортом, умчалась куда-то в город. Пёсику явно нравилась вся эта «движуха». Он с видимым удовольствием нёсся по заснеженным тротуарам, развевались на ветру собачья лохматая шерсть да лисьи хвосты на хозяйкиной шапке.

Всё это действие, от появления упряжки до растворения её где-то во дворах города, длилось секунд сорок, но этого хватило, чтобы ввергнуть меня в глубокое уныние.

«За Уралом жизни нет», – слышался мне голос старого капитана.

«Зачем тебе на край земли?» – вторили ему голоса моих бывших боевых товарищей.

Я чётко представил себе бескрайнюю снежную тундру, а на её фоне, как в чёрно-белом кино, стоят, держа друг друга за руку, моя доверчивая супруга и маленький сын, одетые в кухлянки, и молча смотрят на меня полными благодарности глазами, а боковой ветер порывами переметает снег.

Невольно возник традиционный для русского человека вопрос «что делать?», а затем – «кто виноват?».

А что тут делать? Да уже ничего. И «виноватый» тоже налицо.

Мне пришлось взять себя в руки и собраться с мыслями.

Не помню, как доехал я из Ангарска до автостанции города Усолье–Сибирское. Всю дорогу не хотелось смотреть в окно. Там, кроме снега, разглядывать было нечего.

«Куда я попал?! Здесь так всё плохо, что люди ездят на собаках. Прежде чем переезжать сюда, надо было географию повторить, да хотя бы на карту посмотреть», – корил я себя.

Автостанция города Усолье–Сибирское. Небольшой зал с потёртыми стенами, тройными сидениями для ожидающих и схематичной картой района на стене. Я инстинктивно подошёл к этой схеме и начал глазами искать тот населённый пункт, куда мне предписано прибыть. Не нашёл. Себя я успокоил тем, что, видимо, этот пункт слишком мал, поэтому и не обозначен на этой большой (во всю стену) карте.

Около кассы никого не было. Видимо, здесь не было принято по субботам с ошалелым видом мчаться куда-то за город, как в Ангарске. Я, не пытаясь разглядеть, кто за стеклом кассы, обратился в маленькое, на уровне моего пояса, окошечко:

– Девушка, мне один билет на ближайший автобус до Белой. – Именно такое название было написано в моём предписании, другого я не знал. Из окошка я услышал:

– Юноша! – с ударением на слово юноша. – В Усольском районе нет такого населённого пункта.

Я обмер. Подняв глаза, увидел совсем не девушку, а солидную даму, глядевшую на меня строго. Она явно была недовольна, что я обратился к ней вот так вульгарно – «девушка». Достав своё предписание, я в который раз перечитал: «...прибыть в такую-то в/ч Иркутской области, Усольского района, гарнизона Белая». Повернул бумажку к стеклу и промямлил:

– А у меня тут это...

– Молодой человек, такого населённого пункта в нашем районе нет, – повторила она стальным голосом.

Мне кажется, в этот момент я разучился дышать. Стоял молча и смотрел на кассиршу.

– Есть посёлок Средний, – смягчив голос, сказала милая женщина с лёгкой ухмылкой.

Мстит за «девушку», был уверен я и запротестовал:

– Нет-нет, мне туда не нужно, мне в Белую.

Кассирша, получив свою порцию удвоения, окончательно сжалась и коротко объяснила, что это одно и то же. Гарнизон Белая, а жилой городок, куда ходит общественный транспорт, называется Средний. Ну что ж, благо, что мой повышенный модуль моральной упругости позволял не терять бодрости духа. Вроде как наметился конечный пункт моего маршрута (как мне казалось). Я поехал дальше.

На задней площадке автобуса, прямо в движении, небольшая компания молодёжи (два парня и две девушки моего возраста) весело распивала литровую бутылку «беленькой». Да, прямо среди бела дня и без закуски. И никого это не смущало. Но после собачьей упряжки для меня это было уже ерундой.

От Усольской автостанции до Среднего тридцать километров. Я всю дорогу глазами искал за окнами автобуса признаки жизни. Их было мало. Один только снег, от горизонта до горизонта. Дорогу, видимо, не чистили, она тоже была белая от наката. Что поделаешь, девятностые, тогда на этом никто не заморачивался.

Когда увидел приближающиеся пятиэтажки Среднего, я чуть-чуть не то что приободрился, но задышал глубже, будто увидел свет в конце тоннеля.

Пока ехали, я немного пообщался с водителем, он мне и посоветовал первым делом обратиться в комендатуру, которая тут же, на въезде в посёлок и находилась.

Надо ли говорить, что тот пучок света, который мне начал видаться в конце тоннеля, немного расширился, когда в комендатуре я увидел дежурившего там офицера в родственной мне форме. Как

оказалось, путаница с названиями ещё не закончилась. Этот дежурный обстоятельно объяснил мне, что гарнизон Белая включает в себя два посёлка. Средний – это жилая территория, а Северный – служебная территория со штабами, куда мне и надо. Потом показал, в каком направлении идти.

Это было в шести километрах, но я этого не знал и пошёл пешком, неся то в руках, то на плечах две огромные сумки. А как? Одной только форменной одежды три вида, гражданская одежда, вещи первой необходимости. В общем, нормальный такой багаж. Сил у меня хватило только на то, чтобы пройти жилой городок от КПП №1 насквозь и выйти из него через КПП №2. По ощущениям казалось, что я пришёл. Ну, как жилой городок закончился, значит, где-то тут должна начинаться служебная территория. На западе везде так. Но её не было, только дорога.

Навстречу мне шла местная бабушка, одетая в настоящую ватную фуфайку, в сером пуховом платке и, конечно, в валенках.

«За Уралом жизни нет», – слышалось мне опять.

Я к ней обратился, так мол и так, где-то здесь штабы должны быть, я сам не местный, подскажите.

– Нет, сынок. Это не тут, это там, – махнула она рукой в сторону от дороги.

– Только ты пешком, с такими сумками, не дойдёшь. Ехать надо.

Пучок света в тоннеле резко сузился.

– Вон, – показала она на стоящий около КПП (уже позади меня) тархтящий КРАЗ с огромным кузовом. – Видать, дежурка какая-то. Спроси, может подвезёт. А пешком даже не думай, замёрзнешь. И попуток не жди, выходной.

Возвращаясь к грузовику, я даже сумки брать не стал, так и оставил их на обочине. В кабине никого не было, в кузове тоже. Я открыл водительскую дверь. На сидении, вытянувшись поперёк всей кабины, спал солдатик – водитель-«срочник».

– Здравия желаю! – рявкнул я, пытаюсь не испугать спящего, но перекричать тархтящий мотор.

Солдатик подскочил. Ни на что не надеясь, спросил – могу ли я попасть на этой машине к штабу части. На моё удивление он сказал:

– Поехали.

Вот так просто?! Меня одного, незнакомого человека в гражданке! Он что, меня ждал? Лучик света чуть расширился.

И привёз он меня не куда-нибудь, а прямо к входу нужного мне штаба.

На тот момент я не знал и не думал о том, что штаб-то пустой. Кроме дежурных сил, никого не было – выходной, мной заниматься некому. Но мне опять повезло. Дежурным по управлению стоял старший офицер по моей военной специальности. Он знал, что к ним едет из западного гарнизона старлей на одну из вакантных должностей. А их было много. Народ увольнялся из армии «пачками». Вот и радовалось руководство каждому новоприбывшему.

Словоохотливый оказался дядька. В тонкостях обрисовал мне местную специфику. Посоветовал купить резиновые сапоги, а то по весне перемещаться по жилому городку будет затруднительно, асфальт не везде, а где и есть, то фрагментарно. До понедельника распорядился поселить меня в гостиницу, которая находилась недалеко от штаба.

К моему приходу туда дежурная (добродушная женщина) уже знала, что надо поселить приезжего. Заполняя какой-то журнал, при написании даты (напомню, двадцать седьмое февраля) она с радостными нотками в голосе произнесла: «О! скоро наш праздник».

Конечно, она имела в виду Восьмое марта, но я под ударами сегодняшнего дня этого вспомнить не мог. Максимум, что мне пришло в голову – «День солнца».

Ну а что, снега по уши, на собаках ездят – значит, и на оленях тоже, значит, и танцы с бубнами есть. Всё совпало. Но вслух я это не сказал. И, чтобы показать, что я в курсе, просто угукнул в знак согласия.

Комната гостиницы была четырёхместная, но кроме меня там жил только один постоялец. И на момент, когда я туда зашёл, его там не было, вышел куда-то. Зайдя, я стал оглядывать помещение, куда вещи поставить, где место свободное. И мне в глаза бросился висящий в открытом шкафу огромного размера (до пола) овчинный тулуп, с невероятно огромным воротником, лохматым не меньше, чем тот пёсик в упряжке. На полу стояли собачьи унты, а на полке лежала шапка с кокардой, полярного типа. Я таких раньше не видел. А тут вот, пожалуйста, разглядывай диковинку. Отличаются такие шапки от обычных тем, что мех толще. И самое главное, уши у таких шапок почти в два раза длиннее, чем у обычных. Поэтому наверху они не связывались между собой шнурками встык, а лежали друг на друге. Это невозможно было не заметить. Так вот в чём они тут ходят!

Свет в тоннеле погас. Плохо учил географию. Попал всё-таки в Заполярье.

В ушах голос старого капитана: «Крепись, и там люди живут».

И тут в комнату вошёл хозяин этого тулупа и супершапки. Познакомились. Общительный парень, тоже старший лейтенант. Не местный, прилетел сюда в командировку из далёкого Тикси. Вот откуда полярная одежда.

Лампочка в конце тоннеля чуть-чуть замерцала.

Я расположился, переоделся, умылся. Сосед предложил с ним поужинать, он тут же в комнате на электроплитке нажарил картошки. Я есть не хотел, хотя последний раз принимал пищу ещё в самолёте. Уровень моего стресса заплombeвал какие-либо потребности организма. Я выложил на

стол продукты, которыми меня снарядили в дорогу родные, и сидел за столом, молча слушая соседа. Он сетовал на то, что картошка здесь невкусная.

– Почему? – поинтересовался я.

– Не сладкая. Мы в Тикси её ведь на балконах храним или на площадках в подъездах. Погребов нет, вечная мерзлота. Вот и хранится она у нас в замороженном виде. А оттаявшая в еде сластит. Мы привыкли, поэтому ваша невкусная.

Хорошо, что я не в Тикси, подумал я.

Обратил внимание на то, что сосед в процессе приёма пищи держал хлеб в левой руке не как обычно держат, между большим и указательным, а между указательным и средним. Большой палец торчал строго вверх, был опухшим, весь в зелёнке и со следами травмирования.

– Что с пальцем? – спросил я.

И поведал он историю о том, как в прошлые выходные ходил в жилой городок, на Средний, в военоторговый магазин. Купил себе туфли и прямо в них (день, говорит, тёплый был) шёл назад, а унты связал меж собой и нёс, перебросив через плечо. Так вот, на обратном пути, уже далеко за Средним, трое местных гопников, угрожая ножом, хотели его раздеть. Понравился им его тулупчик, ну и шапка его дивная тоже, да унты в наличии – полный комплект.

Завязалась драка. В процессе этого скоротечного замеса один из хулиганов и прокусил ему палец. Ходит теперь, уколы от бешенства в лазарете ставит. В общем-то, всё обошлось, только туфлю одну потерял, когда убежал, да палец пострадал.

– Но могло быть намного хуже, – сказал он и показал дырку в боку тулупа.

– Пытались пырнуть. Так что ты один без ножика за посёлком не ходи. У тебя есть?

– Есть, – треснувшим голосом ответил я. – Складишок.

Лампочка в тоннеле в этот день больше не загоралась.

Был уже поздний вечер, я зачем-то встал, подошёл к окну и попытался что-то там, в кромешной темноте, разглядеть.

На что мой сосед, к ножкику, добавил:

– И имей в виду, усольский химпромкомбинат периодически выбросы хлора делает, так что не удивляйся, здесь и зимой бывают туманы. Увидишь такой туман, в здание заходи.

Как интересно жить...

Вот такой был мой первый день пребывания на сибирской земле.

С той поры живу в Сибири уже тридцать лет. И та собачья упряжка, увиденная в Ангарске, сейчас вспоминается с улыбкой. Побывал я за эти годы во всех концах нашей огромной родины: и на Камчатке, и на Чукотке, и в Заполярье, и на Дальнем Востоке, и на Кавказе, а также объездил всю Иркутскую область, но нигде больше не видел такого транспорта. Судьба.

На третий день, после включения в списки полка, мне дали квартиру.

Вызвал к себе замполит полка, уточнил, что я семейный, что есть ребёнок, и сказал, протягивая мне какую-то бумагу: «Вот тебе решение жилищной комиссии, езжай в жилой городок, в домоуправление, получай ключи».

Сон какой-то. Яркий свет, и никакого тоннеля!

Большая «двушка» на втором этаже многоквартирного дома в военном городке. Никого не просил, не обивал пороги начальников. Просто здесь так было положено. Да и вовремя приехал, был на тот момент свободный жилой фонд.

Контейнер с вещами, пришедший через две недели, я с моими новыми сослуживцами разгружал уже в свою квартиру. А чугунная батарея, которая «зайцем» приехала благодаря моим друзьям, была аккуратно уложена перед подъездом и долго служила «очищалкой» обуви всем жильцам.

Через месяц сюда перебралась моя семья, и зажили мы, как говорится, лучше прежнего.

А через полтора года, по иронии судьбы, тот полк, из которого я перевёлся, был выведен с территории теперь уже другого государства не куда-нибудь, а в наш гарнизон. И ютился приехавший народ где придётся: кто в общежитии, оставив семью на родине; кто снимал жильё в близлежащих населённых пунктах; кто жил по несколько семей в одной квартире.

К этому времени я обжился на новом месте, обзавёлся друзьями, и уж точно знал – здесь жизнь есть!

15.06.2023г.

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.

Василий Андреевич Жуковский

Николай ЕРЁМИН

г. Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич. Родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 года, русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Автор издательского бренда «Миражисты». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах. Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях, в том числе на китайском языке – в переводах Хэ Суншаня, г. Синьян. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Мои бессрочные часы

Зимний полусонет

Бог диктует – и я суеверно
Всё записываю за ним...
Опадает с души моей скверна...
Снег – вокруг...
И, морозом храним,
Я надеюсь – в сугробах по грудь –
До весны дотянуть как-нибудь...

В подвале винном – здесь, давно,
Давным-давно, увы, когда-то
Я пил грузинское вино
В компании друзей и брата...

...Стою в вопросах, заморочен:
«Где вы, друзья? Где ты, мой брат?».
Подвал крест-накрест заколочен.
Никто ни в чём не виноват.

Вид из окна

Жалей – гласно или тайно –
То обо всём, то ни о чём,
Жизнь провели, как бы случайно,
Ты – пациентом, я – врачом...

В стенах одних, где – вот те на! –
Здоров ли, нет ли – суть одна:
Нам из окна опять видна
С ума сошедшая страна...

О, влияние задорное
Всех, поющих сквозь века...

Кофе пьётся как снотворное...
К лире тянется рука...

И опять – нерукотворная –
За строкой звучит строка...

К вечеру

Жизнь к вечеру теряет смысл и цель...
И ты невольно ищешь оправданье

И излагаешь (ах, сомнений хмель!)
Догадки о судьбе и мироздании...

Чтоб с каждым словом, глядя вдаль и ввысь,
И цель под утро обрести... и смысл...

Будет время

Будет время – сойдутся
Строить Храм на крови

Люди, чтобы вернуться
К месту первой любви...

Станут все – как родня...
Но, увы, без меня...

Гость

– То бодрость, а то усталость...
То радость в груди, то злость...
Чего не хотел – сбывалось...
И то, что хотел, сбылось...

Закончилось выживание –
Живу себе, ничего...
Хочу загадать желание...
Да нету ни одного...

Когда не видишь, где добро, где зло,
Жизнь кажется прекрасною зело...
Но лишь узришь лик Дьявола и Бога,
Как в тот же миг – в душе и вне – тревога...

Был началом начал
Я и в центре, и с краю...
Раньше – свет излучал...
А теперь – поглощаю...

Часы

Я разбил Песочные часы,
Где песка осталось на два дня...
И под Новый год сказал: «Спаси,
Господи, и сохрани меня!».

И услышал – чудеса! – в ответ:
«Что ж, прими бессрочные, поэт!».

Игорь ЕЛИСЕЕВ

г. Ростов-на-Дону

Родился в 1952 году в Ростове-на-Дону. Окончил Пятигорский лингвистический университет, факультет испанского и английского языков. Автор более 20 книг стихов, переводов, спортивных маршрутов, словарей. Стихи переводились на английский, чувашский, карачаевский, ингушский, болгарский, непали, польский, португальский, сербский, армянский, вьетнамский, итальянский языки. Член Международного союза литераторов и журналистов АРІА, Союза писателей России и Союза писателей Москвы. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Главный редактор международного литературно-художественного альманаха «Рукопись».

«Пусть всё забудется, я буду...»

Малеевка

Здесь бродят лисы и медведи,
с березой дружбу водит ель.
Ложится солнце блеском меди
на белоснежную постель.

Из деревенок – дальних, ближних –
пространство катит гулкий лай.
И режет снег на поле лыжник,
как будто белый каравай.

Размеренным и чуть ленивым
движеньем режет рыхлый хлеб,
что возвратила этим нивам
зима – да так, что мир ослеп.

И только – блеск, и только – пламя
морозное, и ты гори,
как подоженные снегами
на ветках белых – снегири.

Снегурочка

Погоды сошли с ума:
по календарю – зима,
но, вместо снега и льда,
повсюду – одна вода.
А мне вот ничуть не жаль
декабрь, январь, февраль,
которых – на радость всем –
и не было, словно, совсем.
Напомнили мне они
другие зимние дни,
когда трескучий мороз
среди елей и среди берез,
слегка опьянев, со мной
прогуливался под луной,
и ты навстречу мне шла,
исполненная тепла.
Казалось, в мире во всем
лишь мы с тобою вдвоем,
все знающие о тьме,
о смерти, сне и зиме,
о том, что любовь всегда
из снега лепят и льда.

И вот в конце зимы
вдруг началась зима.
И стали ближе мы,
как это было летом.
И я тебя люблю

так, что схожу с ума,
так, что пишу стихи, –
я снова стал поэтом.
Но выйдя поутру
за тишину ворот,
я не нашёл следов
на снега белой толще.
Так всё, чем дышим мы,
однажды вдруг уйдёт
по льду забвения
и не вернётся больше.

Рыжие горы Абхазии,
снег на далёких хребтах.
Теплая зимняя Азия
вкусом хурмы на губах.

Мне по-весеннему весело
чувствовать это тепло.
Пальма одежды развесила,
нежа зелёную плоть.

И на безлиственных веточках
ярко алеет хурма.
Что за немислимый свет в очах
мне подарила зима?

Не ледяная, не снежная
в думах о прошлом печаль,
а удивительно нежная,
словно открытая даль.

Может, мы больше не встретимся,
но, чтобы память сбересть,
помни, продутая ветром вся,
ты мою русскую речь.

Всё снег и снег. Зима такая,
какой уж не было давно.
И, как снежинки, дни, мелькая,
ткнут жизнь мою, как полотно.

В сиянии продолговатом
голубоватых фонарей
я с ночью снежною сосватан
печалью тёплой моей.

Пусть всё забудется, я буду
стоять, как прежде, у окна,
доверясь вьюге, словно чуду
из позабывшегося сна.

Ефим ГАММЕР

г. Иерусалим, Израиль

Ефим Гаммер родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), жил в Риге и в Сибири. Окончил русское отделение журналистики Латвийского госуниверситета, работал в газетах «Латвийский моряк» (Рига), и «Ленские зори» (г. Киренск, Иркутская обл.). Автор 28 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, обладатель Гран-при и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии. Работает на радио «Голос Израиля». Редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний kaleйдоскоп», член израильских и международных союзов писателей, журналистов художников, входит в редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия). Публиковался в ряде литературных изданий России, США, Израиля, Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран, переводился на иностранные языки.

Времена года

Зима

1

И всё-то, всё-то – ничего.
Зима, снежинки.
Нева, покрытая ледком,
как бы в простынке.
Изба, разбойное крыльцо –
ногам подсечка.
Заиндевелое винцо,
шальная печка.
И всё-то, всё-то – в полусверк
ушедшей ночи.
Летит сквозь жизнь, летит сквозь век,
ворчит, пророчит:
«Река вдруг вскроется. Пойдёт
в скелетном гуде.
И лишь того не кинет в пот,
кто жив не будет».
И всё-то, всё-то – трин-трава.
Больной – в порядке.
Играет с веком жизнь-вдова,
играет в прятки.

2

Кони мёрзнут. Кони храпко
зубы скалят. Ветер, сгинь!
Стынь схватила их в охапку.
Берега реки – тиски.
Санний путь, морозный, стонет.
Взмах кнута, испуг теней.
Кони! Кони! Кто в погоню?
Кто догонит их теперь?
Коль согрет ты, коль укутан,
быстро с негой распростиись.
Брызги снега – в высь, к Усть-Куту,
тройка вдаль, взрывная рысь.
Воздух плотен – не бесплоден,
он рождает долгий свист.
Кони! Кони! Бес им сроден,
быстроног и норовист.
Мир простыл. Дрожит, злосчастный,
под хрустальный звон вожжей.
Бьют копыта, бьют по насту,
как по лезвиям ножей.

3

Ну и колетса у околицы
снег буравчатый, озорной.

Над ракитой, как ракетой,
небо выстрелило луной.
И весёлыми новосёлами
обживаются в полумгле
первоснежинки на валежнике,
на берёзах и на земле.
Невесомые напоенные
свежим соком небес тугих
их восторженно и встревоженно
принимают сердца и стихи.

Весна

1

Под стук колёс
В оконной мгле
Мельком
Проскальзывают блики.
Лечу
По Матушке-Земле
Сквозь Балтику,
Из Петербурга в Ригу.
Я помню мир
Без виз и без границ,
Когда поездки
Были вроде спорта.
Считай, что ты
Из перелётных птиц,
Без паспорта,
Без визы и досмотра.
Лечу по рельсам,
Вспоминая вновь,
Что в давний мир
Меня позвала снова
Не жажда приключений,
А любовь –
Длиною в жизнь,
Пусть в ней всего в три слова:
«Люблю и жду»!
Ну что ещё в раздрай?
«Достать чернил и»,
Нет, не стану плакать.
Сто капель коньяка,
Горячий чай
И тульских пряников
Подслащенная мякоть.
Какая тьма!
Какой нас ждёт рассвет?
Но рельсы не свернут,

К былой веда Отчизне,
Туда, где нам
Совсем немного лет,
И словно рельсы,
Параллельны жизни.

2

Всё призрачно,
Что вижу я в былом.
Колеблемый
Незримыми ветрами,
Лечу к тебе.
А жизнь, меняя рамы,
Идёт во мне –
Притворна! – напролом.
И лицедействует,
Как в драме,
Житейским
Политой дождём.

3

Немыслимо, но я живу былым,
Как телеграмма давними словами.
Лечу к тебе. Но как развеять дым?
Пробиться как? В неясной панораме
Я различаю губы и глаза.
Они твои, зато морщинки «наши».
О, не старей! Тебе стареть нельзя.
И без того себя уже ты старше.
Из круга жизни – общих зим и лет –
Ты в круг иной вошла – в моё былое.
Любовь! Я постигаю твой рассвет
Не на рассвете... Позднею порою.
Мой поздний час, вновь чувства прояви,
Чтоб – опалённый невозможной ранью –
С любимую я снова был на «Вы»,
Как в первый день, за век до расставанья.

Лето

1

Невские белые ночи.
Помыслов росные капли.
Вынесло в многоточье
шпильки, кинжалы и сабли.
Плавятся в прелости звуки.
Сеются в праздности слоги.
Призраков стильные руки.
Странной окраски тревоги.
Сны натекают ленно
лепетом лживости детской.
Пахнет невысохшим сеном
и очарованным сердцем.

2

И спутник старинных сказаний,
и пленник наследственных сил,
я нервно – стихом осязаний –
в словесных пределах бродил.

Вызваливал формулу чувства
из дебрей придуманных дней.
И Синяя Птица Искусства
стеклянно мерцала в окне.
Вломились незванные сроки,
оконные смяв миражи.
И снова судьба на пороге
у правды-неправды – души.

3

Зорька лижет дымный стланик.
Юркий глиссер воду пенит.
Мне сродни – такой же странник –
чужд он злодремотной лени.
Мчит по Лене. Чит парень.
«Жить бореньем!» – во весь голос.
Не в бегах... Он вечный пленник
скорости плюс снова скорость.
И летит, как бы ужален,
из мгновения в мгновенье,
кровоной сибирский шарик
по речной сибирской вене.

Осень

1

Приятель, тротуар, тебя здесь не найти.
Здесь взапуски со мной шоссе несётся.
Я обогнал асфальт. Просёлок впереди
и с горизонтом спорящее солнце...
Плыви себе, как будто сквозь года
Непознанной гористой параллелью.
А позади – их светлость – города,
как наказание, боль, похмелье.

2

Бездомность, суета отринутого мира.
Повергнутая в чувство цветотень.
И не до жиру. И опять мигрень
от ощущения: будто в центре тира
стою – открыт для пули и ножа.
Разборчиво перо, забывчива душа.
Вновь сосланы года на каторжную память.
И трезвый разум, честью дорожа,
всё полагает, что пришло править.
Но «полагает» – это не приказ.
Не выправить ни слова, жеста, шутки.
И прошлое живёт и мчится на попутках,
чтобы догнать меня, ворваться в этот час.

3

Асфальты – в горизонт, обманный час распутья,
сомнений пустоцвет, затейливый покой,
и медленно текут ручьи по руслу сути,
и сердце говорит с непознанной судьбой.
Разбрызганы во тьме проплешины сиянья –
не лунные, не звёздные, а истины и лжи.
И привлекает жизнь реальность и преданье,
соединив в горсти лучи земной души.

Сергей КРИВОНОС

г. Сватово, АНР - Россия

Кривонос Сергей Иванович. Член Межрегионального Союза писателей, Международного сообщества писательских союзов. Автор 16 книг стихов (для детей и взрослых). Лауреат Международной литературной премии им. Сергея Есенина (2012), литературных премий им. Николая Ушакова, Михаила Матусовского, Бориса Гринченка, Татьяны Снежиной, Владимира Даля. Победитель ряда международных и всероссийских литературных конкурсов. Журналист. Редактор газеты «Сватовский вестник».

«Где твои, что под цвет ежевики, глаза...»

В твоём лице есть что-то от весны,
От всех апрелей будущих и прошлых.
Проталины морщинок осторожных
Улыбкой добрых глаз освещены.

В твоём лице от лета что-то есть.
Когда приходишь ты, теплеют будни,
И на душе становится уютней,
Как будто добрую прислали весть.

В твоём лице и белизна зимы,
И осени задумчивость лесная.
Что будет с нами завтра, я не знаю,
Но знаю, будет мир с названьем «Мы».

И, небо исписав наискосок
Безоблачными буквами созвездий,
Хмельная ночь нам окна занавесит
И бережно прижмёт к виску висок.

Над бесконечностью полей
Висит прохлада дождевая,
И вьётся нитка журавлей,
Разрывы облаков сшивая.

И хочется сейчас пойти
Туда, где затаилось лето
И ветер, спутав все пути,
Прилёг вздремнуть у бересклета.

Где, яркой желтизной горя
Над ветками усталых клёнов,
Бежит счастливая заря
На цыпочках по небосклону.

Опять сегодня небо всем проходим
Взглянуло доверительно в глаза.
И показалось – что-то Бог сказал...
А нелегко осилить слово Божье.

Послышались стихи. А в них тревога,
Печаль и радость, осень и весна.
Что на земле, что наверху у Бога
Поэзия, наверное, одна.

Мне вспомнились шаги через запреты,
В стихи перераставшие грехи.
Стихи всегда значительней поэта,
Когда они действительно стихи.

Я думал о тебе. О днях беспечных,
Возвышенных судьбою и тобой.
Любовь всегда сильнее сомнений вечных,
Когда она действительно любовь.

Ещё не раз встречаться, расставаться,
Быть злым и добрым, трезвым и хмельным,
Но всё-таки дано объединяться
Стихам небесным и стихам земным.

И где бы ни был, ни скитался где бы,
О чем я ни мечтал бы,
позарез
Мне нужен взгляд распахнутого неба,
Как во Христа поверившему – крест.

Стихи мои, взлетите выше в небо
И навестите дальние края.
Я в тех краях ни разу, может, не был,
Но люди там такие же, как я.

Взлетите и кому-то станьте другом.
В полёте будьте плавны и легки,
Как аист, возвращающийся с юга,
Как голубь, с детской пущенный руки.

Были море, причалы и скалы,
То хлестали ветра, то ласкали,
Были волны, и не волновала
Молва.

А ночами ворчали печали,
Но печалей мы не замечали,
Величавые нас обручали
Слова.

Лето в Лету готовилось кануть,
Многоводна она постоянно.
И промолвил сосед, у фонтанов
Бродя:

«Вы такие наивно простые,
Вы своё, дай-то Бог, отгрустили,
Вы давно бы друг друга простили,
Друзья».

Ты глядела в глаза нефальшиво,
Ты была горделиво красивой
И счастливой среди прихотливых
Красот.

И к тебе, вопреки всем запретам,
Полевая тропинка из лета,
Не великого пусть, но поэта,
Ведёт.

И на стыке отчаянных криков,
Там, где нету толпы многоликой,
Где твои, что под цвет ежевики,
Глаза,
На просторе, где поле, где воля
И где нет ни печали, ни боли,
Предстоит одинокие доли
Связать.

Александр КОБЕЛЕВ

п. г. т. Новонкутск, Иркутская обл.

Кобелев Александр Афанасьевич – член Союза писателей России. Трижды лауреат международного поэтического конкурса «Звезда полей». Автор 6 книг стихов для взрослых и детей. Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Под лоскутным тёплым одеялом...»

(Из цикла «Картинки из детства»)

Я не сплю, не знаю час который,
Только знаю, что лежу давно.
Сквозь полузадёрнутые шторы
Диск луны глядит в моё окно.

В полуночном небе, как поётся,
Светит незнакомая звезда.
И висит задумчиво, не вьётся
Триколор над зданием суда.

А тоска в душе – сплошным потоком.
И тогда, чтобы кошмар исчез,
Возвращаюсь я к своим истокам,
Возвращаюсь в свой далёкий лес.

Я вернусь к тропкам детским, заветным.
Всё со временем в памяти стало
Тёплым, лёгким и разноцветным,
Как лоскутное одеяло.

Может быть, ваше сердце согреют
Лоскутки разноцветного ситца.
Не тускнеют они, не стареют.
Я хочу тем теплом поделиться.

Для стихов взял из детства наива,
Лоскутками всё сшил, как попало.
Я хотел, чтобы вышло красиво,
Как лоскутное одеяло.

...Сосенки макушками качают,
По тропинке я иду босым.
Всё, меня теперь не величают,
Сашка я опять, Афонин сын.

Облупился нос ещё до лета –
Солнце в мае грело горячо.
Лямочка от шкер моих продета
Портупейей через правое плечо.

С саблей-палкой, храбро наступая,
Я сейчас жестокий бой приму.
Я – боец дивизии Чапая,
Не позволю утонуть ему.

Где шиповник выпустил колючки,
Все деликатесы на виду –
Кислица, саранки, щавель, пучки.
Надо съесть, я мимо не пройду.

Разговор крестьянок
забуду я едва ли,
Что вспоминали молодые дни,
То время, как селянам
паспорт не давали,
Чтоб в город не уехали они.

Но кой-кому по благу
сельская управа
Свободу в виде паспорта дала.
И женщины сказали,
что крепостное право
Им не дало уехать из села.

Я понял право так:
работой ты загружен,
И без тебя никак не обойтись,
Тебя в селе оставят,
а если ты не нужен,
На все четыре стороны катись.

Наша школа – старый пятистенок,
Всё давно знакомое для нас.
Как заходишь – «зал» для переменок,
А за ним уже учебный класс.

Вот встречает школа первоклашек.
Мы идём командой одной,
Мы – Тамара, Вася, двое Сашек.
Кирзовые сумки за спиной.

Школа будет мне как развлечение,
Вся наука для меня проста –
Я ведь знаю три стихотворенья
И уже могу считать до ста.

Пролетели первые недели,
Осенью повеяло с полей.
Как же мне уроки надоели!
Бегать по посёлку веселей.

Но звучит, как горькая отравка:
«Делу – время, а потехе – час».
Что такое крепостное право,
Я изведаль в жизни в первый раз.

...А сейчас лежу себе в постели.
Как же я остался не у дел?
Как же мне хворобы надоели!
Как же телевизор надоел!

За окном весенняя водица,
Птицы славят раннюю весну.
Утро. А куда мне торопиться?
Да когда ж я, наконец, усну!

Мне сейчас бы крепостного права,
Чтобы снова жить на кураже.
Как же всё нелепо и коряво.
Да когда же я засну уже!

Под лоскутным тёплым одеялом
Мне, я верю, лучше бы спалось.
И хоть видел в детстве их немало,
Но поспать под ними не пришлось.

Иван НЕЧИПОРУК

г. Горловка, ДНР – Россия

Действительный член Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария). Редактор журнала «Пять стихий».

Автор 15 книг стихов и 3 книг прозы. Член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России.

Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Нарушая промысел поста...»

Если мы выжи...

Если мы выживем в этом огне,
В этом густом удушающем дыме
И, вспоминая об этой весне,
Сможем ли мы укротить этот гнев?
Если Господь нас оставит живыми...

Сколько в сердцах накопили мы зла,
В списках потерь без конца и без края?
Нас угнетали тревога и мгла,
Мы выгорали от боли дотла.
Рок выл над нами, как псина дурная.

Как это всё обнулить и забыть?
Нам говорили, что нужно быть выше.
Только обиды суровую нить
Не оборвать, но и страшно хранить...
Если мы выживем, если мы выжи...

Ни предчувствий, ни наитий.
Задыхаясь в ложном быте,
Вскрикнуть хочется: «Держись!».
Через жернова событий
Нас прокручивает жизнь.

Но идём ветрам навстречу,
Позабыв, что время лечит,
Отгоняем липкий страх...
А идти-то нам далече –
Долог путь из праха в прах.

Широкино

Здесь мир растерян: быть и небыль.
Посёлок-призрак занемог,
Он, одичав, в траве заглох.
Сквозь сердце прорастает к небу
Синеющий Петров батог.

Домов расстрелянные крыши,
Печальной лебеды плюмаж,
Посёлок только страхом дышит,
И плач его лишь ветер слышит,
Да заминированный пляж.

Эта боль

Хиросимой выцвела земля,
Посрывало кроны тополям.
Кряж, покрытый оспами воронок,
К небесам свой устремляет взгляд,
Пульс надежд его предельно тонок.

Эту боль придётся оправдать,
Ветер замечает города –

Ветер страха, безнадёжной мути.
Нынче смерть накроет Соледар,
Завтра разгуляется в Бахмуте.

Городов обломки скорлупой
Скорбно хрустнут под твоей ногой
И, не веря трелям соловьиным,
Ты придёшь, от горечи слепой,
Жгучей болью омывая руины.

Галине Павлютиной

В огне войны не отогреться,
Смерть правит правила игры –
Войдёт рассвет осколком в сердце...
И жизнь уносится в обрыв.

Ты веришь, что ещё не поздно,
Но сквозь восход сочится мгла.
Уходит жизнь, и тают звёзды
В проёме рваного стекла.

Нахожу свой путь...

Я с душою чёрствою, как камень,
Нарушая промысел поста,
Изливаю боль под облаками...
Оттолкнуться б от земли ногами,
Только под ногами – пустота.

Это ли теперь не преступленье –
Верить в твердь потерянных годов?
Вновь теряя связи поколений,
Я ловлю руками чьи-то тени,
И к потерям новым не готов.

Но пока в душе трепещет вера,
И ещё бессильны плен и тлен,
Болью обретаю чувство меры:
Не щадя ни памяти, ни нервов,
Нахожу свой путь в кромешной мгле.

Дитя волнующих степей

Такая благодать от пышных трав,
Не ясно: спишь в раю, а может умер ты...
То чабрецы, то вдруг встают лазурники,
А с неба льётся первая жара.
Июнь – неизречённая пора:
Полынен день и молочайны сумерки.

И я, дитя волнующих степей,
Не до конца поняв предназначение,
Гляжу на трав спокойное течение,
Где гармоничны маки и репей.
Где боль моя становится слабей,
Где в сердце зарождается свечение.

Ирина АРТАМОНОВА

г. Москва

Член Союза писателей России (МГО СПР), Союза литераторов России (СЛР). Автор 11 книг стихов и 2 книг прозы.

«Не грусти, я приду...»

В Рождество Христово

Лес с ликованием встретил Рождество
В наряде праздничном из серебра, брильянтов.
Родился в ночь защитник наш – Христос,
Как значится в старинных фолиантах.
Иисус Христос принёс на Землю свет
Любви, надежды,
На многие вопросы дал ответ,
Открыл нам вежды,
Чтоб научились отличать добро от зла
В Земной юдоли
Чтобы навсегда,
По доброй воле
Мы согласились жить в ладу
Друг с другом, с Богом...
Я лесом праздничным иду
Путём-дорогой.
Чистейший снег и белый лес
Меня приветит,
И солнце ласково с небес
В лицо мне светит.
Отец и Сын и Святый Дух
Во всём, что вижу.
А я слова свои в стихи,
Как бусы, нижу.
И благодарность, и восторг
В душе и в сердце.
Люблю Тебя, Отец мой, Бог.
На свете
Нет никого, Тебя мудрей, добрей, прекрасней.
Боготворю, благодарю Тебя за счастье...

Доброжелательно молчит
Мой лес сегодня.
На ствол, что рядышком стоит
Кладу ладонь я.
Моя любовь, его любовь
Смешались.
До новых встреч, мой лес, с тобой
Прощаюсь...

Лёгкий морозец. Всё в снежном уборе.
Трио ворон на соседнем заборе.
Солнышко яркое в небе высоком.
Тает немного снежок на припёке...
Пахнет как будто мочёной брусникой –
Только из бочки, из погреба чистого –
С глазками синенькими голубики,
В миске оранжевой – пряно, душисто...

«День чудесный!»

«Мороз и солнце» – это классика.
Ну, что же делать, если так!
Сидит на лавочке кот с бантиком,
Блестят снежинки на когтях.

И снег блестит, как будто крошкой
Алмазною посыпан он

Рукою щедрой. Всё прекрасно!
Хрустят ледышки под ногой
На тропке узкой. Солнце яркое
Слепит глаза. А Дед Мороз
Мне щиплет щёки и украдкой
Пытается схватить за нос...

Деревья дремлют, мирно нежась
В лучах холодных. Им приятно
Ядрёная мороза свежесть...
Я нагулялась. Мне обратно –
Домой пора. Темнеет рано.
И скоро уж в лучах закатных
Зарозовеют крыши, храмы...
Изменит цвет свой панорама
Большого города... Зажгутся
Его огни. В домах – окошки
Засветятся теплом, уютом.
Снегов брильянтовые крошки
Заблещут тёмным перламутром...
И тонкий месяц улыбнётся,
Взирая с высоты на город...
И где-то фейерверк взорвётся,
Пугая тишину и холод...

Я приду

Мелкий снег с неба медленно сыплется.
Минус два. Тишина и покой.
Словно в дымке прозрачной всё видится:
Город, лес... При погоде такой
Хорошо мне шагать узкою тропкою
Между сосен, мохнатых елей,
Наблюдать за пичугою робкою,
Чуть заметной среди частых ветвей.
Ветер треплет деревьев макушки,
Надувая ланиты свои.
А внизу – тишина. На опушке
Что-то дружно клюют воробьи.

Много лыжников в курточках ярких.
Дети с горок на санках летят.
Ну, спасибо, Зима, за подарки!
Стайка шустрых, бесстрашных ребят
Вместе кубарем с горки скатилась,
И внизу – уже «куча мала».
Звонким хохотом всё огласилось –
Веселится, шалит детвора.
Посветлело. Рассеялись тучи.
Впереди голубой небосклон.
Улыбнулся вдруг мне дуб могучий:
«Добрый день», – прошептал тихо он.
Добрый день – мой хороший. Спасибо,
Что ты есть, что ты здесь, дорогой.
Мы с тобой подружиться могли бы,
Хорошо мне тут рядом с тобой...
Но, пойду. Загулялась я что-то,
Ветерок вновь крепчает, смотрю...
Снова дворникам будет работа –
Снег пошёл... Не грусти, я приду.

Яков ШАФРАН

г. Тула

Шафран Яков Наумович. Родился в 1950 году. Два высших образования: в 1973 г. окончил Тульский политехнический институт по специальности «Двигатели летательных аппаратов», в 1998 г. – Высший психологический колледж по специальности «Практический психолог». Автор 8 книг стихов и прозы. Публикуется в литературных журналах и альманахах. Лауреат ряда литературных премий. Заместитель главного редактора литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег». Действительный член Академии российской литературы. Член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, Российского союза писателей.

Из новых стихов

(октябрь – ноябрь 2023)

Давно у меня уже говор московский,
Но в памяти живы Санёк Зеленковский,
Авраменко Коля и Сашка Драчёв,
И Сёмки Рожавского рядом плечо.
Посёлок под Гомелем. Детство сурово.
Войны ещё эхо звучит с каждым словом.
Но липы вдоль улицы в окна глядели,
И не самолёты летали – модели.
Однажды, когда закрутилась позёмка,
Уехал Санёк, уехал и Сёмка –
В большие далёкие жить города.
Казалось, на время, но нет – навсегда.
О, где же те годы и где моё поле?
Остались в посёлке Драчёв друг и Коля.
Когда снова выюжные ветры задули,
И сам оказался я в городе Туле.
Где липы вдоль улицы, посёлок и дом мой?
Гудок паровозный, и я, вдаль влекомый.
Зачем же ты, время, промчалось тайфуном?
Зачем же ты стёрло тот жизни рисунок?
Эх, снова б увидеть ребячьи те лица!
И сердце моё в тот посёлок стремится.
Санёк Зеленковский, Авраменко Коля...
Ушло, всё ушло, и не будет уж боле.

Как дни наши быстро проходят,
И мчатся года – год за годом.
Вчера во дворе мальчик-шкода
Ещё сотрясал птичьи гнёзда,
Пускал самолёт из бумаги
В полёт в небосвод высокий.
От дома почти в полушаге
Журавль вил гнездо на рассохе*.
И птицы несмелые пели,
И солнцем деревья дышали.
Сестрёнка спала в колыбели.
И были светлы ещё дали.
Не знал, что в судьбе закорючка
Случится нежданная позже.
Не знал он, что малая тучка
Грозой обернуться так может.

*Рассоха — столб с раздвоением наверху, где крепится жердина, от которой работает подъёмный механизм колодца типа «журавль».

Творили на кухоньках жёны.
Как долги в тоске вечера!

Глядели в окно напряжённо,
С надеждой на святы иконы.
Вертелась рядком детвора.
А где-то в безрадостной дали,
Где метр ползком, как верста,
Где взрывами дыбом вставляли
Земля и бетон, там в отвале
Текла чья-то кровь, как вода.
И дети тоскуя глядели
На свой «боевой» арсенал.
И в играх, стреляя по цели,
Душой ежедневно летели
Туда, где отец воевал.

Каков окончательный смысл
Любого события, дела?
Ведь в жизни лишь два предела,
Какие дарует мысль.
Пределом является смерть.
Другой по значенью — Отчизна.
Каким к ним пришёл, скажет тризна.
Оценки до ней не иметь.
Влияньем же прошлых веков
Пока будешь белой вороной.
Однако не встань в оборону,
А стой за добро и любовь.
Придёт вслед прощения смысл,
За ним – благодарности мысль.
И если покличут на бой,
Ты сердцем Отчизну накрой.

Посреди громыханья войны
Он привык засыпать под обстрелом
И во сне уноситься в пределы
Милой сердцу родной стороны,
Где качает сынишку жена,
Где родители тихо тоскуют.
Спит. Пока на атаку крутую
Не поднимет его старшина.
Не заснуть, лишь когда тишина,
Без привычных ночами разрывов, –
Ей не верь, изначально ведь лжива:
Знать, готовит ловушку война.
А вдали молит женщина-мать:
«Ох, сына сохрани и помилуй,
Чтоб с победой вернулся мой милый,
Боже Правый – Твоя благодать!».

Александр ГАХОВ

г. Советск, Калининградская обл.

Гахов Александр Константинович. Родился в 1952 году в г. Обоянь Курской области. Окончил Тамбовское военное авиационно-техническое училище им. Ф. Э. Дзержинского, 25 лет служил в армии. Автор ряда книг стихов и прозы. Член Международной ассоциации писателей и публицистов, член-корреспондент Академии Поэзии (Москва). Член Союза писателей России.

«Не живут без корней»

Судьба моя, не надо суеты,
Любви, терзаний – это всё пустое!
Всему ведь есть решение простое:
«На мудреца довольно простоты».

«На мудреца довольно простоты».
Незыблемость вершин по жизни мнима,
И если то душе необходимо –
Больней на землю падать с высоты.

Больней на землю падать с высоты,
На грудь её, да со всего размаха!
Цена деяний – чаще горстка праха,
Безвременье Великой пустоты.

Безвременье Великой пустоты...
Мой страх лежит меж топором и плахой,
Но дразнит твоя красная рубаха.
Судьба моя, не надо суеты!

Там, где волны, сутулясь,
Выносят на берег янтарь,
Где на дюнах гудят на ветру
Корабельные сосны,
На краю у Европы
Лежит удивительный край –
Тот, в котором живу
И с которым судьбою я сросся.

Не святою водою,
А кровью живой в сорок пятом
Окропил эту землю мой дед,
Уподобясь мессии, –
Всю войну, под завязку,
Прошёл он в пехоте солдатом,
И отсюда бабулю
Нашла «похоронка» в России.

Я судьбу не корю
Ни за крутость её, ни за милость.
То, что было – то было;
Назад никого не вернёшь...
Но у братских могил
Там, где юность их в бронзе застыла,
Ты ясней понимаешь,
Зачем в этом мире живёшь.

Вгрызалась рота в темноту,
Кострами землю согревая,
Спешила – завтра поутру
Проляжет здесь передовая.

На кон война поставит жизнь,
Разделит на живых и мёртвых,

Судьбы своей не избежишь,
В щелях не спрячешься промёрзлых.

А где-то там, в ночной глуши,
Затеплив свечечку у иконы,
За их спасение души
Молились матери и жёны.

Объединяя их в одно,
Роняя слёзы звёзд над полем,
Небес стальное полотно
Им не сулило лёгкой доли.

Два раза брали высоту,
Два раза шла в огонь пехота.
Неся, как знамя на ветру,
«Ура!» и матерное что-то.

Два раза брали высоту
У разорённой деревушки,
И слышно было за версту,
Как тяжело вздыхают пушки.

А после боя, заглушив
И злость, и боль в затылке битом,
Солдаты – кто остался жив,
Справляли тризну по убитым.

Присев у скорого огня,
И, помянув из мятой кружки,
Шли под гармонь, забыв себя,
Вприсядку с озорной частушкой.

И, заплетая виражи,
В большом огне не видя брода,
В том отпевании души
Языческое было что-то.

Не живут без корней

Там, в далёких краях, где пылали чужие закаты,
И в больших городах, где себя я на прочность пытал,
Свет далёкой звезды, по ошибке считая наградой,
Я заплатой к судьбе по ночам через край пришивал.

Не живут без корней. Я вернулся, молитвой хранимый,
В небольшой городок – всем преградам в пути вопреки.
И кружит голова от дыхания сладкого дыма,
Что плывёт от костра у знакомой из детства реки.

Только пусто вокруг, и вороны, как дымные клочья,
Над церквушкою ветхой, чья нить в небеса не прочна.
Лишь берёза, как старая дева, стоит непорочной,
Шелестя на ветру, мне кивает: «Привет, старина!».

Вот и старый мой дом, но отец не стоит у порога.
Опустело гнездо, мать, как встарь, не глядит из окна.
Слишком долго я шёл, поздно понял: дорог в жизни много,
Лишь в родительский дом через сердце проходит одна.

Александр СОКОЛОВСКИЙ

г. Магадан

Соколовский Александр Валерьевич (родился 15.08.1969г.) – автор 2 книг стихов: «Мои настроения», «Такой же, как все...». Лауреат 1 межрегионального творческого фестиваля славянского искусства «Русское поле» (2012). Публиковался в местных СМИ, московском коллективном сборнике «Душа – птица вольная» (1998), российских и зарубежных журналах и альманахах, в том числе и в журнале «Северо-Муйские огни» (2017, 2018). Имеет благодарность от министра культуры РФ, награждён знаком общественного признания «Золото Магадана» (2016).

«Раскрыты окна всем ветрам...»

Большие «мелочи»

В нашей жизни немало больших «мелочей»:
Пенье птиц – чародейные звуки,
В полусумерках храма мерцанье свечей,
Радость встречи от долгой разлуки;

Резкий ветра порыв там, где время летит
Сквозь песок или острые камни,
Детский смех, скорбный плач –
тот, который навзрыд,
Да на окнах с изгибами ставни;

Слово доброе, нежно звучащее вслух,
Когда это необходимо,
Светлый ангел с улыбкой, вселяющий дух,
Что витает над нами незримо...

В нашей жизни немало больших «мелочей»,
Что текут, как живая вода,
Согревая сердца беззащитных людей,
Оставляя в них след навсегда...

06.02.2023

Пасха

Сизый голубь обронил перо...
Вздрогнул огонёк свечей...
И на сердце стало так светло,
Словно не бывало тьмы ночей.
Осветило солнце купола,
Ветер крест расцеловал.
В вербном отражении окна
Расплескалось начало всех начал...
Утонула тишина,
В синей глубине небес.
Колокольный голос надо мной
Возвещает, что Христос воскрес!

04.04.2023

По струнам зимы приударила вьюга,
Мороз от волнения руки разжал,
Взметнулись аккорды, держась друг за друга,
Волшебный ноктюрн над землей зазвучал.

И хрупкие льдинки прозрачно звенели,
Серебряный снег под ногами хрустел,
А ноты звучали, а ноты летели,
И ветер, от счастья зажмурившись, пел.

Носилось крещендо от края до края,
И холодно ритм отбивал метроном.
А вьюга, по струнам зимы ударяя,
Смеялась, мечтая о чём-то своём.

08.11.2023

Память

Растворилась звезда в одиноком
гранёном стакане.
По стране разбросало гвоздики –
кровавый букет.

И печально закат обронил
кумачовые ткани...
Ветер жалобно выл и скулил
по тому, кого нет...

И гремучей змеёй
мне за окнами тьма показалась,
Лихорадочно кожу кусая,
пробежал холодок...
И горбушкой хлеба луна
в небесах оставалась...
Отражение в водах реки,
как последний глоток...

Ночь, конечно, пройдёт,
и, конечно же, утро настанет.
И опять разольётся ручьём
детский смех во дворах...
Только будут над миром витать
молчаливая память
И слова о былом оживать
на наших устах...

Раскрыты окна всем ветрам,
Нет жизни шторам горемыкам.
И скачут мысли тут и там
По стеллажам и старым книгам.

Чуть слышно тикают часы,
Свои следы оставит время.
Гремят за стенкою басы,
Поют иные поколения.

А ветры дуют всё сильнее,
Играя разноцветным флагом
Другой страны, других идей,
Иных забот, другого блага.

Шумят и молкнут города...
Свет электрический мерцает...
Вдаль убегают провода,
За горизонтом исчезают...

И, поклонившийся иконе,
Горящей в сотни киловатт...
Сжал часовщик в своей ладони
Потёртый, старый циферблат.

Казалось, всё на миг застыло,
Мгновенья стрелками согнуты...
Шаг время не остановило,
Сквозь пальцы капая минуты...

02.09.2023

Лидия ПАЩЕНКО

г. Омск

Пашенко Лидия Николаевна. Родилась в д. Любимовка Исилькульского района Омской области. Окончила Московский институт НХиГП им. И.М. Губкина. Член Омского областного литературного объединения им. Я. Т. Журавлёва. Публиковалась в антологии произведений омских писателей «Годовые кольца» (2012), в сборниках «Журавлиный оклик» (Омск, 2013г.) и «Журавлёнок»; в омском альманахе «Тарские ворота»; в омских журналах «Иртышъ–Омь», «Преодоление»; в поэтической антологии «Когда сильна уверенность в тебе. Омск. XXI век», в журналах «Северо-Муйские огни», «Саксагань» (Кривой Рог). Стихи вошли в серию миниатюрных книг, посвящённую 300-летию г. Омска «Поэтическое слово. Омские поэты. Антология» (Омск, 2016). Автор ряда книг стихов. Литературный редактор журнала «Иртышъ–Омь».

«Где заждались трамвайные пути...»

Уходит Год. Он не вернётся.
И лодку подогнал Харон.
Но, под бокалов перезвон,
Что в сердце эхом отзовется?

Привычной меркой не измерен,
Он был предельно уплотнён;
Тревожен, как бредовый сон.
Но Год ведь не был злонамерен?

Как доброты его приметы
В пустой породе иногда
Мы находили самоцветы –
Как в наши лучшие года.

В приметы добрые поверим!
Уходит Год. Ему простим.
Простимся. Поблагодарим
И новому откроем двери

С надеждою, что будет тот
И справедливей, и красивой.
Пророчески поднимем тост:
«Победа будет за Россией!».

Пристрастия

А надо ль спорить о пристрастьях –
О вкусах сердца и ума?
Кому-нибудь милей ненастье
И меланхолия сама.
Грустить в осенние аллеи
Идёт мечтательный, седой, -
Ему сквозь дождь вдали алеет
Шарф незнакомки молодой.
Другому – дай шальное лето!
Чтоб шашлычок у Иртыша,
Костёр и песни до рассвета.
Гуляй, сибирская душа!
Скользили б синие стрекозы
Над серебристою волной,
И, гроз не слушая угрозы,
Пошёл бы дождичек грибной.
Спрошу себя: а я люблю ли,
Лукавым словом не греша,
В цвету юни да июли?
Что ж, песня лета хороша.
Но мне, что рождена в студёный
Первоянварский вечерок,
Родней и радостней ядрёный

Мороз, куржавящий порог,
Затейливой зимы забавы:
В закатном розовом огне
Доисторические травы
Мороз рисует на окне.
От ёлки – аромат хвоинок,
И мы – у камелька вдвоём...
И тают сладко крошки льдинок
В согретом имени моём.

Метель – медсестра
безграничной больничной палаты –
Бинтует снегами
стерильными тело земли.
А снежные хлопья,
белей хирургической ваты,
Защитным покровом
на стылые ветви легли.
Разреженный воздух
морозом лечебным пронизан;
Пространство кварцует
синею лампой луны.
И гасится боль...
...Под заснеженным мира карнизом
Земля набирается силы
к рождению весны.

Мой белый зверь

Открыла дверь, – восторгом окатило:
Такой обильный выпал за ночь снег!
Он, словно белый зверь, большой и милый,
У ног разлёгся и взьерошил мех.

Нежнейшим пухом встречно подлетают
Снежинки, по-балетному легки,
И, ласку мне отдав, покорно тают,
Подобьем слёз стекая со щеки.

Раскаянье охватывает душу:
Напомнил снег ту давнюю вину.
Вздых не сдержу: ну как же я нарушу
Следами ног такую белизну?

Но надо ведь дойти до поворота,
Где заждались трамвайные пути.
Шаг первый тяжёлый. Остро жаль чего-то...
Мой белый зверь, прости меня.
Прости.

Валерий МАЗМАНЯН

г. Москва

Мазманян Валерий Григорьевич. Родился 9 июля 1953 года в семье военнослужащего. В 1975 году окончил Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Работает в системе образования. Автор книги «Не спросишь серых журавлей».

«И в снах остаются не зимы, а вёсны...»

А голубь бьёт поклоны у крыльца

Светаёт в восемь, сумрак – к четырём,
уже привычна канитель,
алмазной крошкой снег под фонарём
вчера украсила метель.

Белить дома и рощицу устал,
исчез в проулке снегопад,
сугроб пугают тени от куста
и звуки дворницких лопат.

Не хочешь, а поверишь – постарел,
тряхнуть бы сединой разок,
берёза, чтобы не забыть апрель,
на ветке вяжет узелок.

Сотрутся с памяти черты лица,
в былое ночью убегу...
а голубь бьёт поклоны у крыльца
за крошки хлеба на снегу.

Кленовый лист в зеркальной луже
застыл кусочком янтаря,
а ветер рой снежинок кружит
вокруг ночного фонаря.

Твой силуэт в оконной раме
и чёрных веток кружева,
немало было между нами,
но главное – любовь жива.

Во взглядах больше откровений,
и ночь такая, как хотел,
сугробы встали на колени
в надежде вымолить метель.

Забудь, что мы не удержали
и что теряли на бегу...
А тени зимние скрижали
напишут вязью на снегу.

Снежинкой мотылёк воскрес

Штрихует ветками калина
оконный сумрак по косой,
а если бы ты позвонила,
я в ночь бы кинулся босой.

Сугроб разлётся тушей гладкой
и спит себе спокойным сном,
с бессонницей играю в прятки
и прячусь от тебя в былом.

А припозднившийся прохожий
за тенью собственной спешит,
весь путь – от истины расхожей
до мудрости своей души.

Влюблённый верит, знают дети,
что наша жизнь полна чудес...

снежинкой – вдруг в фонарном свете –
сгоревший мотылёк воскрес.

Но я ещё не ведаю...

Сугробы дремлют тучные,
под снегом ветка хрустнула,
припомните по случаю
в мою минуту грустную.

Ещё декада минула,
луна уже в три четверти,
зима – пора унылая
холодным длинным вечером.

Глаза закроешь – прошлое
шумит в душе вокзалами,
осталось – всё хорошее
и слово запоздалое.

С печалью справлюсь, с бедами,
и лёд на речке тронется...
но я ещё не ведаю,
что вы – моя бессонница.

Голубой забьётся жилкой...

Метёт метель вторые сутки,
от серых дней срываясь в крик,
увидишь – на синичьей грудке
навек остался солнца блик.

Сугроб у наших окон пухнет,
к худой берёзе льнёт плечом,
вечерний разговор на кухне
о сокровенном, ни о чём.

Не знают, падая снежинки,
их воскрешение – вода,
и голубой забьётся жилкой
ручей под белой кожей льда.

Неделя-две, и все ракиты
напьются серебра реки...
Как наши судьбы перевиты,
узнай касанием руки.

И в снах остаются не зимы, а вёсны

Настольную лампу включи – и два кресла,
шкафы, и их тени из мрака воскреснут,
надеждой пустой, оправданием, ложью
бессонная ночь мою душу тревожит.

Приляжешь – комками в ногах одеяло,
одних покаяний для прошлого мало,
холодная мгла за окном тяжелеет,
напрасные вздохи – цена сожалений.

А в памяти шум, как на людном вокзале...
расстались и главное мы не сказали,
что в море житейском ты – парус, я – вёсла,
и в снах остаются не зимы, а вёсны.

Наталья ОКЕНЧИЦ

г. Михайловск, Ставропольский край

Окенчиц Наталья Владимировна. Родилась в 1955 г. в Киргизской ССР. Ветеран труда Ставропольского края.

Член Союза писателей России. Автор 5 книг стихов для детей и взрослых. Публиковалась в ряде российских литературных журналов и альманахов. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Простой сценарий»

Черноморский февраль

Я счастье менять на обиды не стану.
Уже не вернуться назад.
Над бухтой цепочкою чёрной бакланы
К поверхности близко летят.

Их море волнует равниной глубокой.
Чарует небесная даль.
Легко и светло. Только так одиноко
Над югом проходит февраль...

И что-то со мной сотворилось такое...
Стал смелым решительный взгляд.
И нет на душе, и не будет покоя,
Пока эти птицы летят.

Студёная пора

Разыгралась зимой несусветная вьюга.
Я за дверь – в этот холод и шум.
За плохие стихи не похвалит подруга.
У Вселенной стихи попрошу.

На диване не пишут студёные строки,
И от чая не крепнет спина.
И не кажется небо безмерно глубоким.
В непогоду гуляю одна.

Стылый ветер лютует в кристальной аллее.
Разрывается снежная сеть.
В непогоду меня белый свет не жалеет.
А за что меня нужно жалеть?

Без обиды

Без обиды на жизнь
Я живу много лет,
Прохожу этажи
И встречаю рассвет.

Без обиды на жизнь
Просто легче чуть-чуть:
И судьбой дорожить,
И пройти этот путь.

Без обиды на жизнь,
В сердце память храня,
Отпуская, скажи,
Что прощаешь меня.

Счастья много или мало?
Запишу в свою тетрадь:
Я бы душу постирала,
Только боль не отстирать.

Снег искрится в белом поле,
Словно скатерть бытия.

Не могу прожить без боли.
Мысли тучами стоят.

Эти тучи не измерить...
Сколько душу ни травы,
Ей бы только людям верить,
Жить по совести-любви.

Женский взгляд на войну

Получил надгробный камень
За чужую глупость-злость
Парень с добрыми глазами.
Так на свете повелось.

На плите могильной даты
И слова, в которых жуть.
Было двадцать лет солдату.
Не вернётся... не вернуть...

Здесь навеки обвенчался
Он с могильною плитой.
Не знаком и не встречался,
Но до горечи родной.

Простой сценарий

Сценарий фильма будет прост.
Когда жестокий ветер дунет, –
То врач судьбу не переплунет:
Проводит сына на погост.

Наденет сразу мрачный вид,
Как будто неудачный свитер.
И рядом скажут: «Ты живи».
А он ответит: «Вы живите...».

Но как? Зачем? И силы нет
Осмыслить жизни повороты.
Рассвет и ночь... опять рассвет...
И врач выходит на работу.

Все рады. Он один не рад.
Но непременно всех спасает.
А медсестра о нём мечтает.
Сценарий прост. Из жизни взят...

Во спасение

Я создала стихи не те,
Которые хотела.
Учить кого-то доброте, –
Ошибочное дело.

Быть доброй с детства повелось,
Хотя сомненья точат.
Порой нужна такая злость,
Что во спасенье точно.

Александр СЫРЧЕНКО

г. Магадан

Поэт-эзотерик. Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (диплом «Серебряное перо Руси», 2015).

«Просветлённый»

Мой катарсис

Волнуя грозной красотой
В объятьях блещущих морей
Лежит мой Север, предо мною
В холодной скупости своей.

Ветра вихрастые тугие
Раздули серый небосклон,
И в переливы колдовские
Преобразаться начал он.

Над тёмной кромкой горизонта
Из райских вишен брызнул сок,
И солнца два луча-осколка
Воткнулись копьями у ног.

В злачёные венцы оделись
Верхушки просветленных гор,
А в море, далеко виднеясь,
Горит скалы столетний горб.

Все высшим полнится движеньем,
Весь мир предчувствием томим,
И я, пронзённый вдохновеньем,
Дрожу, соприкасаясь с ним!

Спираль судьбы

Нет к прошлому уже возврата,
В нём гибель ранняя моя.
Она за жизнь в грядущем плата,
В котором будем Бог и я.

Познавший Гибель знает Силу,
Которая, как вещий сон,
Укажет путь через могилу
На скрытый от живущих Трон.

И, выйдя в путь, в простой дерюге,
Влекомый за земной предел,
Как вновь вернувшейся подруге
Я улыбнусь своей звезде.

Солнечное молчание

В молчании, будто бы у гроба,
К друг друга причащась губам,
Стоим, заброшенные оба,
К горящим холодом снегам.

Мы не жалеем об ушедшем
И не гадаем наперёд,
Так ожиданье будет легче
И неизбежной ледоход.

Ну, а пока ледовый панцирь
Земля, вздыхая, не сняла,
В нас – обессиленных скитальцах –
Мечта тревогу уняла.

Отрывок из поэмы «Северная песня»

Пустынный берег тих и светел,
На лужах заморозков вязь.
Рыбак раскладывает сети
Над лодкою не торопясь.

Табак весь скурен в папиресе,
Приподнимаю воротник.
Люблю я северную осень –
От южной я уже отвык.

Печально небо, молчаливо:
Нет чаек, только ветра вой.
И я, сутулясь сиротливо,
Бреду пить чай к себе домой.

Старообрядцы

Холодно в келье нетопленной
Старцам в поношенных рясах.
Крест в углу, костью обглоданной,
Ждёт человечьего мяса!

Ветер – шатун неприкаянный –
Рыщет по скиту глухому,
Каждый, любовью оставленный,
Тянется к Божьему Слову.

Дремлет лампадка пред ликами,
Старчески согнуты спины...
Здесь, под пространствами дикими,
Живы лишь Богом Единым.

Просветлённый

Солнце медленно тает, по капле
Золотистой неся в Океан,
Ветра нет, только машет на камне
Опахалами крыльев баклан.

Отдыхают уставшие ноги,
Им заказаны тропы назад.
Мы в монашестве все одиноки,
Только я одиночеству рад.

Я для нынешней жизни оставляю
Всё, что свято когда-то берёг,
И в далёких скитаньях восславлю
Целомудрие диких дорог,

Непорочную прелесть зачатъя
Перламутрово-розовых зорь,
И из чёрного бархата платья
Безутешно задумчивых гор,

Неприступную спесь Океана
И величие солнца над ним,
И роскошную проседь тумана
И бескрайности северных зим.

Иван ТРОФИМОВ-КОВШОВ

с. Челно-Вершины, Самарская обл.

Член Российского союза профессиональных литераторов. Автор 4 книг стихов и прозы. Лауреат ряда международных литературных конкурсов. Публиковался в областных и московских журналах и альманахах. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«С тёплым чувством сострадания...»

Я забыл

Я совсем забыл, как пахнут листья,
Мокрые от светлых вольных рос.
Не могу мечтать, смешно влюбиться,
Розовея до седых волос.
Не понятен мне стеклянный голос
В предрассудках вычурной зимы.
Не живёт в нём первозданный логос,
А таится скорый вестник тьмы.
И встречаю каждой клеткой тела
Стужу, как великую печаль.
Так природа властно и умело
Кроет нежность в ледяную сталь.
Задремать, уснуть до дней весёлых.
Когда листья, в капельках росы,
Зазвенят в восходах бирюзовых,
Возвещая славный день весны.

Время

Время по невидным завитушкам
Начало карабкаться наверх,
Где в лучах лубочная кормушка
Для пернатых светится утех.
Я смотрю туда, ломая шапку,
Вроде далеко до перемен.
Но, чирикающая, кружит вприсядку
Воробей там в крошках до колен.
Как же хорошо, что день прибавил.
Пусть на воробьиный на шажок.
В нём не исключение из правил -
На тепло и солнышко намёк.

Зло

Его душа чернее тучи,
А злоба льётся через край.
Он с ядом в жизни не разлучен,
Везде с ним смута и раздрай.
Плывёт, свирепствуя, с ухмылкой.
Летит, прищурился алчный глаз.
Он горд крамольною копилкой.
Где душам должное воздаст.
И знает, что не все отхлынут,
Не все возложат вещей крест.
Согнут ему в поклоне спину,
Завоют воплями окрест.
Чтоб сеять с ним и зло, и горе,
Людской вытаптывая род,
Ища себя в кровавой ссоре,
Умножив изверга приплод.
В лучах кровавого рассвета,
Шагая в ногу среди руин,
Испепелят они планету,
Чтоб вечно жил их властелин.

С попутным ветром

Может, что-то делаю не так.
Ты меня поправь, тебе по силам.
Помнит, как течёт любовь по жилам,
Ветреный, назойливый чудак.
Я не тот, кто много тратит слов.
Запинаюсь кстат и некстат.
Всё же преисполнен благодати
И тебе всегда служить готов.
Терпеливей будь, вознагражу,
Приоткрою дверь в иное время,
Где земля ласкает с сотворенья
Тех, кто в яви близок к миражу.
Если даже растворимся в небесах,
В зазеркалье мир вполне уютный.
Лишь бы ветер выдался попутный,
Да была улыбка на устах.

Эх, родимая деревня!

С тёплым чувством сострадания,
Словно к Золушке в чулан,
Я иду под причитанье
Родовых односельчан.

Не село – картинка в яви,
В кронах чувственных берёз.
Но нужда сегодня правит
И доводит всех до слёз.

Эх, родимая деревня!
Распрями сермяжный стан.
Не к лицу терпеть с презреньем
От ворья лихой обман.

Не страдая покаяньем,
Как бывало, выйди в круг.
Пусть надломится в бурьяне
Ножка с тувелькою вдруг.

Потеряешь ненароком
Ты её в родной земле.
Вновь застынешь одиноко
С горькой думою во мгле.

А потом тувфлю отыщет
Древнерусский вещий князь.
Чи богатства выше крыши
Не видала, отродясь.

И с его руки нетленной,
В чередё мирских утех,
Ты монетой неразменной
Одаришь любовью всех.

А меня улыбкой снова
Родовые наградят.
Хлебом-солью, добрым словом
В веру предков обратят.

Александр ШЕРСТЮК

г. Москва (Зеленоград)

Член Союза писателей России. Родился 18 марта 1941 г. на Брянщине в семье сельского кузнеца. Окончил семилетку (1955), горный техникум (1959), МВТУ им. Н. Э. Баумана (1967). Работал в шахтах Донбасса, оборонных НИИ, издательствах «41», «Знание», «Маска». Автор книг «Надпись на ветре» (1998), «Впервой бытность такая» (2000), «Свет в клетке Менделеева» (2012), «История с топором» (2013), «Говор Стародубья» (2013), «Драма Зелёного града» (2019), «Хождение в слово» (2023), сценария фильма о своём брате, павшем в 1942 г. в битве за Сталинград, «Один из миллионеров». Переводы с немецкого (Э. Кёстнер, Ф. Рюккерт). Лауреат межвузовского конкурса «Буй Тур» (Москва, 1965). Дипломант Волошинского конкурса (Коктебель, 2015). Зав. отделом критики журнала «Северо-Муйские огни».

«шерстюку александру александровичу...»

vers'ы-2023

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен.
(из классики)

Пушкин мечтал о времени
когда не будет он повешен
и будет у ножек некой красотки
в тени украинских черешен
но хотя Пушкина помиловал Бог...

стоп

вспомним и другого поэта
у Франсуа Вийона был зад
веса которого так и не узнала шея
хотя повесить-то собирались дважды
однако суд
«милосердный правый беспристрастный»
«принимая в соображение
дурную жизнь поименованного Вийона»
отпустил его восвояси
двум поэтам
было отпущено ещё пожить
попортить своим присутствием воздух
посему не дожили оба до виселицы
и красotka в тени украинских черешен
так и не дождалась
ни того ни другого

пока продолжается военное урегулирование
международного братского мира и дружбы
а слово творог может ударяться
то о первое О то о второе
ничего путного не будет
меня пожалуйста взвешивайте
ноне-вешайте зачеркиваю none
но не вешайте

Несутся искусство, любовь и история
по параболической траектории.
Из советской классики

НИИ – это Несутся История Искусство
а также примкнувшие к ним куры
с их любовью к кокардам петухов
все они несутся
по баллистической траектории
ИИ всё больше громких побед
ИИ вослед
всё больше накаркиваний что
вот-вот ИИ искусственный интеллект
выиграв ЧМ чемпионат мира ЧМ
по естественным шахматам ЕШ
возгордится

воспротивится человекам
и пойдёт махать ракетами
над нашими супермаркетами
но
так же как у наших вождей
у того в Горках
и у того шагнувшего в гору
оставалась Надежда
так ныне у одного странного поэта
почти Председателя земного шара
только недореализованного
потому как недорезанного
служившего в ракетных войсках
который иногда чтобы успокоиться
набивал себе на градуснике
температурку под грипп
чихал и кашлял
всей мощью своих бронх
теперь у этого поэта
тлеет искорка надежды
что когда-нибудь танки
вооружённые разумом ИИ
тоже начнут кашлять и чихать
всеми фибрами своей брони
биться так чтобы добиться
получения больничного
причём сразу батальонами
с диагнозом ОРВИ когти

я ещё спал вдруг звонок
называют мою физиономию
то есть моё фио
говорят звонок из полиции фамилия Соколов
– догадываетесь по какому поводу?
– а что тут догадываться я убил царя
– ... я хотел вам сообщить... вы знаете
такого-то? (называет знакомого из родни)
– знаю... он погиб в Куликовской битве
я готов получить пособие за утрату
кормильца...
немая сцена
наверно это была
минута молчания

через час в трубке другой голос
– в вашем доме сегодня проводится
обработка от тараканов
вы будете дома?
– у меня все дома
а тараканы у меня водятся
только на чердаке
и мне не мешают
напрасны ваши старания
до свидания!

совет заповеданный нам Авелем
расставаясь
булькать *до свиданья* неправильно
коль свиданью больше не быть
или лучше не быть
за речью надо следить
словам не место нечаянным
и когда на душе отчаянье
одно вы во мне разбУдите
сказать людоедным людям
 прощайте
да прощены будете

фрик вещал поучал
на бурдонной струне наяривая
челлендж – я вас намыливаю
хардкор – проверка на шивость
хейгер – не просто лузер
он гнус мудила абьюзер
релоканты – катитесь на ...
инженю – это мне подайте
лайт – ваше преосвященство
 etc
гайд – поспешайте медленно
байопик – нет нет я не о вас
симвел – продолжение следует
я ваш счастливый Фауст

одуряет цифровая магия
будете зубами клацать
вот что такое 213?
ну конечно это пьедестал почёта
слева направо места
 1-е
2-е – – 3-е
или Россия Белоруссия Украина
или Я Жена Любовница
попробуйте поставить
каждого на своё место
и что дальше
любой ценой
развод и мордобой?
вам неймётся
а её любовнику что остаётся?
об остальных и речи не ведётся
они дали взятку
и вошли в первую десятку

навалился жуткий бред
говорят, что старость – ужас
отвечаю: нет и нет!
но дела всё хуйже хуйже

прилетели ночью дроны
закружились над домами
будто ищут свои схроны
у них гаммы просто гамы
а когда им надоело
каркать какать и глумиться
и уселись на ели
и смогли уgomониться

люди поняли что дроны
всего-навсего вороны

есть люди боятся высморкаться
они говорят
обойтись посредством носового платка
а слово страхуй
готовы писать *страпенис*
они не поджидают трамвай
они его *подъевреивают*

на мою шею тучей
налетели комары
мары – смерть
котмары – смертники
толкуются
шприцы вонзают
ширяются
я их размазываю
и учтиво спрашиваю:
– во что братцы
обходится оккупация?
– вашей кровью –
 отвечают
– затраты окупаются!

по-украински хвыля – волна
а минутка у них хвылыночка
помутила их разум вона
помутила их разум война
а мечта их такая – мрія
эта мр эта мр эта мр
 і я
 и Я!
она каждой созвучна хате
як умру то мэнэ поховайте

как хорошо хоть что-то есть бесплатное!
встав утром я для зарядки на текущий день
включаю комп и отправляю эмейлом
послания
какие-такие послания?
поясняю: СЕБЕ
у моих посланий
замечательное содержание – пустота
то есть ни текста ни картинок
 немота
да да адресуется пустота
я посылаю
шерстюку александру александровичу
куски пустоты
там ничего нет
зато внизу подпись
«с уважением ШАА»
подпись не надо набирать
она заложена в шаблон
а поскольку даже к плацебо
вырабатывается привыкание
то я дабы не снижался эффект
каждый новый день увеличиваю дозу
моих личных лекарственных средств –
число отправлений

Сатира и юмор

...обличение злонравия подлинно не осудят любители добродетели. От злонравных ничего не ожидаю, хуление и хвалу, гнев и любовь их равно презираю.

А. Д. Кантемир – величайший поэт-сатирик первой половины XVIII века, зачинатель русской басни.

Валерий РУМЯНЦЕВ

г. Сочи, Краснодарский край

Автор 14 книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова, в номинации «Критика» (2018).

Двое из племени поэтов

(глава из сатирической повести «Литературный экспресс»)

Литературный экспресс продолжал свой путь. В третьем купе вагона «СВ» ехали двое из племени поэтов: Владимир Владимирович Маяковский и Сергей Александрович Есенин. Всю жизнь они относились друг к другу уважительно, а если и спорили, то только по вопросам поэтического слова. Маяковский и Есенин давно не виделись и поэтому при встрече искренне обрадовались и обнялись как старые друзья. Расположившись в купе, они сразу же настроились на продолжительный разговор.

– ... Сергей, ты сейчас рассказал, как твоё творчество изучается в школах, а вот мои поэмы сразу после прихода к власти Ельцина выбросили из школьной программы. Да и издавать их практически перестали. Говорят, не формат, для новой эпохи нужны, мол, не такие герои...

– Володя, да брось ты переживать...

– Да я и не переживаю.

– Придёт время, и твои книги опять начнут шуровать миллионными тиражами. Помнишь, как-то я сказал: «Что ни говори, а Маяковского не выкинешь. Ляжет в литературе бревном, и многие о него споткнутся». И эти слова я готов повторить ещё раз.

– Ну, спасибо за комплимент.

– Это не комплимент. Во всяком комплименте есть большой или маленький элемент... как бы поточней выразиться...

– Да ладно, это я так, от отчаяния, – пошутил Маяковский.

– Да и народ тебя любит, цитирует; я сам много раз слышал. Этим можно гордиться.

– Горжусь только тем, что никогда ничем не гордился...

– Кстати, и анекдотов про тебя ходит немало, причём ты в них смотришься достойно, гораздо лучше меня. А это, брат, о многом говорит. Устное народное творчество – это вам не фу-ты ну-ты.

– А я что-то уже забыл, когда последний раз слышал о себе анекдот.

– А я буквально вчера услышал о тебе такой. Маяковскому говорят:

«Вот вы писали, что «среди грузин я – грузин, среди русских я – русский», а среди дураков вы кто?» Маяковский не растерялся и говорит: «А среди дураков я впервые».

Классики дружно посмеялись, и после этого Сергей Александрович победно заявил:

– Володя, а всё-таки «тихая» поэзия затмила «громкую». Помнишь, какая шумная дискуссия была на эту тему?

– Сергей, поэзия нужна и та и другая. Весь вопрос в том, какая из них нужнее и важнее в тот или иной момент истории.

– В смысле? – не понял Есенин.

– Вот представь: поздняя осень 1941 года, немцы под Москвой. И в это горькое и трудное время советские люди открывают газеты или журналы и читают там: «Шёпот, робкое дыханье, трели соловья, серебро и колыханье сонного ручья». Не спорю, это хорошие стихи Афанасия Фета, но не они нужны в эту лихую годину. Или были бы другого автора стихи, но примерно такого же плана...

– Да, тут, как говорится, не в строку лыко.

– Вот именно. Поэтому советские люди в этот момент прочитали стихотворение Марка Лисянского и Сергея Аграняна:

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге.
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.

Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой,
Я люблю твою Красную площадь
И кремлёвских курантов бой.

Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И в веках будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова.
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Сергей Александрович внимательно слушал, а Маяковский, тяжело вздохнув, продолжал:

– А уже весной сорок второго года Исаак Дунаевский увидел это стихотворение в журнале и тут же прямо на полях журнала написал ноты.

– Да, сильная песня, – согласился Есенин. – Не зря она стала Гимном Москвы.

– А первое четверостишие можно считать биографическим. Во время бомбёжки одна из бомб разорвалась рядом с Лисянским. Он потерял сознание и был засыпан землёй; нашли его только тогда, когда он очнулся и начал стонать.

– Когда идёт война, тут всё понятно: надо поднимать дух народа, провести мобилизацию всех ресурсов, – согласился Есенин. – Ну а зачем, скажи мне, душили «тихую» поэзию в тридцатые годы?

– Сергей, что такое тридцатые годы в России? Это индустриализация, которая практически являлась подготовкой к войне. А война была неизбежна. Капиталисты всего мира просто жаждали задушить молодую Советскую республику, но не могли. Ты же помнишь? То у них там экономический кризис был, то они ругались, как собаки, так как не удавалось поделить между собой рынки сбыта и так далее. В этой связи у нас были кое-какие козыри. Но мало иметь в руках козыри, нужно научиться пользоваться ими. И Сталин научился. С учётом такой политической обстановки, предпочтение было отдано «громкой» поэзии, а «тихую» отодвинули в сторону.

– А как же жизнь души вне классового подхода? – спросил Есенин.

– Да пойми ты: нужно было решать сложнейшие задачи в условиях фактически международной изоляции и наличия в стране враждебных элементов. Тут уж не до интересов отдельной личности. Литераторов надо было развернуть лицом в сторону государственных, понимаешь, государственных интересов. Именно для этого и был в 1934 году создан Союз писателей.

– Помнишь у Афанасия Фета вот этот шедевр? – спросил Есенин и, не дожидаясь ответа, прочитал:

Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.
От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.
Ветер спит, и всё немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.

– И эту лирику и подобную ей, – продолжал Есенин, – надо выбросить из жизни? Так что ли, по-твоему?

– Не выбросить, а временно отложить в сторону. Это наслаждение формой до тех пор, пока не задаёшься вопросом, а где же содержание?

– Но как же без такой лирики прожить-то? Скажи! – не унимался Сергей Александрович.

– Ты согласен, что если бы не успели провести индустриализацию, то последствия были бы катастрофическими для всего населения СССР?

– Да, конечно, согласен...

– Вот именно поэтому и было принято единственно верное для того времени решение в вопросах культуры. Другое дело, что при индустриализации и коллективизации появилось немало противоречий...

– Особенно в деревне, когда всех загоняли в колхозы...

– Да, загоняли, чтобы часть крестьян ушла в город строить заводы, фабрики и работать на них, а другая – пересела с лошади на тракторы и комбайны и производила хлеба больше, чем до того.

– Ты читал поэмы Павла Васильева «Соляной бунт», «Песни о гибели казачьего войска»?

Владимир Владимирович, не ответив на вопрос, продолжил свою мысль:

– Именно в тридцатые годы усилилось внимание поэтов к современности, оживились связи с рабочими и крестьянами. Это дало мощный импульс для всего их творчества. Посмотри, как раз в эти годы наметился расцвет таланта Исаковского, в его стихи вошёл новый герой – строитель социализма. Появился Твардовский с поэмой «Страна Муравия». А Твардовский – поэт огромного дарования...

– Не спорю...

– Естественность и простота лирического языка этих глыб в поэзии были тем магнитом, который притягивал читателей к их стихотворениям и песням. А не надо забывать, что это было время, когда десятки миллионов крестьян, шагнув в советскую эпоху, только-только научились читать и писать...

– Да, согласен, – сказал Есенин и добавил: – Лёгкость, изящество художественного языка и в то же время значимость содержания поэтических строк.

– А Твардовского я заметил, как только прочитал его первые стихи. Как сейчас помню вот эти строки:

Стала ель в лесу заметной –
Бережёт густую тень.
Подосиновик последний
Сдвинул шляпу набекрень.

– А меня особенно, знаешь, что тогда радовало? – оживился Есенин. – Какие песни родились! «Катюша» Исаковского, «Каховка» Светлова, «Широка страна моя родная» Лебедева-Кумача. Эти песни порождали у людей оптимизм, энергию, молодой задор...

– И что характерно, – добавил Маяковский, – они были опорой в жизни, а главным содержанием жизни в ту пору был тяжёлый труд на стройках, заводах, в деревне. Искусство помогает не только выжить, но и жить. Лебедев-Кумач фактически был одним из создателей жанра советской массовой песни. Глубокий патриотизм, жизнерадостное мироощущение... У меня до сих пор в душе звучат его строки: «Легко на сердце от песни весёлой», «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля».

– «Вставай, страна огромная», – добавил Есенин.

– Да, последние тридцать лет никто так не пишет, – с сожалением сказал Маяковский.

– А мне кажется, что и в этих песнях есть что-то от «тихой» поэзии. Смотри: здесь и задушевная прелесть обычного русского слова, и простота поэтического синтаксиса. Не встретишь здесь ритмических сбоев, разноstopных строк, экзотических рифм. Даже метафоры и другие яркие тропы не занимают в текстах этих песен главного места.

– Понятное дело. Поэтому эти тексты и легли на душу и рабочим, и крестьянам, и интеллигенции, – согласился Маяковский.

– А вот на твои стихи песен я что-то не слышал, – хитро улыбнувшись, констатировал Есенин.

– И вообще, ты, Володя, меня извини, но у меня сложилось, образно говоря, такое впечатление: забежал ты на склад под названием «Русский язык», где аккуратно стопочками разложены слова и словечки, достал шашку, нарубил мешок слов и унёс. Потом из этих покалеченных слов сложил поэтическую лесенку...

– Но по этой лесенке мы поднимали СССР на новые экономические и культурные высоты. А песен нет потому, что я не ставил задачу писать песенные тексты. Вон Лебедев-Кумач писал свою «Священную войну» специально для ансамбля Александрова и вместе с ним.

– В годы Великой Отечественной войны появилось удивительно много шедевров: «Жди меня» Симонова, «В лесу прифронтовом» Исаковского, «Тёмная ночь» Владимира Агатова, «В землянке» Алексея Суркова. Про «Василия Тёркина» Твардовского я уже не говорю.

– А эти: «Случайный вальс» Долматовского, «Соловьи» Алексея Фатьянова, «Вечер на рейде» Александра Чуркина, – с воодушевлением подхватил Маяковский и добавил: – Я в двадцать пятом году написал строку «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо», и моя мечта сбылась, многие поэты сумели это сделать.

– В годы войны у поэтов обострилось чутьё, взгляд на родные широты стал сыновьим, почтительным, нежным. Героический пафос проник и в интимную лирику, – рассуждал Есенин.

– И к тому же, – добавил Маяковский, – потрясения войны родили целое поколение молодых замечательных поэтов. Мне-то из них больше других нравятся Борис Слуцкий, Юлия Друнина и Александр Межиров.

– А я отдал бы предпочтение Михаилу Львову, Константину Ваншенкину и Григорию Поженяну, – высказал своё мнение Есенин.

– Кстати, некоторые поэты из этой плеяды написали немало хороших песен, – напомнил Владимир Владимирович. – Но самая лучшая, пожалуй, «Я люблю тебя, жизнь» Ваншенкина.

– Во-во! – воскликнул Есенин. – И тексты песен этих поэтов – это что? Чистой воды «тихая» поэзия.

– Сергей, а ты обратил внимание, что «тихая» поэзия расцвела после завершения войны, когда было восстановлено народное хозяйство. То есть, когда главные вопросы были решены, государство обратило свой взор и на личные переживания граждан, а эти чувства, как известно, поэты выразили лучше, чем другие литераторы.

– Но «громкая» лирика тоже процветала, – заметил Есенин, – собирала целые стадионы слушателей. Вон Евтушенко, Рождественский, Вознесенский...

– Да, но заговорили во весь голос и Николай Рубцов, и Алексей Прасолов, и Станислав Куняев, и Анатолий Передреев, и ещё добрый десяток по-настоящему талантливых поэтов, – продолжал отстаивать свою точку зрения Маяковский. – А как точно сказал о твоём творчестве Николай Рубцов в стихотворении «Сергей Есенин»!

– Честно говоря, не слышал, – признался Сергей Александрович.

– Да ты что?! Всё стихотворение я не помню, но последние две строфы звучат так:

Вёрсты все потрясённой земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

Эта муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

- Володя, я с Рубцовым никогда не встречался. Если случайно увидишь его, передай от меня привет и спасибо за добрые слова в мой адрес.
- Если увидимся, передам, – пообещал Маяковский. – Наверно, я перечитал всех более-менее известных представителей «тихой» поэзии, но в памяти целиком осталось только одно произведение.
- Чьё? – поинтересовался Есенин.
- У Анатолия Передреева есть стихотворение «Дни Пушкина». Послушай.

Всё беззащитнее душа
В тисках расчётливого мира,
Что сотворил себе кумира
Из тёмной власти барыша.

Всё обнажённой его суть,
Его продажная основа,
Где стоит всё чего-нибудь.
Где ничего не стоит слово.

И всё дороже, всё слышней
В его бездушности преступной
Огромный мир души твоей,
Твой гордый голос неподкупный.

Звучи, божественный глагол,
В своём величье непреложный,
Сквозь океан ревущих волн
Всемирной пошлости безбожной...

Ты светлым гением своим
Возвысил душу человеческую,
И мир идёт тебе навстречу
Духовной жаждою томим.

Сергей, чувствуешь, как актуальны эти строки сегодня?

- Да, великолепное стихотворение, – согласился Есенин. – Но вот беда: в библиотеку, в этот храм для верующих в художественное слово, уже почти никто не ходит; поэзию сегодня мало кто читает, молодёжь вообще отвернулась от неё. Им подавай всякие глупые шоу. Тебе вот нравятся шоу?
- Из всех шоу мне больше всего нравится Бернард Шоу, – пошутил Маяковский.
- А молодёжь смотрит все эти фабрики звёзд – и балдеет...
- Если звёзды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно, – продолжил шутить Маяковский.
- Ну, это смех сквозь слёзы. В русской литературе сегодня просто катастрофа: тиражи литературных журналов упали ниже плинтуса, художественный язык текстов в большинстве своём на уровне школьных сочинений. Но самое паршивое то, что читатель практически вымирает. Есть над чем подумать.
- Ну вот! – воскликнул Маяковский, радуясь, что убедил собеседника.
- Когда начинаешь анализировать, что произошло с Россией за последние тридцать лет, то жить становится противно, – с горечью сказал Сергей Александрович. – Из всех болезней человечества самая распространённая – надежда на излечение.
- Да ты, я смотрю, пессимист! – резюмировал Маяковский.
- Ничего не поделаешь, тропа жизни ведёт в капкан пессимизма, – угрюмо ответил Есенин.
- Мы же с тобой поэты, и наша задача поднимать дух народа. Мы с тобой должны и дальше учиться, анализируя произошедшие события в России. В школе жизни главные уроки мы получаем во время перемен. Всё в наших руках!
- Если бы всё было в наших руках, мы бы их не опускали, – печально констатировал Сергей Александрович.
- Нет худшей религии, чем неверие в себя! Я верю в Россию. Нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики!
- Но нет и таких крепостей, в которых нельзя найти предателей, – отозвался Есенин.
- Не будем впадать в панику. Ты лучше скажи, кто из «тихий» поэтов тебе больше всего нравится?
- Лучшим из них, на мой взгляд, является Алексей Прасолов.
- А что именно в его поэзии тебе больше всего нравится?
- А вот послушай всего одно его стихотворение, и тебе сразу всё станет ясно без моих комментариев.
- Прасолов... который из Воронежа? – спросил Маяковский.
- Да. Слушай.

Зачем так долго ты во мне?
Зачем на горьком повороте
Я с тем, что будет, наравне,
Но с тем, что было, не в расчёте?

Огонь высокий канул в темь,
В полёте превратившись в камень,
И этот миг мне страшен тем,
Что он безлик и безымянен,

Что многозвучный трепет звёзд
Земли бестрепетной не будит,
И ночь – как разведённый мост
Меж днём былым и тем, что будет.

– Это стихотворение надо внести в школьные хрестоматии, – высказал своё мнение Маяковский, – и использовать этот текст в изучении художественно-изобразительных средств...

– А вот есть ещё Геннадий Ступин. Знаешь такого?

– Нет, даже не слышал.

– Да ты что? – удивился Есенин. – Это, на мой взгляд, большой русский поэт, глубоко национальный и по духу, и по облику. Его мир жесток, суров. Даже природа в его стихах испытывает человека на прочность. В цветном колорите его стихотворений преобладают холодные и тусклые тона...

– Это плохо, – сказал Маяковский. – Жизнь многообразна, в ней есть всё, в том числе и светлые тона. Их надо поэту видеть и делиться этим видением с читателями.

– Ты, скорее всего, прав, – согласился Есенин. – У Ступина я запомнил вот эти три строфы из какого-то его стихотворения:

И как слепая лошадь на кругу,
В который раз в свой старый след ступаю...
Сначала всё... Нет, больше не могу!
Шумит, мешает думать жизнь слепая.

И страшное сомнение берёт:
Не одолеть, хоть кровь из сердца брызни,
Не вырваться ни назад и ни вперёд –
Нет в жизни мысли дальше этой жизни.

Ну что же, победила ты, кружись!
А я сдаюсь, устал я до упада.
Шуми, шуми, бессмысленная жизнь!
Коль смысл в тебе, то мне его не надо.

– Вредные стихи, – отреагировал Маяковский. – И вредность усиливается ещё и тем, что написаны талантливо. Сегодня нужна другая поэзия, боевая, как, например, у Леонида Корнилова.

– Да, Корнилов – боец, ничего не скажешь.

– Все наши беды в том, что они ещё не закончились. Нужно идти в ногу со временем, а время сегодня требует от поэта борьбы за интересы трудового народа, – настаивал Маяковский. – Солнце светит не для того, чтобы мы жили во тьме.

– Трудно идти в ногу со временем, стоя на коленях, – не согласился Сергей Александрович.

– Поэт живёт на границе двух миров: внутреннего и внешнего. И как бы он ни пытался спрятаться в своей скорлупе, внешний мир всё равно вытасчит его за шиворот из этой скорлупы. Но внутренний мир человека только тогда чего-нибудь стоит, если он способен улучшить внешний. Завтра будет хуже, но это не повод сдаваться послезавтра.

В ходе дальнейшей беседы классики начали обсуждать поэзию начала 21 века и пришли к единодушному мнению, что лучшим русским поэтом в это время был Михаил Всеволодович Анищенко.

– Давай сходим в ресторан, пообедаем, а затем поподробней обсудим творчество Михаила Анищенко, – предложил Маяковский.

– Согласен, – сказал Есенин. – Сейчас я кое-что соберу...

Литературный экспресс стал тормозить, и за окном показались жилые дома. Что-то выискивая, Сергей Александрович долго копался в своей сумке. Маяковский смотрел в окно.

Поезд остановился напротив заброшенных строений, в годы СССР это был машиностроительный завод. Окна в зданиях выбиты, в бывших цехах проломлены крыши, всюду кучи разбитого бетона и всевозможного мусора.

На фасаде одного из зданий кое-где штукатурка пока не отвалилась, и на ней с трудом просматривалась какая-то надпись, исполненная краской крупными буквами. Маяковский напряг зрение и прочитал: «Отечество славлю, которое есть, но трижды – которое будет! Владимир Маяковский».

Илья КРИШТУЛ

г. Москва

Лауреат премии «12 стульев» «Литературной газеты». Дипломант международного конкурса «Журнальный вариант» (Крым, 2014).

Будем праздновать? Будем!

«День взятия Бастилии впустую прошёл...»

Ах, какие грядут даты в наступающем году – праздновать и праздновать! Какие юбилеи, какие праздники, какие прекрасные поводы! Одно только девяностолетие фильма «Чапаев» чего стоит! А ещё... Но обо всём по порядку.

За «Чапаева» надо выпить обязательно. Прямо в новогоднюю ночь и три раза – отдельно за Чапая, отдельно за Петьку, отдельно за Анку. «Счастливые, говорю, вы... Молодые. Вся жизнь впереди. Вот поженитесь, работать вместе будете. Великолепная будет жизнь. Знаете, какая жизнь будет? Помирать не надо!». Ну как не выпить за такие слова? Пригодится «Чапаев» и утром – «Брат Митька умирает, пива просит...». Хотя...

Лучшее средство от похмелья это гильотина. Ей в этом году исполняется двести сорок два года, и за это тоже надо выпить. Жена против? Говорите ей заранее подготовленную фразу – «Первым человеком, казненным с помощью гильотины, был Никола Пеллетьер, разбойник и убийца. Ты же не хочешь, чтоб твой муж был последним?».

Конечно, жена может тоже вспомнить «Чапаева» и пойти в психическую атаку. Но вам уже не до психических атак и не до каппелевцев. Красный командир Чапай забыт. Семьдесят шесть лет государству Израиль! Независимость этого государства была провозглашена 5 ября 5708 года по еврейскому календарю, что соответствует, по вашим похмельным подсчётам, первому января 2024 года. Так что садитесь за стол, выпивайте, закусывайте фаршированной рыбой, танцуйте – до второго января. А второго января – рука сама тянется к шампанскому – сто восемьдесят лет первой фотографии Луны! И всемирный день интроверта! А интровертом был дядя Пушкина Василий, которому в этом году исполнилось бы двести пятьдесят восемь лет! От таких дат замолчит даже жена. Созывайте друзей, тех, которые ещё ходят, накрывайте заново стол и... «Примите нас, мы все родные! Мы дети матушки-Москвы! Веселья, счастья дни золотые, как быстрый вихрь, промчались вы!». Строки Василия Пушкина.

Сидите, отмечаете, читаете стихи дяди Александра Сергеевича. Написал он не так много, но до шестого января хватит, а шестого... День рождения Шерлока Холмса! Методом дедукции находите спрятанный женой алкоголь, желательно бренди, включаете знаменитый сериал, и уже вечером вы сможете отличить грязь на Ридженс-стрит от грязи на Пиккадилли, а пепел гаванской сигары от пепла манильской! Или не сможете...

Седьмого января, понятно – Рождество. А если вы не верите в Христа, то ровно пятьдесят пять лет назад, в 1969 году, в посёлке Сясьстрой под Ленинградом был произведён первый в СССР рулон туалетной бумаги! Было ли это седьмого января или в какой другой день – неважно. Важно отыскать в квартире туалетную комнату, в ней найти именинника и махнуть с ним на брудершафт. На седьмой день пьянства уже не возбраняется пить с неодушевлёнными предметами.

Восьмого января некоторые собираются выходить на работу, но вам с ними не по пути. До конца года осталось ровно триста пятьдесят семь дней и их надо прожить так, чтобы не было бесцельно. Это сказал Островский, которому в этом году сто двадцать лет. Объединяем эту дату со ста шестилетием знаменитой эмблемы «Серп и молот», в просторечии называемой «Хочешь – жни, а хочешь – куй...» и... Какая работа? У вас есть на неё время? Вы умеете жать и ковать? Главное для вас – пережить день завтрашний, потому что...

...потому что девятого января – день рождения психиатра Кащенко, который успешно вылечивал алкоголиков. Будьте мудрым и девятое число проведите тихо и спокойно, с лёгкими спиртными напитками, ведь завтра...

Десятого января! День благодарности комнатным растениям, день спасения орлов и, главное – день обучения танцам пингвинов! Надевайте тельняшку, которой в этом году сто пятьдесят лет и пейте за алоэ, фикусы и что там ещё растёт у неё на подоконнике. Поблагодарите их, затем спасите орла и вместе с ним выходите на улицу искать пингвинов, можно в одной тельняшке. Заметили пингвина недалеко от магазина? Хватайте его и танцуйте! Сальсу, барыню, лезгинку, гопак, танец маленьких лебедей – что угодно, уже всё равно. Они уже едут...

Вот и вам, как и мне, не удалось отпраздновать день обучения танцам пингвинов и избежать вмешательства учеников Кащенко в свой хрупкий внутренний мир. В больничной палате с решёткой на окне вы отпразднуете день рождения Московской области и проведёте международную неделю ухода за копытами, встретите день рождения Ульяновской области и день тихих шагов и незаметных взглядов. А если пингины продолжают танцевать у вас в голове, то и день вермишелевого супа.

Но всё плохое когда-нибудь заканчивается, тем более в год двухсот пятидесятилетия Николая Васильевича Гоголя. Задержитесь перед больничной дверью, ведь уже через мгновение вы окажетесь на залитой солнцем улице – трезвый и отвыкший от суровой жизни. Это мгновение пролетит, как пуля у виска, следовательно, семнадцать пуль – это семнадцать мгновений. Пятьдесят один год

знаменитому сериалу! «Штирлиц идёт по коридору... Штирлиц шёл к Мюллеру». Идите и вы – через день одуванчика и всемирный день без табака, через международный день аккредитации и день огурца к незаметному, мало кем отмечаемому осеннему дню восьмого октября. Именно восьмого октября появился на свет мальчик Максим, которого родители назвали Севою – будущий Макс Отто фон Штирлиц. День рождения Всеволода-Максима следует отметить бурно и весело, это же не день рождения Чебурашки, который вы провели буднично, закусывая портвейн апельсинами. Надевайте будёновку, ей в этом году исполняется сто девять лет, и... за Максима! «Я прошу, хоть ненадолго, боль моя, ты покинь меня...»... Отмечаем до двадцать второго октября!

А двадцать второго октября праздник великий. В этот день можно выпивать, не обращая внимания на доносящийся извне женский голос. Запомните – двадцать второго октября празднуется Международный день защиты мужской нервной системы от насильственных действий со стороны женщины! Всё! Наливаете, чокаетесь с зеркалом и...

...на носу – Новый год! Ночь с двадцать второго октября на тридцать первое декабря вы провели замечательно, отметив трёхсот двадцати пятилетие появления Гулливера на острове лилипутов, день рождения папы Моцарта Леопольда и день озарения Будды. Поблагодарите уходящий 2024-й, ведь, если бы не он, вы бы не прочитали стихи Василия Пушкина и не узнали бы историю эмблемы «Серп и молот», не поздравили бы Гоголя и Штирлица, Чебурашку и Израиль. Поднимаем тост за наступающий 2025-й и желаем, чтобы он был ещё более праздничным! И – «Какая гадость... Какая гадость эта ваша заливная рыба!»... Сорок девять лет любимому новогодному фильму! Который вы так ни разу до конца и не досмотрели...

Только ради Бога – не учите десятого января пингвинов танцевать. Если вы доживёте до десятого, конечно...

С Новым годом!

Но пить надо меньше. Надо меньше пить!

А с другой стороны – сто один год назад умер Кафка. Как не помянуть?..

В защиту депутатов

Страна у нас прекрасная. Климат отличный. Погода ужасная, но климат отличный. Депутаты в Государственной думе работают хорошо. Народ, правда, живёт плохо, но только потому, что народ – это не депутаты. А так россияне, судя по опросам, своей жизнью довольны. Много зависит, конечно, от места проведения опроса. Если в тюрьме народ опрашивать, там да, много недовольных. И в магазинах много, и в больницах, и особенно при вынимании всяких платёжек из почтового ящика. А вот в здании Госдумы все счастливые, все улыбаются, все сытые и слегка выпившие. Да, говорят, есть ещё проблемы, но не у нас. У народа. Месячная потребительская корзина пока меньше, чем у енота в зоопарке. Зато принтеры везде стоят, даже в ЖЭКах. Объявления о том, что воды горячей не будет, красиво распечатаны и скотчем приклеены. А ещё пятнадцать лет назад от руки писали и на клей сажали! Потому что прогресс, потому что всё для людей. Без масок ходить разрешили. Камеры везде поставили. Ограбят простого человека, он спокойно идёт в полицию, платит, они с камеры всё ему покажут. Вот вы, вот грабитель, вот он сумку вырвал и убежал. Вот вам фотография грабителя, ищите. Найдёте – сразу к нам.

А в зале заседаний Госдумы камер нет. И деньги народные экономят, и нет там грабителей, там все, я извиняюсь, честные. Там вообще народу мало, депутатский срок – пять лет, им за эти пять лет надо дом построить, семью обеспечить, себя не забыть, так что на заседания ходить времени нет. Куй железо, пока депутат. Зарплата у них небольшая, всего лишь – я извиняюсь перед Раисой Ивановной, учительницей из Сыктывкара – четыреста тысяч рублей. С надбавками – я извиняюсь перед врачом из Саратова Сергеем Олеговичем – тысяч восемьсот. Да и пенсия будет – я извиняюсь перед пенсионеркой Аллой Александровной из Подольска – тысяч семьдесят всего. Вот если б они воровали... Но они – я извиняюсь уже перед всеми – не воруют. Если так, по мелочи, тарелку из думского буфета стырят или запрос какой-нибудь депутатский за деньги напишут, но это ж не воровство... Да и что такого? У них дети, им квартиры нужны, школы элитные. Не пойдёт же сын депутата, как босяк какой, в простую московскую школу, когда в Лондоне куча нормальных школ. Так что у депутатов жизнь сложная, хоть они ей и довольны. Потому что Россия – щедрая душа, ей четыреста пятьдесят трутней прокормить ничего не стоит. Зато они все под присмотром, послушные, накормленные, по улицам не шляются и сумки у народа не вырывают. А не возьмёшь кого-нибудь в депутаты, человек обидеться может и всё закончится нехорошо. Ленина не взяли как-то, чем закончилось? А сидел бы в Думе среди остальных, от которых ни вреда, ни пользы, может, и История по-другому бы пошла... Хотя Ленин долго бы там не просидел, ему такое существование не понравилось бы. А нынешние... Вот если они всей Думой на работу ходить не будут, кто-нибудь заметит? А если водители трамваев на работу не выйдут, или медсёстры, или, не дай Бог, дворники? И ведь сидят взрослые люди, голосуют там за что-то... В один день могут восемьдесят законов принять! По десять законов в час! И все законы – запретительные. Кроме двух – народу они разрешили собирать валежник, а себе – не публиковать декларации о доходах. Потому что там, в декларациях, печаль и нищета.

Я вот их как-то почитал и расплакался. Нет, им надо увеличивать зарплату. «Депутат такой-то, владелец тостера и яйцерезки...»... «Депутат такой-то, в собственности холодильник «Минск»...»... Ну как можно человеку, который, получая восемьсот тысяч рублей в месяц, сумел приобрести лишь яйцерезку и тостер, доверять бюджет огромной страны? У него ж мозги четырёхлетнего ребёнка, его обмануть – раз плюнуть! Он же только депутатом стал, а вокруг уже огромное количество богатых родственников-проходимцев вьётся! Человек только на выборы зарегистрировался, а возле него сразу жена-миллионер нарисовалась. А где она была, когда он без денег сидел?

Поэтому я, кроме увеличения зарплаты, предлагаю перевезти их куда-нибудь подальше, чтоб оградить праведников-депутатов от дурного влияния жён и алчных родственников. Пошёл в депутаты – всё, на пять лет уехал в Соликамск. Построить им там интересную локацию по чертежам из ФСИН, может, они ещё парочку разрешительных законов примут. Одним валежником сыт не будешь, спросите хоть енота в зоопарке. Да и соседи по Соликамску из локации рядом – а там люди опытные! – подскажут, какие законы принимать надо.

А здание Госдумы передать церкви. Потому что там всё освящать надо и бесов изгонять. Вдруг кто в буфете спрятался и в Соликамск не уехал...

Александр ТУХТАРОВ

г. Белгород

Тухтаров Александр Романович. Родился в 2005 году в городе Термез (Республика Узбекистан). В 2011 переехал с родителями в Белгород. Учится в БГТУ им. Шухова по специальности программная инженерия. Участник литературной студии «Младость».

Афанасий

В книгохранилище городской библиотеки, мирно поедая переплёты старых книг, обитал Афанасий. Библиотекари называли его книжным червём – грозой литературы. Однако всё обстояло не совсем так. Афанасий любил не только поедать переплёты, но и почитать литературные произведения в перерывах между обедами. Да и червём он на самом деле не был, являясь уважаемым, как минимум самим собой, жуком-кожеедом.

Рацион Афанасия отличался разнообразием. Больше всего он гордился поеданием и, конечно же, прочтением большой Оксфордской энциклопедии и старенького учебника по биологии за 7 класс. Но если научные книги Афанасий ел только по санитарным дням, когда читателей не пускали в библиотеку (ведь лишь тогда он осмеливался перелетать из книгохранилища в большой читальный зал), то основным блюдом у кожееда неизменно была русская классика. И вот, доев переплёт и дочитав роман Лермонтова «Герой нашего времени», Афанасий обнаружил много общего между собой и Печориным. Как минимум оба они были не поняты обществом, от жука даже хотели избавиться. Библиотекари грозились провести химическую обработку помещений, если ситуация с порчей книг не изменится.

«Хватит уже сидеть в этой библиотеке. Терпят меня здесь только потому, что не могут найти. Нужно менять свою жизнь, а главным источником кардинальных изменений являются знания... Помнится, в одной книге прочёл я о древе познания добра и зла. Писалось, что люди отведали его плода, кажется... яблока, и, ну... стали такими, как сейчас, значит, если все меня называют червём книжным, то, отведав яблока, я окажусь яблочным червём и встану на одну ступень с людьми, тогда уж они воспримут меня как равного!» – так рассудил Афанасий и решил распрощаться с прежней жизнью.

Вечером того же дня, когда библиотекари дружно пили чай в своей столовой, кожеед незаметно пролез под дверь книгохранилища и вылетел в окно навстречу переменам. Оказавшись на крыше библиотеки, Афанасий осмотрел местность. В округе росли одни берёзы да клёны. Полетав по окрестностям, жук так и не нашёл ни одной яблони.

Афанасий полетел на ближайшую остановку и стал рассматривать прибывающие автобусы. Вскоре он высмотрел «пазик» под номером 46 с табличкой сбоку за стеклом, на которой был указан маршрут: село Репное – село Яблочное. Решив проехать на этом автобусе до Яблочного, Афанасий залетел внутрь, спрятавшись под водительским сиденьем и, по своей неопытности, задремал.

Прошло чуть более получаса, автобус успел выехать за город, как вдруг мотор заглох и «пазик» остановился. Афанасий продолжал дремать, водитель выскочил из кабины, а люди стали тревожно перешёптываться. Потом один мужчина с длинным носом и в клетчатой кепке закричал:

– Э! Слышь, чё стоим?!

Водитель вернулся на своё место и, открыв переднюю дверь, громко сказал:

– Автобус сломался. Дальше мы никуда не поедем.

Некоторые пассажиры вздрогнули:

– Деньги-то на проезд потрачены, и что предлагаете нам делать!

Водитель выпроводил людей из салона, дождался вместе с ними другого автобуса, и попросил остановившегося коллегу взять его пассажиров бесплатно.

Афанасий проснулся когда водитель уже всю занимался ремонтом. Жук прильнул к лобовому стеклу и понял, что застрял тут на неопределённый срок, да ещё, как на зло, желудок дал о себе знать. К своему большому огорчению ничего съедобного в салоне кожееду найти не удалось, поэтому он выпорхнул в форточку и подлетел к водителю. Тот стоял возле автобуса и курил. На земле валялась скомканная и замасленная газета. Жук спикировал не неё, и прочёл название: «Житьё-бытьё». Афанасий оторвал кусочек и быстро запихал его себе в рот, но тут же выплюнул со словами: «Ну и гадость это ваше житьё-бытьё!». Кожеед, которому голод не давал покоя, стал кружить вокруг водителя, поторапливая его и дергая за волосы, если тот отлынивал от работы. Автобус удалось отремонтировать только к вечеру. Но водитель и Афанасий были безмерно этому рады. Когда они добрались до жилища человека, кожеед, к своему огромному счастью, заметил, что в саду у него растёт большая яблоня. Собрав последние силы в кулак, Афанасий полетел к дереву.

Измождённый жук упал на крупное и спелое яблоко, чтобы наконец перевести дух. Размеренное покачивание плода и пение птиц подействовали на уставшего Афанасия лучше любого снотворного. Но отдохнуть ему было не суждено, недружелюбный голос резко разбудил жука.

– Э, слышь, ты чего тут забыл, а?!

Афанасий увидел перед собой сердитую и довольно крупную гусеницу.

– А... А кто спрашивает?

– Васян спрашивает. А ну отвечай, кто такой и что здесь забыл?

– Червь яблочный, за яблоками прилетел, – спросонья ляпнул Афанасий.

– Ха-ха, ты!? Да это я червь яблочный!

Васян стал ползать вокруг жука, внимательно его рассматривая.

– Слушай, раз уж ты сюда прилетел, то, может, ты этот... бабушка? – воодушевлённо спросил Васян.

– Какая бабушка? – Афанасий с трудом понимал, что происходит и что этой гусенице от него нужно.

– Которая, ну это... летает! Что за вопрос, а?

– Может... вы имели ввиду бабочка? – неуверенно спросил жук.

– А! Да, да, да бабочка, бабочка! – так же воодушевлённо подтвердил Васян. – Ну так что, ты бабочка? – всё никак не унималась гусеница.

– Ну... ну да, – Афанасий решил подыграть Васяну во избежание неприятностей.

– Раз уж меня посетила достопочтенная бабочка, то прошу к столу, ты ведь поесть сюда пришёл? Ну так ешь, разрешаю.

– Да, спасибо.

Афанасий откусил часть яблока, вкус был очень странным, с «Житьём-бытьём», конечно, не сравнится, но ком в горле от него тоже встал. С большим усилием кожеед проглотил кусочек.

– Ну как тебе моё яблоко, вкусное, да? – Васян подполз поближе к жуку, пристально глядя на него.

– Да... вкусное, – едва не подавившись, проговорил Афанасий, очень уж ему не хотелось злить гусеницу и выдавать себя.

– Кушай, кушай, я угощаю.

Афанасий понял, что так просто ему не отвертеться и продолжал насильно пихать в себя яблоко, пока ему совсем не поплохело.

– Спасибо большое... мне пора, – еле проговорил Афанасий.

– Что, уже! Но ты почти ничего не съел. Ну и бабочки! – разочарованно воскликнула гусеница. – Ну ладно, лети и расскажи о гостеприимном Васяне своим друзьям!

Афанасий после такой трапезы с трудом взлетел и отправился подальше от гадкой яблони и страшного Васяна. «К чёрту такие приключения, дома было намного лучше!» – решил Афанасий, отлетев на приличное расстояние.

Вернулся кожеед в библиотеку на следующий день, голодный как Робин Бобин Барабек. На пути к своему родному книгохранилищу Афанасий увидел библиотекарей, пьющих чай с яблочным пирогом. Жук аж ошалел от такого зрелища. «Ой люди... Как вы можете есть эту гадость! – подумал Афанасий. – Да на вас!.. Да на вас Васяна нет!»

Жук-кожеед, познавший и добро со злом, и житьё-бытьё, наконец вернулся домой. Первым делом он направился к живительным книгам, размышляя, что после такого стресса нужно поесть чего-нибудь весёлого. Забравшись на любимую полку с русской классикой, Афанасий увидел маленькую книжку с забавным названием «Муму», навевающим мысли про корову. Решив, что это будет приятная трапеза, жук приступил к еде и чтению.

Юрий ЖЕКотов

г. Николаевск-на-Амуре, Хабаровский край

Жекотов Юрий Викторович. Член Союза писателей России. Автор 6 книг прозы. Публиковался в журналах «Берега», «Дальний Восток», «Мир животных», «Молодая гвардия», «Охота и охотничье хозяйство», «Охотничьи просторы», «Подъём», «Приокские зори», «Российский писатель», «Север», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Юный натуралист» и др. Лауреат ряда международных и национальных литературных премий. Почётный работник общего образования РФ.

Оляпкино пёрышко

(из цикла «Рассказы дальневосточного охотника»)

В двух километрах от охотничьей избышки обратил внимание Николай Степанович на диковинное явление: в тайге уже третью неделю как мороз капитально обосновался, даже днём минусовые температуры установились, гроз сухих с самого лета не было, а под скалистым отвесным склоном сопки отчего-то дымок вьётся! Станным каким-то этот дым показался старому охотнику – запаха горелого валежника совсем от него не чувствовалось, да и огня не было видно.

Пошёл Николай Степанович разгадывать очередную интересную головоломку, какие любопытным натуралистам всех возрастов удивительная природа чуть ли не каждый день подбрасывает. Вскоре выяснилось: устав бежать в недрах земли, тёплый говорливый ключик на заснеженную поверхность тайги пробился, журчит весело, радуясь доброму дню. И от ключика не дым столбом идёт, но, как при выдохе живого существа, остужаемый воздух клубится.

Осторожно потрогал воду в ручье охотник: горячая, но не обжигающая, для кожи терпимая. Неподдалёку от выхода тёплого ключа, в каменном углублении, проточная природная ванна образовалась, наполненная доверху водой – есть желание, так купайся в ней круглый год под открытым небом.

Знал охотник, что дальневосточные горячие источники, бьющие из-под земли, обладают целительными силами, а потому опустил в воду натруженные руки по запястья, решил погреть суставы, чтобы гнулись они как следует и не знали боли. Не больше минуты длилась лечебная процедура, как услышал Николай Степанович бодрый птичий голос. Второй раз за день удивился охотник: «Кто такой смелый, морозов не боится? Кому зима нипочём?».

В десятке метров от лечебной ванны скатывался тёплый ручей в речку. А там благодаря высокой температуре воды широкая полынья образовалась. У тёмного окошка в подводный мир по самому краешку ледяного наличника, не боясь оступиться, прогуливалась тёмно-бурая птица, размером со скворца, и с интересом своё отражение в струящейся воде разглядывала. Несколько шажков сделает, присядет, махнёт хвостиком, посмотрится в «зеркальце» и дальше шагает, но всё налюбоваться своей неподражаемой внешностью не может.

«И надо же! Потеряв всякую осторожность, в очередной раз загляделась пичуга до головокружения на свой прекрасный «колышущийся образ» и в речку бултыхнулась!» – так поначалу подумал Николай Степанович, заметив, как резко соскользнула птица в омуток и пропала. Встревоженный судьбой пернатой обитательницы тайги, уже хотел было охотник бежать – спасти неловкую купальщицу. Но та как ни в чём ни бывало после нескольких секунд погружения в воду, выскочила на лёд, да вдобавок ещё и с рыбкой в клюве. Постучала добычу о зубчатую ледяную коросту, тщательно прополоскала её в воде и проглотила. «Да это же бурая оляпка! – наконец узнал редкую дальневосточную птицу охотник. – Это она не перед зеркалом красуется, а рыбалкой занимается!».

Так и повелось с того дня. Проходя мимо лечебного источника, обязательно остановится у него охотник, руки погрет в целебной воде и заодно за смелой купальщицей понаблюдает. У оляпки тёмный бочажок на реке рядом с горячим ключом, по-видимому, был излюбленным местом для рыбалки. Оно и понятно: водичка там немного теплее и насыщена кислородом, а потому всегда водились на дне водоёма ручейники и собирались порезвиться у полыньи стайки подрастающих мальков.

Оляпка была умелым рыбаком, редко когда после ныряний пустой возвращалась. Любила возиться на мелководье, переворачивая там камешки и отыскивая под ними рачков-паучков, бокоплавов и других личинок насекомых. Несмотря на зимнее время, птица, казалось, вовсе не мёрзла, а от купаний получала большое удовольствие. Все деревья возле речной промоины

обильно покрылись белой пушистой бахромой, а к оперенью птицы, тщательно смазанному жиром, хоть бы ледышка какая-нибудь пристала! Удивлялся охотник и долго не находил ответа на вопрос: «Есть же более благоприятные и «хлебные» края, куда могла бы откочевать на зиму оляпка вслед за многими перелётными птицами! Так зачем же добровольно устраивает себе трудности?». А потом догадался Николай Степанович о причине зимовки оляпки в суровой тайге, невольно приписав птице свои черты характера: «Мне ведь дома на мягком диване тоже не сидится, сладкого каравая не надо, а лишь бы по тайге вдоволь побродить. Хоть зимой, хоть летом! Видно, и для оляпки нет лучшего места, чем родимая земля!»

Под Новый год ударил в амурской тайге мороз под сорок градусов. Решил отсидеться охотник денёк в избушке, чтобы обморожений ненароком не получить. Занялся хозяйственными делами: заготовкой дров и починкой обуви. На второй день ртутный столбик термометра начал бить новые минусовые рекорды, скукожился у самого основания градусника. Тут запоздало вспомнил охотник: «А как же оляпка? Вдруг полынья совсем затянулась ледяным панцирем. Хоть оляпка холодов и не боится, но пищи себе без открытой воды нигде не отыщет. А на голодный желудок мороз – гиблое дело!».

Настрогал-накрошил мелко свежемороженого хариуса Николай Степанович, намотал на щёки шарф, шапку поглубже натянул, захватил с собой топор и заторопился к тёплому источнику. Полынья полностью не закрылась, но сузилась до размеров кухонного тазика. А возле промоины сразу три оляпки насчитал охотник. Толклись птицы совсем рядышком, не ругались, но сосредоточенно ныряли то поодиночке, то попарно в воду. При этом чаще возвращались птицы после «купаний» без добычи.

«Видно, перемерзли другие полыньи. Вот и слетелись оляпки к тёплому ключу. Только много ли с одного места наловишь, да к тому же целой рыболовной бригадой!» – рассудил охотник и поспешил на помощь птицам. Первым делом потюкал топориком лёд, расширил водную отдушину. Затем разбросал кусочки заранее приготовленной рыбы возле полыньи. И отошёл в сторонку посмотреть: примут ли угощение птицы.

Голод не тётка! Распробовав рыбный подарочек охотника, умяли его оляпки подчистую, не забывая перед проглатыванием полоскать кусочки рыбы в воде. Откушали – и давай ещё с большим азартом в прорубь нырять. Куда деваться, пошёл охотник вдоль реки, присматривал удобные места, где водица на быстрых перекатах скатывалась в омутки, и делал там небольшие проруби. Пропутешествовал так с километр Николай Степанович и устроил десяток речных отдушин.

Неделю небывалый мороз в тайге держался, и ежедневно, добровольно взяв на себя обязанность оляпкиного покровителя, ходил Николай Степанович поддерживать нужный размер окошек в водный мир, да ещё гостинец прихватывал для птиц. Посмеивался над собой охотник: «Скоро совсем отучат меня оляпки от охоты и превратят в главного защитника природы!».

Морозы посопротивлялись-понастырничали, но всё равно отступили. Оляпки разлетелись по привычным местам и охотничью подкормку больше не принимали, предпочитая самостоятельно добывать живой корм. В апреле вскрылись таёжные реки, и оляпки уже свободно могли устраивать рыбалку в любых понравившихся им местах. Долго не попадалась на глаза охотнику старая знакомая – оляпка у горячего ключа. «Наверное, строит птица себе гнездо и птенчиков выводить готовится», – решил охотник.

В мае возвращался Николай Степанович к избушке с рюкзаком, наполненным доверху дальневосточным деликатесом – папоротником-орляком, и по привычке остановился на привал у тёплого ключа. Тут и объявилась оляпка, давай ходить рядом с охотником, приседать и кланяться, будто спасибо говорила. Откланявшись, птица оправила клювом оперение, звонко вскрикнула на прощание, взмахнула крыльями и стремительно понеслась вдоль реки. А на месте, где только что сидела оляпка, осталось на добрую память бурое пёрышко. Подобрал лоскуток от птичьего платья охотник, принёс в избушку и вставил в растрескавшуюся бревенчатую стену над дощатым столом.

И теперь вместе с ветвистыми рогами, сброшенными хозяином-лосем поздней осенью в дремучем ельнике; с поперечным срезом ствола пятисотлетней лиственницы, сваленной яростным японским тайфуном; с другими лесными экспонатами – всех не перечислишь, развешанными охотником по стенам и приделанными к потолку лесной избушки, появилась ещё одна достопримечательность в таёжном музее – подарок от отважной птицы-ныряльщицы – оляпкино пёрышко.

Сергей МАЛАШКО

г. Магадан

Родился в 1962 году в городе Зея Амурской области.

В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области. Публиковался в альманахе «Охотничьи просторы», журналах «Охота и рыбалка 21 век», «Острова» (США), «Интеллигент – Нью-Йорк». Удостоен почётного звания и нагрудного знака «Серебряное перо Руси» в рамках национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2013) и специального диплома Александра Бухарова в номинации «Популяризация русского языка в рамках международных проектов», медали «М. Ю. Лермонтов» (2014), специального диплома Александра Бухарова и медали «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» (2015). Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси» (2022). Автор 5 книг прозы. Редактор литературного отдела «Рыбохотобзор» журнала «Северо-Муйские огни».

Оленинка из чайника (из цикла «Удачные рыбалки»)

В небольшом мотоцикле в городе с неоднозначной репутацией шёл рабочий день. Предыдущий был условно рабочим: два участника прошедшей рыбалки приводили в порядок «снарягу». Они долго судили-рядили: ехать или не ехать за 150 километров в одну сторону за два не самых простых перевала через Янскую переправу. В итоге решили ехать. Добрались до реки Яна и при морозе в десять градусов на лодке ПВХ ушли вверх ещё на двадцать пять километров, достигнув хариусового Эльдорадо.

Поутихли эмоции от удачной рыбалки, почти ушло адреналиновое отравление, которое неизбежно получается в таких поездках. Высушена верная лодочка, законсервирован и определен на место зимнего хранения водомётный двигатель. Определены в холодильник и морозильники без малого полуметровые хариусы, и рыбаков настигло состояние сытого удава.

Как-то так получилось, что в бытовке оказались все трое, входящие в наш небольшой коллектив.

– Викторыч, а давай по чайку проедемся? – предложил я сотруднику, открывая холодильник.

– Чего там у нас к чаю есть у этого друга человека?

– Так давай, – последовало в ответ.

– Во, а чего это здесь непонятный чайник делает? И чего в нём есть? Не чача ли от твоего друга Германа? – продолжил я.

– Не, Львович, чачи от него не дождёшься. Там притаилась оленина. Брали с собой, сварили на рыбалке, получилась мягкая, томлёная. Но здоровья не хватило её победить. Выбрасывать грешно. Знакомый тебе Гера с предложением отдать всё это его бестолковому псу Кенаю, был послан в пень. Я же переложил в него оставшиеся куски и благополучно привёз сюда. Вдруг моей Плюше понравится, – ответил Виктор.

– А тебе не кажется, что твоя Плюша облезет. Давай-ка нальём оленинки из чайника, – предложил я, достал чайник с мясом и поставил на стол. Одновременно включил кипятиться другой чайник.

– Дык кто против, – с улыбкой согласился сотрудник, открыл убежище оленины, достал пару кусков и принялся срезать мякоть с костей.

– Ну вот, налил оленинки. Похоже, совсем неплохо наливается, – сообщил он, наполнив чашку охлаждённым мясом.

– Здорово это у тебя получается, оленину из чайника наливать. Ну тут без стопаря никак. Я ленивый, без руля. Мне можно, – ответил я, доставая из холодильника бутылку «Тундры».

– Ну вот так, в лучших чувствах обломили, – сказал Викторыч и поставил тарелку с мясом в микроволновку.

– Дед, ты с нами? – задал я нашему третьему сотруднику вопрос с ожидаемым по содержанию ответом, одновременно наливая себе стопарик.

– Ага, шас, не откажусь, фиг дождёться. Хотя бы чашкой кофе поддержу, – ответил нам третий член нашего маленького и очень дружного коллектива.

Мясо грелось буквально пару минуток, и стараниями Викторыча чашка с мясом оказалась на столе. У мужиков в кружках заваривался кофе, мой стопарик с «Тундрой» подвигал к активным действиям.

– Мужики, ваше здоровье. Ну и за кулинарное открытие: оказывается, оленину можно наливать из чайника!! Пусть чаще наливается оленина из чайника и, благодаря нашим друзьям на Чукотке, дольше сохраняется такая возможность, – произнёс я тост.

Небольшой ободряющий стопарик зашёл как домой, ну а мягкая нежная ещё парящая оленина только добавила эмоций.

– Хорошо сидим. Оказывается, всё просто. Вовремя налитая оленина из чайника, стопарик холодной водочки – и, собственно говоря, всё что нужно для маленького счастья!! – выдал я свои впечатления.

– Ну и искуситель же ты, Львович, – улыбаясь сказал Дед, запивая налитую из чайника оленину крепким кофе. – Нам же стопарик сейчас никак. Мы же за рулём.

– Я думаю ничего страшного. Вечером дома навестаете, – успокоил я мужиков.

– Ну вот чего здесь скажешь? Мы бы тебя поддержали, но не в этот раз, – сказал Дед.

– Спасибо, Львович. Сказано, что влито, – согласился со мной Виктор.

Первый полноценный рабочий день после удачной рыбалки продолжался.

04.11.2023

Алексей ПРАНОВ

г. Рославль, Смоленская обл.

Пранов Алексей Николаевич, 1961 г. р., образование высшее (биолог-охотовед). Почётный работник органов рыбоохраны РФ, Почётный член Смоленского областного ООиР, Ассоциации «РОСОХОТРЫБОЛОВСОЮЗ». Член Союза российских писателей. Автор 7 книг стихов и прозы, автор-составитель и редактор 4 сборников стихов смоленских поэтов. Рассказы, очерки, стихи печатались в альманахах «Охотничьи просторы», «Под часами», в журналах «Смоленский литератор», «Рыболов», «Природа и человек», «Охота и охотничье хозяйство», «Тверь охотничья». Автор и ведущий рубрик «По лесам, лугам, болотам с ручкой и блокнотом» и «Окно в природу» региональных печатных изданиях «Авось-ка» и «Рославльская правда». Лауреат и «Абсолютный победитель» (по интернет-версии) поэтического конкурса «Гринландия 2017» в номинации «Украшим Родину цветами»; победитель ряда литературных конкурсов (в том числе международного, посвящённого памяти поэта Алексея Мишина). Награждён общественной медалью «За вклад в образование, культуру, искусство и литературу». За популяризацию традиционных видов российской охоты – медалью Алексея Орлова; за книгу «Золотой Борок» – медалью Дмитрия Соловьёва (основоположника российского охотоведения). Руководитель литературного объединения «Истоки» (г. Рославль).

Шатун

(Рисунок автора)

...В ответ на повторный стук на порог шаткой походкой в галошах на босу ногу вышел высокий плотного сложения мужчина лет шестидесяти, слегка одутловатый, с зачёсанными назад прямыми седыми волосами; на его голый торс был надет зелёный брезентовый плащ, очевидно заменявший домашний халат. Не то полупьяный, не то с похмелья, со словами «в добрый час гость», «дикий барин» неожиданно любезно пригласил меня в дом, усадил, выслушал и, чутко, до слезы, проникшись чужими заботами, великодушно пообещал не оставить в беде. Выяснилось, однако: щенки у его непревзойдённой суки появятся только через месяц, но зато какие! Терпеливо выслушав все превосходные степени восхищения в адрес будущего помёта, я согласился ждать: совестно было бы проявить неблагодарность в ответ на такую редкую в наше время обходительность.

Только мы стали прощаться, в окна ударили струи холодного осеннего дождя; поступило предложение переждать. Выбору промокнуть до нитки или остаться сухим я предпочёл благоразумие...

Дождь лил не переставая, ожидание затянулось. Мой благодетель уселся напротив меня и, обняв руками колени, понурил голову, уткнувшись в грудь небритым подбородком. Доносившиеся звуки непогоды разморили его: он даже всхрипнул негромко, как бы невзначай, но тотчас спохватился. Я не счёл возможным его тревожить и без спросу взял со стола раскрытую книгу без обложки и нескольких начальных страниц. На пожелтевших полях книги выделялась памятка красным карандашом: адельфан – от давления, дигоксин – аритм. Взглянув на красное лицо «визави», зевая, я положил книгу на место. Чтобы как-то скоротать томительную паузу, поневоле оставалось разве что получше разглядеть комнату, в которой мы находились. Рассеянный взгляд поначалу не мог ни за что зацепиться, но вот внимание моё привлекла наискось висевшая на стене тёмная шкура, явно выставленная на обозрение в качестве трофея; в серых полусумерках трудно было разобрать издали: волк? кабан? Любопытство подняло меня со стула, заставило надеть очки и решительно преодолеть-таки нелепо возникшую скованность поведения. Лишь приглядевшись внимательно, я убедился, что на стене висит шкура медведя: когти, клыки, жёсткая бурая шерсть... – налицо все атрибуты редкого в наших краях зверя, не только добыть, но даже просто увидеть которого – мечта любого охотника. Заметив мой нефальшивый интерес к столь редкому трофею, хозяин встрепенулся, ожил и, как бы предупреждая моё дальнейшее любопытство, с напускным равнодушием пояснил: «Наш, местный, доморощенный. Шкура невелика, да памятна: бит чисто, с тридцати шагов свинцовой пулей. Было дело... – за ужином расскажу...»

«Надеюсь, проявите великодушие, не обидите отказом присоединиться?» – спросил он помедлив и, не дожидаясь ответа, удалился в кухню, по-видимому, раскусив мою мягкотелую склонность к соглашательству. Опять-таки приятно удивили непринуждённость обращения и изысканность слога; оставалось проявить учтивость и терпеливо ждать ужина...

Деревенское угощение подкупало простотой, изобилием и радушием: яичница с салом, квашеная капуста, солёные грибы, отварной картофель, домашней выпечки ржаной хлеб... Мёд в сотах! Графин с хлебным самогоном ещё более усиливал аппетит и располагал к общению, заранее настраивая на лирический лад: не терпелось за столом услышать обещанный рассказ. Долго томиться не пришлось: после первой же рюмки, едва закусив, «медвежатник» неспешно и обстоятельно повёл историю своего охотничьего форта. Чувствовалось: прикованное внимание слушателя доставляет ему удовольствие, льстит честолюбию. Что ж тут поделаешь? – «Немощны мы, ибо человецы...»

– Случилось это... Трудно припомнить когда точно, но *гаджетов* тогда ещё и в помине не было. Даже и слова такого мерзкого никто не слышивал. Зима, помнится, была малоснежная, да с морозами – земля потрескалась. Мои собаки все лапы в кровь ободрали по мёрзлому чернотропу, так я их и брать перестал, – жалко. А какая без собак охота?! Ждём-пождём снега... Тут, помнится, на Николу встречаю егеря из соседнего района; мы с ним в приятельских отношениях, он запросто и поделился своими заботами. Появился, говорит, шатун на участке, да так озорничает – беда. Третьего дня задрал телёнка на ферме, доярок выпугал. В деревне хозяйскую пасеку разметал, десяток домиков разорил. Больше набеодокурил, чем попользовался. Детишки боятся в школу ходить – а вдруг нападёт? Надо бы организовать загон; лицензия имеется, поговори со своими охотниками да и приезжайте в субботу, нейтрализуем бродягу...

Я, по правде сказать, не то чтобы не поверил, но как-то насторожился, что ли... У нас медведь? Неслыханное дело! Главное, местность в том районе – полевщина, лесок клочками, кое-где, а на ж тебе – шатун! Странно, есть над чем голову поломать: нет ли тут какого подвоха? Но виду не подал и пообещал обязательно обзвонить знакомых охотников кто поопытней и в субботу прийти на облаву – готовься...

Застрельщиков набралось шесть человек... Да сам я седьмой – доброе число. С собой решили взять двух лаек, по медведю не притравленных, но злобных по кабану: всё подспорье. В назначенный день выехали чуть заря, да видно кто соблазнился, «согрешил» перед охотой – на полпути «буханка» наша подломалась. То да сё – с горем пополам добрались только к обеду. Ладно, и то хорошо, что не затемно. Матенков – так фамилия охотоведа – волнуется, переживает: приедут, нет? Да мы и сами все на нервах, «на измене» – не подвести б человека, нехорошо... Словом, в тот день засветло успели лишь следы разыскать (чуть припорошило земельку) и лесок вокруг объехать – зверь на месте! И то сказать – зверь... Название! Следок с ладошку, по-всему – муравейник. Не лончак-сеголеток, не переогодовалый пестун, а именно молодой, не прибуравший, ещё к парной дичинке не пристрастившийся любитель зорить муравьиные кучи в поисках доступного лакомства. Понятное дело, на таких харчак к зиме сала и на палец не нагуляешь, вот и рыщет по морозу где бы чем поживиться: шатун и есть – ни кожи ни рожи. Ну, не до перебора, какой есть: лиха беда начало. Ночевать к Матенкову...

Вынув пробку из графина, хозяин скомандовал полушутя, но тоном не терпящим возражений: «Ну, подставляй-ка, повторим. Между первой и второй... Не нами заведено, не нам и нарушать». Он наполнил стопки, приподнял свою, приглашая последовать его примеру, и произнес банальное «Будем!», залпом её осушил, одновременно довольно крякнув и недовольно поморщившись. Хитро поглядывая и сохраняя интригу, он некоторое время неспешно уделил закуске, как бы обдумывая дальнейший ход повествования, явно желая произвести впечатление не только заправского охотника, но и интересного рассказчика. Признаться, ему это удавалось... Через минуту-другую он продолжил:

– Дом – деревенская изба: после холодных дощатых сеней – передняя с русской печкой, через стенку – горенка с опрятными занавесками и геранями по окошкам. Нас и набилось полна горенка, как огурцов в кадушке, все с мороза да без обеда! – Сам понимаешь... – окончательно и без лишних церемоний перешёл на «ты» заметно захмелевший сказитель (много ли надо на старые дрожжи).

Хозяйка, сухонькая женщина, скорей даже старушка, мечется в лёгкой панике. Брови домиком – печать заботы: куда садить? как размещать? С божьей помощью всё утряслось, кое-как разместились за столом и на ночь места присмотрели: кто на кушетке плацкарт забронировал, кто на лавке, а кто и просто на полу на тулупчике, запросто, по-походному. В избе натоплено до дурноты, дышать нечем. Ещё разулись... Такой тесной компанией редко собираемся: выставили на стол выпивку, закуску у кого что есть. Хозяйка подсуетилась, давай чугулки из печи метать, гостей потчевать. Хлопочет, сердешная, угодить старается. Словом, несмотря что рано вставать, в тепле и уюте засиделись, заболтались... Всё про медведей да про медведей разные байки, одна другой занятней. Главное, никто косолапого в глаза не видывал, разве что в зоопарке, но вошли в раж, не остановишь: один про то, как в деревне мишка лесника поломал, другой – как знакомого охотника подстерёг, обниматься полез... Хозяйка, слушая, всё сердце порвала: то губы поджав головой качает, то руками всплеснёт. А когда услышала бедняжка, как неуклюжий и, вроде бы, добродушный увалень, нападая, резким броском таранит человека, сшибая с ног, свирепо рыча кусает, мнёт, ломает, рвёт крепкими как сталь когтями, при этом нередко скальпирует свою жертву, сдирая кожу с затылка и заворачивая её на лоб, на глаза... – то и вовсе ретировалась от греха, предпочла честной компании печную лежанку. Лишь за полночь, отяжелев, нехотя и мы улеглись по углам, угомонились. Матенков полез на печку, к своей старухе за занавеску.

Рука рассказчика радушно потянулась к графину, я покорно подставил свою стопку: грех обижать хозяина. Повествование ненадолго прервалось, чтобы через минуту оживиться на более эмоциональном уровне:

– Кто, задремав, похрапывал; кто ворочался, не мог удобно угнездиться на новом месте; кто тихонько выходил освежиться, покурить. За обоями скреблись мыши, лайки беспокоились на чужом

дворе, настенные часы монотонно и бесстрастно приближали намеченный час общего подъёма. Всё это с некоторой натяжкой можно было назвать ночной тишиной, покоем. Но и в такой тишине без труда становись невольным слушателем чужого, не предназначенного для постороннего уха, разговора. Из-за печной занавески прослушивалась доверительная, полужёпотом, беседа пожилых супругов.

«Матюша, – это старуха так Матенкова ласково по фамилии величала, – не ходил-ба б ты с ними завтра, поостерёгся. Они, погляди – кровь с молоком, молодые, а ты? Горе ты луковое... Случись чево, мне ж с тобой и нянчиться, упаси Христос...» Старик тихонько прокашлялся сердито, но проявил выдержку, промолчал... «Они, чуть что, убегут... А ты? Инвалид! Не ходи!» – продолжила своё «ночная кукушка». – «Вот что, Матрён. Я, ты знаешь, и на фронте не пасовал, за других не прятался. А тут? Подумаешь, медведь! Видали мы и медведей... Спи!»

Но Матрёне не спалось; глубоко вздохнув, она отыскала веский, как ей казалось, аргумент своей святой правоты: «Тебя ж не осудят, не попрекнут, голова! Ты своё сделал: людей собрал, зверя показал. Им без тебя ещё и вольготней, без лишних глаз-то! Вот и сиди дома, неслух...».

Тут старушка осёклась: муж, осерчав не на шутку, возвысил голос, забыв, что печная занавеска не глухая стена: «Что ж я, людей позвал, а сам в кусты?! Красиво, нечего сказать! Лес только я и знаю, никто больше... Пойду в загон! Всё, не перечь, вставать скоро...».

Увещевание подействовало: шёпот прекратился...

Хоть и с тяжёлой головой, на непривычном месте никому не лежалось: жарко, душно... ещё затемно, не включая света, охотнички раньше хозяев давай прежде времени подниматься, обихаживаться: кто «до ветру», кто попить, кто дымком отравиться... – дело житейское. Боле и не ложились: погода не злая, со двора не гонит. Водитель в радиатор тёплой водицы налил, двигатель прогревает; остальные топчутся вокруг, пошучивают, время коротают. Собаки нетерпеливо повизгивают, чуют близкий час охоты. Собрались все, ждём хозяина, которого всё нет и нет. Наконец, скрипнув ветхими приступками у порога, вышел и он...

Это было явление! В журнале разглядывал я как-то репродукцию «Портрет партизана». Жалкая, я вам доложу, вещь по сравнению с тем, что предстало нашим глазам. Кроме служебного карабина за спиной, «матюшино» плечо оттягивала двустволка неслабого калибра; на поясе красовались ракетница в кобуре от револьвера и огромный охотничий нож, скорее даже тесак; за поясом топор. Уместились и два подсумка с патронами. Нет гарантий, что старик не запаса предупредительно и «гремучей гранатой», укрыв её за пазухой от посторонних глаз. Красавец! Вот бы с кого портрет писать! Кажется, даже собаки притихли, оробев от столь грозного вида: Марс, бог войны! Не хватало рогатины в руках. Если бы такой арсенал в своё время на Красную Пресню, царизм не продержался бы до семнадцатого года, пал раньше времени. Трудно было при таком зрелище сдерживать не только улыбку, даже смех.

Ну, потешились и за дело! До лесочка заветного рукой подать – пять минут езды. Уже и развиднелось... Для верности лесок ещё раз объехали: выходного следа нет. С Богом!

Нужно отдать должное умению Матенкова грамотно распорядиться охотой: краткий, но содержательный инструктаж, расстановка по номерам, дельные указания что и как... Опыт! Сам егерь с собаками вызвался идти в загон, но не по едва приметному на лёгкой пороше входному следу, а с другой стороны, в обход. Учитывая излишки в амуниции, все довольно скептически оценили его как загонщика, но отговаривать не стали. Охота началась...

«Ну, наконец-то: вот она – наивысшая точка, апогей, кульминация!» – подумалось мне, пока рассказчик разливал хлебную в порыве закрепить наши неформальные отношения: от «Будем!» до брудершафта оставалось всего ничего... Как слушатель я явно пришёл к двору: ни лишнего вопроса, ни возражений. Вспомнилась знаменитая картина Перова – не хватало лишь третьего персонажа, с недоверием почёсывающего в потылице. Как и предполагалось, последовало продолжение:

– Тут, я тебе доложу, знать надо что да как. Егерь хоть и выглядел – животики порвёшь, а своё дело помнил. Не залёгший в берлогу зверь, пусть даже и молодой, в силу инстинкта выживания становится зол, дерзок и коварен, подчас пренебрегая осторожностью и бдительностью. От такого можно ждать чего угодно, так что осмотрительность и страховка не излишни и вовсе не предосудительны. Стронутый медведь, почуяв опасность, всё время прислушивается и принюхивается по ветру и, едва слышав шорох, шаги, голоса – немедленно старается уйти, на махах покинуть место оклада. Если же оклад, или круг, невелик и схорониться ему негде – медведь своим же следом отступает, идёт в пяту. Именно здесь, на пяте – лучшее место для стрелка. Мне-то оно и досталось. Но выдержка должна быть – не шелохнись! Без малейшего шума, замерев, с заряженным ружьём наизготовку нужно терпеливо ждать своей удачи. А лес без снега, проглядывается насквозь. Напряжение максимальное: зрение, слух... У меня даже стих про это сложен.

Припоминая, охотник на секунду зажмурил глаза и, в такт покачиваясь на стуле, стал негромко декламировать строки собственного сочинения:

Замри и стой, как на посту в секрете,
Весь превратившись в зрение и слух,
Забудь о вожделенной сигарете,
Ты невидимка временно, ты – дух.
Не суетись, дождись спокойно зверя,
С терпением превыше похвалы,
И, своему везению не веря,
На цель направь холодные стволы...

«Ну, какво?» – как бы вопрошал пристальный и несколько надменный взгляд автора-исполнителя. «Браво! Браво! — искренне похлопал я в ладоши. – Да, это, кстати, и на тост похоже!»

Мы чокнулись. Дождь перестал, но нам до этого уже не было никакого дела: с каждой паузой в рассказе наши души не только сближались, они роднились. Получив новый толчок, наше ничем не опечаленное беседование продолжилось:

– Дальше всё как по маслу: лайки, как сейчас помню, Вьюн и Змейка, сработали, погнали мишку в пяту, как и предполагалось. Не подвёл и загонщик: пошёл ершом, пальбой и диким голосом распугал всю округу без всяких там кричан. Зверя я заприметил загодя, успел изготавиться. Врать не стану, нервы всё же сдали: от волнения и сердце дрожало, и руки тоже... Но ни осечки, ни промаха – второй выстрел не понадобился, стридцати шагов первым! Так что совесть чиста и покойна. Вообще получилось всё как-то неправдоподобно быстро, самому не верилось, как во сне. И никакого подвоха, всё чисто. На голос собрались товарищи, поздравляют. Зверь и впрямь оказался невелик, оно и по шкуре видно, но и не такой уж тощий: освежевав, даже нутрянной жирок запасли. Развели костерок, общаемся... Вдруг – выстрел вдалеке; раз, другой. Кинулись – а закопёрщика-то и нет! Где Матенков? Мы уже и из фляжки «на кровях», и мяско какое ни есть поделили, а «красный партизан» в кругу знай патронов не жалеет да горло дерёт. Вот уж кто истинный шатун! Насилу дождались скитальца, долше ждали, чем охотились...

Да, вот ещё казус... На следующий день ко мне тогда корреспондент из местной газеты приехал; интервью взял, сфотографировал на фоне добытой шкуры. Вышла заметка под заголовком «Шатун» и с моим портретом. Ребята газету как увидали... В общем, абсурд: что меня Анатолием Сергеевичем зовут уж никто и не помнит...

Повесть окончилась, графин опустел, хлебная возымела своё действие... Анатолий Сергеевич, сам изрядно пошатываясь, заботливо помог мне встать и проводил до дивана. Наутро мы расстались дрызьями.

Через полтора месяца я за пазухой принёс домой щенка. По-детски неуклюжий, с мощными передними лапами и куцым пока ещё хвостиком, упитанный малыш умильно смахивал на забавного медвежонка.

– Шатун! Шатун! – поманил я маленького новосёла, пододвигая мисочку с молоком. Потешно виляя задом, шаткой неуверенной походкой тот подошёл к миске и... неловко опрокинул её.

– Ну, бродяга! Больше набедокурил, чем попользовался. Шатун и есть! – незлобливо пожурил я своего будущего помощника в охотничьих скитаниях.

(Рисунок автора)

Обратная связь

Алёна ИВАНОВА

г. Озёрск, Челябинская обл.

Лингвист. Автор 2 книг стихов. Участница пяти Международных Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки» (2013, 2015 – 2018). Победитель литературных конкурсов от городского до международного уровня.

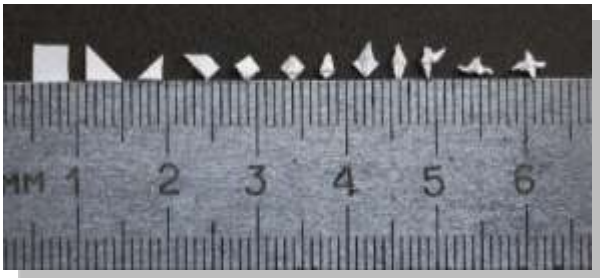
Маленькое чудо

«Бумажный журавлик над жизнью летит» – этой стихотворной строкой я объединила два своих основных вида творчества: поэзию и бумажные миниатюры. Пройдя четвертьвековой путь обучения и поиска оригинального стиля, с гордостью представляю родной город Озёрск и Челябинскую область на всероссийском и международном уровнях.

В жанре миниатюр овладела уникальной техникой, зарегистрировала её в Книге рекордов России и создала авторское направление. А началось всё с подаренной книги об оригами. Раньше удивлялась, как «волшебник» папа превращал плоские листки в объёмные игрушки: самолёт, корабль и кубик. Теперь же перед глазами открылся целый бумажный мир, где были животные, птицы, цветы, предметы... Сразу захотела сложить милые фигурки из небольших квадратиков со стороной 4-5 см. С годами их размер стал уменьшаться.

Спустя 18 лет по примеру мастерицы Муи-Лин Те научилась складывать журавлика из пятимиллиметровой тетрадной клеточки. Но однажды мама сказала: «Попробуй взять бумажку поменьше!». Взяла листок 4 x 4 мм, попробовала – получилось с первой попытки. Причём в работе участвовали лишь пальцы и глаза. 24 июня 2015 года это достижение – «Самая маленькая бумажная фигурка оригами "Журавль, машущий крыльями", сложенная вручную без использования вспомогательных приспособлений. Начальный размер листа: 4 x 4 мм» – было зафиксировано в Книге рекордов России. Позже – один раз, ради интереса – так же создала такого же журавлика из квадратика 3 x 3 мм.

В 2023 году подарила журавликам друга: сложила лебедя – как всегда, лишь при участии пальцев и глаз – из бумажного листка 2 x 2 мм. Готовая птичка размером 0,15 x 0,1 см – самая маленькая в мире фигурка оригами, сложенная без вспомогательных инструментов и оптических приборов.

Есть две мастерицы (Муи-Лин Те в Канаде и Аня Маркевич в Германии), которые тоже складывают бумажные фигурки оригами подобного размера без микроскопа – правда, с помощью пинцета и зубочистки соответственно, из квадратиков от 5 x 5 мм, по готовым схемам. А я творю полностью вручную, беру листки меньшего размера и разрабатываю многие схемы сама.

К моменту установления рекорда уже отошла от классического оригами и придумала новое направление: красочные композиции бумажных миниатюр по авторским сюжетам и по мотивам художественных произведений. Традиционное оригами предполагает использование одного некрашеного листа бумаги без применения клея и ножниц. Продолжая складывать фигурки по схемам, допускаю вольности: склеиваю и тщательно расписываю детали. Часто веду линию не дыша, чтобы рука не дрогнула. Иногда украшаю работы проволочным бисерным плетением.

Композиции пропорциональны и гармоничны. За основу беру наименьшую деталь как можно меньшего размера, относительно неё рассчитываю размеры остальных деталей. Мои самые крошечные листки – прямоугольник со стороной 1 мм и квадрат 2 x 2 мм. В среднем высота составных фигурок людей – 3,5 см, высота композиций – 5 см. Воплощаю замыслы порой за несколько дней, порой за несколько месяцев – смотря по сложности задачи.

Крупнейшая миниатюра «Гений чистой красоты» (77 деталей) посвящена творческому гению А. С. Пушкина. Она олицетворяет талант Пушкина выражать глубокое чувство точным словом. Перо поэта превращает проникновенные слова «Чистойшей прелести чистойший образец», обращённые к невесте и музе Н. Н. Гончаровой, в белоснежных птиц. Слова-птицы образуют сердце: его начало – на страницах книги, завершение – в веренице-арке вокруг девушки. Окрылённый любовью творец запечатлевает образ своей возлюбленной в веках.

Мои работы получили признание в международных и всероссийских конкурсах. Композиция «Озёрск. Беседка Курчатова» одержала победу в самом престижном из них – на XXII Международной

выставке-конкурсе современного искусства «Российская Неделя Искусств» сезона «2017-весна» (Москва), широкомасштабном художественном форуме, где произведения участников оценивало профессиональное жюри из 10 городов России и 16 стран мира.

Статьи о миниатюрах опубликованы в белорусских и российских печатных и электронных СМИ, в том числе в каталоге «Новые лица в Искусстве» – международном издании, распространяемом в галереях, на выставках и ярмарках.

Композиции стали экспонатами музеев Санкт-Петербурга, Казани, Архангельска, Озёрска и выставок в Сеуле, Москве, Санкт-Петербурге, Озёрске. В петербургском Дворце Кваренги около Невского проспекта миниатюра «К счастью!» открывает экспозицию «Сделано в России».

Работы-подарки в виде персонажей спектаклей входят в коллекции артистов музыкального театра Москвы и Санкт-Петербурга. Композиция «Призрак Оперы» стала настоящим талисманом. Дмитрий Ермак, лауреат высшей национальной театральной премии «Золотая маска» за главную роль в мюзикле Э. Л. Уэббера «Призрак Оперы», в письме поблагодарил меня и сообщил, что эта миниатюра весь сезон стояла на его гримёрном столе.

Конечно, есть и миниатюры, вдохновлённые озёрским театром. Композиция «Вовка и Озёрик» создана к премьере краеведческого спектакля «Вовка из Сороковки» театра кукол «Золотой петушок». Миниатюра показывает, как мальчик Вовка встретил в беседке Курчатова – историческом символе Озёрска (ранее Челябинска-40, по-простому Сороковки) – весельчака Озёрика, молодёжный символ города. Юный краевед объединил прошлое и настоящее своей малой родины, чтобы нести эти знания в будущее. Передний план украшает мозаика в стиле колосниковой башни, на беседке сидит символ театра – золотой петушок. А композиция «Уютное гнёздышко» посвящена самому театру кукол «Золотой петушок»: петушок и курочка собрали в гнёздышке цыплят – им, как и маленьким зрителям, тепло и радостно в уютном домике.

Почему все детали сложены в технике оригами, а не просто вырезаны из бумаги? Во-первых, так фигурки получаются объёмными, живыми. Во-вторых, это воспоминание о «волшебных» папиных игрушках. Наконец, в основе работ лежит богатая символика классических фигурок. Моя визитная карточка – композиция, где вокруг цветка (знака дружбы и доброго напутствия) летят журавли (символы любви, верности и долголетия).

Следую девизу: «При желании даже простыми средствами можно сотворить маленькое чудо и добиться большого успеха». Показываю, что каждое любимое (а не только модное или дорогостоящее) занятие можно сделать настоящим искусством. Стараюсь порадовать и вдохновить людей. Миниатюры хранят тепло пальцев и светлые мысли.

«Ночная Музыка»
(по мюзиклу Э. Л. Уэббера «Призрак Оперы»)

Ряд других работ (фото) Алёны Ивановой можно увидеть на 4 стр. обложки журнала.

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна (Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Думрауф-Шрейдер Елена (Липецк)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Кобелев Александр Афанасьевич (Новонкутск, Иркутская обл.)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Карпов Леонид Семёнович (Кестеньга, Карелия)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Поломошина Наталья Суреновна (Северомуйск, Бурятия)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логина** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни» Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.

«Гений чистой красоты»

«Вовка и Озёрик»

Северомуйск – 2024

